

**РУССКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ
И ЕВРЕИ**

**РУССКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ
И ЕВРЕИ
(СБОРНИК)**

РУССКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ И ЕВРЕИ

СБОРНИК

СОСТАВИЛИ:

А. ФЛЕГОН

И

Ю- НАУМОВ

FLEGON PRESS

ЛОНДОН

РУССКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ
И ЕВРЕИ

RUSSIAN ANTI-SEMITISM
AND THE JEWS

COPYRIGHT "FLEGON PRESS", 1968

21 Rathbone Place, London, W.1.

*Printed in the United Kingdom for Flegon Press
by the Multilingual Printing Services,
200 Liverpool Road, London, N.1.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящая книга — первая попытка осветить объективно жизнь евреев в России и СССР, предоставляя слово не только самим евреям, но и антисемитам. Мы не сомневаемся, что нас будут критиковать самые разнообразные круги, главным образом враждебные и крайние, но мы надеемся, что эта книга будет читаться с интересом теми, для кого нахождение правды стоит выше личных желаний или чувств.

Мы считаем, что настоящий сборник далеко не полный, и мы хотели бы включить в него больше материалов о современном положении евреев в СССР, также как и больше анекдотов из быта советских евреев. Мы будем благодарны всем тем, кто сможет прислать нам материалы для включения в следующее издание.

Хотелось бы добавить, в качестве объяснения, что в главе о советских писателях мы применили терминологию советской литературной энциклопедии, где под выражением «еврейский» (писатель, поэт и пр.) подразумевается не национальность, а язык, т. е. «писавший на еврейском языке».

А. ФЛЕГОН

Евреи Советского Союза будут вспоминать Хрущева лишь благодаря одному акту его политики: подписанию договора между СССР и Польшей о репатриации бывших польских граждан, проживавших на территории Союза. Вследствие этого договора период между 1956 и 1959 гг. ознаменовался массовым исходом сотен тысяч людей в Польшу, среди которых было много евреев. Одним из этих счастливых оказался и я. Помню, как накануне моего отъезда ко мне приходили прощаться знакомые и друзья — те евреи, которым по воле судьбы

не дано было выехать. Они желали мне счастья, удачи, пожимали мне руку, и с тоской и надеждой смотрели на меня. В их глазах не было зависти. Они видели во мне своего посланца в свободный мир. »Когда попадете на свободу«, — говорили они, — »кричите, кричите, что есть мочи о том, как мы здесь страдаем. Пусть мир узнает об этом, пусть постарается что-нибудь сделать для нас. Здесь нам не у кого искать защиты«.

Я обещал это сделать. Но когда я приехал в свободный мир и стал кричать, от моего крика отшатнулись »прогрессивные круги« Запада, отшатнулись почти все. Этот крик был им неприятен, он им мешал спокойно переваривать пищу. А я всё чувствовал рукопожатия провожавших евреев, тоску и надежду в их глазах: »Кричите!« ...

Данный сборник — это мой крик, крик во всю мощь моего голоса. »Не оставьте евреев Советского Союза в беде. Они беззащитны. Эти несчастные — ваши братья. Если принципы гуманизма еще живы, человек должен вступить за ближнего, человек должен помнить о страданиях другого человека, ибо никто нигде не застрахован от подобного«.

Ю. НАУМОВ

**» . . . Я — еврей, пока будет существовать
на свете хотя бы один антисемит«.**

Илья Эренбург *»Люди, годы, жизнь«*,
Москва, 1967 г., стр. 571.

Юлиан Тувим

МЫ — ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Нижеприведенный отрывок не относится непосредственно к России, но мы считаем, что Тувим выразил здесь чувства всех евреев к странам, в которых они родились — будь то Польша, Россия, Румыния или любая другая страна мира. Поставьте вместо Шопена — Чайковского, вместо Мицкевича — Некрасова, и т. д. — и этот отрывок будет выражать чувства русского еврея.

»И сразу я слышу вопрос: »Откуда это »мы«? Вопрос в известной степени обоснованный. Мне задавали его евреи, которым я всегда говорил, что я — поляк. Теперь мне будут задавать его поляки, для подавляющего большинства которых я был и остаюсь евреем. Вот ответ и тем и другим... Я — поляк, потому что мне нравится быть поляком. Это мое личное дело, и я не обязан давать кому-либо в этом отчет. Я не делю поляков на породистых и непородистых, предоставляю это расистам иностранным и отечественным. Я делю поляков, как евреев, как людей любой национальности, на умных и глупых, на честных и бесчестных, на интересных и скучных, на обидчиков и на обиженных, на достойных и недостойных. Я делю также поляков на фашистов и антифашистов... Я мог бы добавить, что в политическом плане я делю поляков на антисемитов и антифашистов, ибо антисемитизм — международный язык фашистов... Я — поляк, потому что в Польше я родился, вырос, учился, потому что в Польше узнал счастье и горе, потому что из изгнания я хочу во что бы то ни стало вернуться в Польшу, даже если мне будет в другом месте уготована райская жизнь... Я — поляк, потому что по-польски я исповедовался в тревогах первой любви, по-польски лепетал о счастье и бурях, которые она приносит. Я — поляк еще потому, что береза и ветла мне ближе, чем пальма или кипарис, а Мицкевич и Шопен дороже, нежели

Шекспир и Бетховен, дороже по причинам, которых я опять-таки не могу объяснить никакими доводами разума... Я слышу голоса: »Хорошо. Но если вы — поляк, почему вы пишете »мы — евреи«? Отвечу: »Из-за крови«. — »Стало быть, расизм«? — »Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая — это сок тела, ее исследование — дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-либо свойства, помимо физиологических, тот, как мы это видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей и в конце концов, как мы это увидим, обрекает на гибель свой собственный народ. Другая кровь — это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не »еврейская кровь«) течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение — кровавое, горячее, мученическое братство с евреями... Мы, Шлоймы, Срули, Мойшки, пархатые, чесночные, мы, со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев. Мы в катакомбах и бункерах Варшавы, в зловонных трубах канализации дивили наших соседей — крыс. Мы, с ружьями на баррикадах, мы, под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. »Арончик, что же ты не на фронте?« Он был на фронте, милостивые паны, и он погиб за Польшу...«

ОТ ПЕТРА —

ДО СТАЛИНА

Н. Гоголь

ЗАПОРОЖЦЫ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

(Из повести «Тарас Бульба»)

- Бог в помощь вам, панове запорожцы!
- Здравствуйте! — отвечали работавшие в лодках, приостановив свое занятие.
- Позвольте, панове запорожцы, речь держать!
- Говори!
- И толпа усеяла и обступила весь берег.
- Слышали ли вы, что делается на гетьманщине?
- А что? — произнес один из куренных атаманов.
- Такие дела делаются, что и рассказывать нечего.
- Какие же дела?
- Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого, — отвечал приземистый козак, поглядывая с гордостью владеющего важной тайной.
- Ну, ну, рассказывай, что такое! — кричала в один голос толпа.
- А разве вы, панове, до сих пор не слышали?
- Нет, не слышали.
- Как же это? Что ж, вы разве за горами живете, или татарин заткнул клейтухом уши ваши?
- Рассказывай, полно толковать! — сказали несколько старшин, стоявших впереди.
- Так вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святые, как шинки, на аренды?
- Нет.
- Так вы не слышали и про то, что уже христианину и пасхи не можно есть, покамест рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою?
- Ничего не слышали! — кричала толпа, подвигаясь ближе.
- И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то просто православные христиане. Так

вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтоб мы кинули и веру нашу христианскую? Вы, может быть, не слышали и об том, что уже из поповских риз жидовки шьют себе юбки?

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли в себе всю железную силу негодования. — Стой! и я скажу слово! А что ж вы, враг бы поколотил вашего батька, что ж вы? разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы пустили такому беззаконию?

— Э, как пустили такому беззаконию! — отвечал приземистый козак: — а попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да еще к тому и часть гетьманцев приняла их веру.

А гетьман ваш, а полковники что делали?

— Э, гетьман и полковники! А знаете, где теперь гетьман и полковники?

— Где?

— Полковников головы и руки развозят по ярмаркам, а гетьман, зажаренный в медном быке, и до сих пор лежит еще в Варшаве.

Содрогание пробежало по всей толпе; молчание, какое обыкновенно предшествует буре, остановилось на устах всех, и, миг после того, чувства, подавляемые дотоле в душе силою дожего характера, брызнули целым потоком речей.

— Как, чтобы нашу христову веру гнала проклятая жидова? чтобы эдакое делать с православными христианами, чтобы так замучить наших, да еще кого? полковников и самого гетьмана! Да чтобы мы стерпели всё это? Нет, этого не будет!

Такие слова перелетали во всех концах обширной толпы народа. Зашумели запорожцы и разом почувствовали свои силы. Это не было похоже на волнение народа легкомысленного. Тут волновались всё характеры тяжелые и крепкие. Они раскалялись медленно, упорно, но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

— Как, чтобы жидовство нами пановало?! А ну, пань-браты, перевешаем всю жидову! Чтобы и духу ее не было! — произнес кто-то из толпы.

Эти слова пролетели молнией, и толпа ринулась на предместье, с сильным желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши всё присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползвали под юбки своих жиждовок. Но неумолимые, беспощадные мстители везде их находили.

— Ясновельможные пань! — кричал один высокий и тощий жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. — Ясновельможные пань! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажут! — сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

— Ясные пань! — произнес жид. — Таких панов еще никогда не видывано, ей-богу никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете... — Голос его умирал и дрожал от страха. — Как можно, чтобы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее. Те совсем не наши, что арендаторствуют на Украине! ей-богу, не наши! то совсем не жижды: то чорт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-богу, правда! — отвечали из толпы Шлема и Шмуль, в изодранных яломках, оба белые, как глина.

— Мы никогда еще, — продолжал высокий жид, — не соглашались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами как братья родные...

— Как? чтоб запорожцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жижды! В Днепр их, панове, всех потопить поганцев!

Эти слова были сигналом, жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон; но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жиждовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный высокий оратор, накликавший сам на свою шею беду, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил:

— Великий господин, ясновельможный пан! Я знал и брата вашего покойного Дороша. Какой был славный воин! Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков.

— Ты знал брата? — спросил Тарас.

— Ей-богу, знал: великодушный был пан.

— А как тебя зовут?

— Янкель.

— Хорошо, я тебя проведу. — Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли козаки его. — Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись, а вы братцы, не выпускайте жида.

НАКАЛ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

(Из повести «Борислав смеется», изучаемой в советских средних школах)

— А теперь, милые мои побратимы, — сказал Андрусь, — рассказывайте по очереди о той кривде-неправде, которую каждый из вас за эту неделю узнал, видел или слышал. Кто ее сделал, кому и за что, рассказывайте все, чтобы, когда придет наше время и наш суд, каждому было отмерено по справедливости!

Минуту было тихо после этого призыва, затем заговорил старый Стасюра.

— Придет, говоришь, наше время и наш суд... Хоть я, вижу, не дождусь этого дня, ну, да, может быть, вы, помоложе которые, дождетесь... Так вот, для того, чтобы отмерить каждому по правде и справедливости, послушайте, что я слышал и видел за эту неделю. Оська Бергман, надсмотрщик в той кошаре¹, в которой я работаю, снова на этой неделе избил четырех рабочих, а одному бойчуку² выбил палкой два зуба. И за что? Только за то, что бедный бойчук, голодный и больной, не мог поднять сразу полную корзину глины.

— Нарезай, Деркач! — сказал Андрусь ровным и спокойным голосом, и только глаза его заблестели каким-то странным огнем.

— Этот бойчук, — продолжал Стасюра, — очень очень добрая душа, и я привел бы его в «госпóду»³, только он, видно, совсем свалился, не был вчера на работе.

— Приведи! — подхватил Андрусь. — Чем больше нас, тем мы сильнее, а ничто так не связывает людей, как общая нужда и общая обида. А чем сильнее мы будем, тем скорее настанет время нашего суда, слышишь, старик?..

— А Мотя Крум, кассир, снова недодал рабочим из нашей кошары по пять шисток за эту неделю и еще грозил всем, что прогонит с работы, если кто посмеет напомнить об этом. Говорят, что он покупает шахту в Мразнице и что ему не хватило пятьдесят девять ренских, вот он и содрал с рабочих.

1) Кошара — сарай, барак.

2) Бойко — горец-украинец; бойчук — молодой бойко.

3) «Господа» — помещение, в котором происходили собрания представителей цехового объединения ремесленников или рабочих; «господа» в данном случае — помещение, где собирались побратимы.

Старик помолчал минуту, пока Деркач отыскал палочку Моти Крума и сделал на ней новую зарубку. Затем продолжал:

— А вот вчера иду я мимо корчмы Мошки Финка. Слышу, кричит кто-то. А это два сына шинкаря прижали какого-то человека в угол, уже пожилого, и так бьют, так дубасят кулаками под ребра, что человек тот уж едва хрипит. Наконец, отпустили его, а он уж и итти не может, а когда харкнул — кровь... Взял я его, веду да и спрашиваю, что за несчастье, за что так изуродовали? »Вот беда моя, — ответил человек и заплакал. — Задолжал я, — говорит, — неделю тому назад этому проклятому шинкарю, думал, получу деньги и выплачу. А тут пришла получка, бац, кассир меня будто забыл, не выкликает. Я стою, жду, уже выплатил всем, а меня не выкликает. Я бросился к нему спросить, в чем дело, а он шасть — и запер дверь перед самым моим носом. Как я ни кричал, ни стучал, — пропало. Еще выбежали прислужники, да меня в плечи: »Что ты здесь, пьяница, скандалишь?« Пошел я. Встречаю потом кассира на улице и к нему: »Почему вы мне не заплатили?« А тот зверем на меня посмотрел, а потом как закричит: »Ты, пьяница, будешь ко мне на улице приставать! Ты где был, когда выплата была? Я тебя здесь не знаю, там добивайся выплаты, где и другим платят!« Ну, а сегодня касса закрыта. Я проголодался, иду к Мошке съесть что-нибудь в долг, пока деньги получу, а эти два медведя ко мне: »Плати и плати за то, что ты набрал!« Как я ни прошу, ни клянусь, рассказываю, в чем дело, но где там! Прижали меня в углу и вот, смотрите, чуть было душу из тела не вымотали!«

— Нарезай метку, Деркач, нарежай! — сказал твердым, грозным голосом Басараб, выслушав со стиснутыми зубами этот рассказ. — Наглеют все больше наши угнетатели, — знак того, что кара уже висит над ними. Отмечай, побратим, отмечай живо!..

— Это верно, — продолжал Стасюра, — распустились наши обидчики, зазнались, издеваются над рабочим людом, потому что все им сходит с рук. Смотрю я, слушаю и вижу, что чем больше на свете горя и нужды народной, тем больше у них богатства и роскоши.

— Нет, не терпеть нам..., а если и терпеть, то не покорно и тихо, как терпит овца, когда ее стригут.

КИЕВСКИЙ ПОГРОМ

Что мне сказать о киевском погроме? Теперь никого ничем не удивишь. В черных домах всю ночь напролет кричали женщины, старики, дети; казалось, это кричат дома, улицы, город.

Перец Маркиш написал в те годы поэму о погроме в Городище; там убили пятьсот человек. В Бабьем Яру слыше семидесяти тысяч евреев, в Европе — шесть миллионов..., в 1919 году палачи еще не додумались до газовых камер; зверства были кустарными: вырезать на лбу пятиконечную звезду, изнасиловать девочку, выбросить в окно грудного младенца

Во дворе лежал навзничь старик и пустыми глазами глядел на пустое осеннее небо. Может быть, это был молочник Тевье или его зять, старожил обреченного Егупца? Рядом была лужица: не молока — крови. А ветер беспокойно теребил бороду старика.

.....

Как во всякой трагедии, были и фарсовые сцены. В квартиру моего тестя, доктора М. И. Козинцева, вбежал рослый парень в офицерской форме и крикнул: »Христа распяли, Россию продали!..« Потом он увидел на столе портсигар и спокойно, деловито спросил: »Серебряный?..«

Я решил пробраться в Коктебель, к Волошину; его дом казался мне убежищем. Мы ехали неделю до Харькова. На станциях в вагоны врывались офицеры или казаки: »Жидаы, коммунисты, комиссары, выходи!..« На одной станции из нашей теплушки выбросили художника И. Рабиновича.

Харьков, потом Ростов, потом Мариуполь, Керчь, Феодосия... Мы ехали добрый (нет, недобрый) месяц, зарывались в темные углы теплушек, валялись в трюме пароходов, среди больных сыпняком, которые бредили и умирали, лежали, густо обсыпанные вшами. Снова и снова раздавался монотонный крик: »А кто здесь пархатый?..« Вши и кровь, кровь и вши...

Повсюду пестрели плакаты »освага«: »Вперед, на Москву!« — конь Георгия Победоносца попирает копытами носатого еврея.

Метались из города в город московские адвокаты, питерские литераторы, аристократки, повязанные пятью

платками, с шляпными коробками, куда они клали еду, актеры, гувернантки, беспризорные. Какой-то шутник декламировал в разбитой, загаженной гостинице:

Бежать? Но куда же? На время — не стоит труда,
А вечно бежать невозможно...

На вокзалах приходилось прыгать через тела: лежали тифозные, беженцы, мешочки.

Вот этот кудрявый паренек еще вчера пел:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Теперь он горланит:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И всех жидов побьем
Напропалую.

Ни в какой бой он не собирался и не собирается; он торгует валенками, украденными на складе.

Казаки были лютыми; здесь сказались и традиции, и злоба за развороченную, разрубленную жизнь, и смятение.

В белой армии были черносотенцы, бывшие охранники, жандармы, вешатели. Они занимали крупные посты в администратии, в контрразведке, в «осваге». Они уверяли (а может быть, сами верили), что русский народ обманут коммунистами, евреями, латышами; его следует хорошенько выпороть, а потом посадить на цепь.

Встретил и я одного из растерявшихся; это был прапорщик, который любил стихи Блока. Бог знает, какими судьбами он оказался в белой армии. Он спас мне жизнь, и мне горько признаться, что я не запомнил его имени. Было это между Мариуполем и Феодосией. На пароходе мы ехали долго: сначала был пожар; потом суденышко оказалось в Азовском море, скованном льдами. Не было хлеба. Больные сыпняком ползли по льду. В одну из последних ночей огромный детина в папахе вытащил меня на обледеневшую палубу. Все спали. Офицер был куда сильнее меня, но он перепил. Мы боролись. Он тупо повторял: «Сейчас я тебя буду крестить...» Он толкал меня к борту. Помню, я подумал: хорошо, что в воду мы скатимся вместе... Ядвига, которая ехала с нами, услышав крики, кинулась в кубрик к прапорщику, тому самому, фамилию которого я запомнил. Он поднялся на палубу: «Стой! Стрелять буду!..» Увидев револьвер, мой «крестный отец» разжал объятия.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

(1877 год)

О евреях, протестовавших против мнений Достоевского:
»... На деле трудно найти что-либо раздражительнее и щепетильнее образованного еврея и обидчивее его как еврея« (стр. 86).

О евреях — эксплуататорах русского народа:

»Помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтобы не истощать рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет« (стр. 287).

О том, что встретил русский народ после отмены крепостного права: [Народ встретил] »шаткость высших слоев общества, веками укоренившуюся отчужденность от него нашей интеллигенции (вот это-то самое главное) и, в довершение, дешевку и жида. Народ закутил и запил, сначала от радости, а потом по привычке. Показали ли ему хоть что-нибудь лучше дешевки? Развлекли ли, научили ли чему-нибудь?« (стр. 89-90).

Об особых тайных законах, лежащих в основе деятельности еврейского народа:

»Видите ли, чтобы существовать сорок веков на земле, то-есть во весь почти исторический период человечества, да еще в таком плотном и нераздельном единении, чтобы терять столько раз свою территорию, свою политическую независимость, законы, почти даже веру, терять и всякий раз опять соединяться, опять возрождаться в прежней идее, хоть и в другом виде, опять создавать себе законы и почти веру — нет, такой живучий народ, такой необыкновенно сильный и энергичный народ... не мог существовать без »статус ин стату«, который он сохранял всегда и всюду, во время самых страшных тысячелетий рассеяний и гонений своих« (стр. 94).

О законах Талмуда, говорящих о богоизбранничестве еврейства и об его миссии управлять миром:

»... Даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами, — все равно верь всему, что тебе обещано, раз навсегда, верь тому, что все сбуй-

дется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй, и ожидай, ожидай» (стр. 94).

Об идее «статус ин статус» («государство в государстве»): «Излагать это было бы долго, да и невозможно еще и по той даже причине, что не настали еще все времена и сроки, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом племени еще впереди. Но, не вникая в суть и глубину предмета, можно изобразить хотя некоторые признаки этого статус ин статус, по крайней мере хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчуждимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей, другие хоть есть, но все равно надо считать, что их как бы и не существовало» (стр. 94).

«Выйди из народов и составь свою особь, и знай, что с сих пор ты один у Бога, остальные истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй.

Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту не общайся». «Вот суть идеи этого статус ин статус, а затем, конечно, есть внутренние, а, может быть и таинственные законы, ограждающие эту идею» (стр. 94).

В связи с разлагающим влиянием еврейства — «Что же будет дальше?»:

«Близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеческие, жажда правды, чувства христианские, национальные, и даже народной гордости народов. Наступает напротив материализм, слепая плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь по средствам теснейшего нравственного и братского единения людей» (стр. 98-99).

Достоевский о своей вере в русский народ:

«Если мы (русские) захотим, то нас не победят ни жида всей Европы вместе, ни миллионы их золота, ни миллионы их армий, что если мы захотим, нас нельзя заставить делать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле» (стр. 114).

ПОГРОМ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Отрывок из советского романа «Как закалялась сталь». Мы надеемся, что прозорливый читатель сумеет здесь отделить истину от пропаганды.

*

Слухи о погроме ползли по городку. Заползли они и в еврейские домишки, маленькие, низенькие, с косоглазыми оконцами, примостившиеся каким-то образом над грязным обрывом, идущим к реке. В этих коробках, называющихся домами, в невероятной тесноте жила еврейская беднота.

.

Разбой начался ранним утром.

Городок плавал в предрассветной серой дымке. Пустые улицы, как измокшие полотняные полосы, беспорядочно опутывавшие несуразно застроенные еврейские кварталы, были безжизненны. Подслеповатые окошки завешены и наглухо закрыты ставнями.

Снаружи казалось, что кварталы спали крепким предутренним сном, но в середине домишек не спали. Семьи, одетые, готовились к начинающемуся несчастью, сбивались в какой-нибудь комнатушке, и только маленькие дети, не понимавшие ничего, спали безмятежно-спокойным сном на руках матерей.

Долго будил в это утро голубовского адъютанта Паляныцю начальник голубовского конвоя Саломыга, черный, с цыганским лицом, с сызым рубцом от удара сабли на щеке.

Тяжело просыпался адъютант. Никак оторваться не мог от дурацкого сна. Все еще его царапал когтями по горлу кривляющийся горбатый черт, от которого не было отбоя всю ночь. И когда, наконец, поднял разрывающуюся от боли голову, понял: это будит Саломыга.

— Да вставай же, холера, — тряс его за плечо Саломыга. — Поздно уже, пора начинать. Ты бы еще больше выпил.

Паляныця совсем проснулся, сел и, скривившись от изжоги, сплюнул горьковатую слюну.

— Чего начинать? — вылупил он бессмысленные глаза на Саломыгу.

— Как чего? Жидов потрошить. Не знаешь?

Паляньщя вспомнил: да, верно, он совсем забыл, вчера здорово выпили на хуторе, куда забрался пан полковник со своей невестой и кучкой собутыльников.

Убраться из города Голубу на время погрома было удобно. Потом можно было сказать, что произошло недоразумение в его отсутствие, а Паляньщя успеет все обделать на совесть. О, этот Паляньщя большой специалист по части «облегчения»!

Он вылил ведро воды на голову, и к нему вернулась способность соображать. Он зашнырял по штабу, отдавая различные приказания.

Уже трогаясь в путь, Паляньщя вспомнил:

— Стой, забыл было. Давай две подводы: мы Голубу приданое пристараяемся. Го-го-го... Первая добыча, как всегда, командиру, а первая баба, ха-ха-ха, мне, адъютанту. Понял, балда стоеросовая? — Последнее относилось к Саломыге.

Тот блеснул на него желтоватым глазом.

— Всем хватит.

Тронулись по шоссе. Впереди — адъютант и Саломыга, сзади — беспорядочной ватагой конвойники.

Дымка рассвета прояснилась. У двухэтажного дома с проржавевшей вывеской «Галантерейная торговля Фукса» Паляньщя натянул поводья.

Серая тонконогая кобыла его беспокойно ударила копытом по камню.

— Ну, с божьей помощью отсюда и начнем, — сказал Паляньщя, соскакивая на землю.

— Эй, хлопцы, слазь с коней! — обернулся он к обступившему его конвою. — Представление начинается, — пояснил он. — Хлопцы, по черепкам никого не стукать, на то будет еще час; баб тоже, если не велика охота, до вечера продержитесь.

Один из конвойников, оскалив крепкие зубы, запротестовал:

— Как же так, пане хорунжий, а ежели по доброму согласию?

Крутом заржали. Паляныця посмотрел на говорившего с восхищенным одобрением.

— Ну, конечно, если по доброму согласию, валяйте, этого запретить никто не имеет права.

Подойдя к закрытой двери магазина, Паляныця с силой толкнул ее ногой, но крепкая дубовая дверь даже не дрогнула.

Начинать надо было не отсюда. Адьютант завернул за угол, направился к двери, ведущей в квартиру Фукса, придерживая рукой саблю. За ним двинулся Саломыга.

В доме сразу услышали стук копыт по мостовой, и когда топот затих у лавки и сквозь стену донеслись голоса, сердца словно оторвались и тела как бы замерли. В доме было трое.

Богатый Фукс еще вчера удрал из города со своими дочерьми и женой, а в доме оставил стеречь добро прислугу Риву, тихую, забитую девятнадцатилетнюю девушку. Чтобы не страшно было в пустой квартире, он предложил ей привести своих стариков — отца с матерью — и всем троим жить до его возвращения.

Хитрый коммерсант успокаивал слабо возражавшую Риву, что погрома, может быть, и не будет, что им взять с нищих? А он уже ей, Риве, по приезде подарит на платье.

Все трое в мучительной надежде прислушивались: авось проедут мимо, может, они ошиблись, может, те остановились не у их дома, может, это просто показалось. Но, как бы опровергая эти надежды, глухо ударили в дверь магазина.

Старый, с серебряной головой, с детски испуганными голубыми глазами Пейсах, стоявший у двери, ведущей в магазин, зашептал молитву. Он молился всемогущему Иегове со всей страстностью убежденного фанатика. Он просил его отвратить несчастье от дома сего, и стоявшая рядом с ним старуха не сразу разобрала за шепотом его молитвы шум приближавшихся шагов.

Рива забилась в самую дальнюю комнату, за большой дубовый буфет.

Резкий, грубый удар в дверь отозвался судорожной дрожью в теле стариков.

— Открывай! — Удар резче первого и брань озлобленных людей.

Но нет сил поднять руки и откинуть крючок.

Снаружи часто забили прикладами. Дверь запрыгала на засовах и, сдаваясь, затрещала.

Дом наполнился вооруженными людьми, рыскавшими по углам. Дверь в магазине была вышиблена ударом приклада. Туда вошли, открыли засовы наружной двери.

Начался грабеж.

Когда подводы были нагружены доверху материей, обувью и прочей добычей, Саломыга отправился на квартиру Голуба и, уже возвращаясь в дом, услышал дикий крик.

Паляныща, предоставив своим потрошить магазин, вошел в комнату. Обведя троих своими зеленоватыми рысьими глазами, сказал, обращаясь к старикам:

— Убирайтесь!

Ни отец, ни мать не трогались.

Паляныща шагнул вперед и медленно потянул из ножен саблю.

— Мама! — раздирающе крикнула дочь.

Этот крик и услышал Саломыга.

Паляныща обернулся к подоспевшим товарищам и бросил коротко:

— Вышвырните их! — Он указал на стариков, и когда тех с силой вытолкнули за дверь, Паляныща сказал подошедшему Саломыге: — Ты постой здесь за дверью, а я с девочкой поговорю кое о чем.

Когда старик Пейсах кинулся на крик к двери, тяжелый удар в грудь отбросил его к стене. Старик задохнулся от боли, но тогда в Саломыгу волчицей вцепилась вечно тихая старая Тойба.

— Ой, пустите, что вы делаете?

Она рвалась к двери, и Саломыга не мог оторвать ее судорожно вцепившиеся в жупан старческие пальцы.

Опомнившийся Пейсах бросился к ней на помощь.

— Пустите, пустите!.. О, моя дочь!

Они двоим оттолкнули Саломыгу от двери. Он злобно рванул из-за пояса наган и ударил кованой рукояткой по седой голове старика. Пейсах молча упал.

А из комнаты рвался крик Ривы.

Когда выволокли на улицу обезумевшую Тойбу, улица огласилась нечеловеческими криками и мольбами о помощи.

Крики в доме прекратились.

Выйдя из комнаты, Паляныща, не глядя на Саломыгу, взявшегося уже за ручку двери, остановил его:

— Не ходи — задохлась: я ее немного подушкой прикрыл. — И, шагнув через труп Пейсаха, вступил в темную густую жижу.

— Неудачно как-то началось, — выдавил он, выйдя на улицу.

За ними молча следовали остальные, и от их ног на полу комнаты и на ступеньках оставались кровавые отпечатки.

А в городе уже шел разгром. Вспыхивали короткие волчьи схватки среди не поделивших добычу громил, кое-где взметывались выхваченные сабли. И почти всюду шел мордобой.

Из пивной выкатывали на мостовую дубовые десятиведерные бочки.

Потом ползли по домам.

Никто не оказывал сопротивления. Рыскали по комнаташкам, бегло шарили по углам и уходили навьюченные, оставив взрыхленные груды тряпья и пуха распоротых подушек и перин. В первый день было лишь две жертвы: Рива и ее отец, но надвигавшаяся ночь несла с собой неотвратимую гибель.

К вечеру вся разношерстная шакалья стая перепилась досиная. Замутневшие от угара петлюровцы ждали ночи.

Темнота развязала руки. В черной темени легче раздавить человека: даже шакал и тот любит ночь, а ведь и он нападает только на обреченных.

Многим не забыть этих страшных двух ночей и трех дней. Сколько исковерканных, разорванных жизней, сколько юных голов, поседевших в эти кровавые часы, сколько пролито слез, и кто знает, были ли счастливее те, что остались жить с опустевшей душой, с нечеловеческой мукой о несмываемом позоре и издевательствах, с тоской, которую не передать, с тоской о невозвратно погибших близких. Безучастные ко всему, лежали по узким переулкам, судорожно запрокинув руки, юные девичьи тела — истерзанные, замученные, согнутые.

И только у самой речки в домике кузнеца Наума шакалы, бросившиеся на его молодую жену Сарру, получили жестокий отпор. Атлет-кузнец, налитый силой двадцати четырех лет, со стальными мускулами молодобойца, не отдал своей подруги.

В жуткой короткой схватке в маленьком домике разлетелись, как гнилые арбузы, две петлюровские головы. Страшный в своем гневе обреченного, кузнец яростно

защищал две жизни, и долго трещали сухие выстрелы у речки, куда сбегались почуявшие опасность голубовцы. Расстреляв все патроны, Наум последнюю пулю отдал Сарре, а сам бросился навстречу смерти со штыком наперевес. Он упал, подкошенный свинцовым градом на первой же ступеньке, придавив землю своим тяжелым телом.

На сытых лошадях появились в городке крепкие мужички из ближних деревень, нагружали подводы тем, что облюбовывали, и, сопровождаемые своими сынами и родственниками из голубовского отряда, спешили обернуться два-три раза в деревню и обратно.

Сережа Брузжак, укрывший с отцом в подвале и на чердаке половину типографских товарищей, возвращался через огород к себе во двор; он увидел бежавшего по шоссе человека.

Взмахивая руками, в длиннополом заплатанном сюртуке, без шапки, с мертвым от ужаса лицом, задыхаясь, бежал старик еврей. Сзади, быстро нагоняя, изогнувшись для удара, летел на сером коне петлюровец. Слыша цокот лошади за спиной, старик поднял руки, как бы защищаясь. Сережа рванулся на дорогу, бросился к лошади, загородил собой старика.

— Не тронь, бандит, собака!

Не желая удерживать удара сабли, конник полоснул плащом по юной белокурой голове.

.

АНТИСЕМИТСКИЕ АНЕКДОТЫ

Сюжеты многих данных анекдотов являются «классическими», т. е. они появились задолго до Октября, но им все-же нетрудно было приспособиться к советской действительности. В них выражается неприязненное отношение рассказчиков к тому, что, по их мнению, является моральными качествами евреев.

Трусость

Командир: »Вперёд, орлы!«

Все побежали в атаку, только два еврея остались в окопе.

Командир: Вы почему остались?

Евреи: Мы не орлы, мы Львы.

*

Командир решил проверить храбрость своих солдат, и когда все сидели и курили, неожиданно поднял страшную стрельбу. Все попадали с мест, только один Лазарь остался сидеть попрежнему.

Тут все стали его хвалить и дали ему медаль »За отвагу«. Командир спрашивает: »Скажи, Лазарь, как это ты не побоялся?« Лазарь: Товарищ командир, я хотел бежать, да брюки отяжелели.

*

Трусость и стремление к тепленькому местечку

Еврея призывают в армию. Начальник комиссии говорит:

- В пехоту его.
- Уй, в пехоту не могу, у меня ноги маленькие.
- В кавалерию его.
- Уй, в кавалерию? Я не умею на лошади ездить.
- В авиацию его.
- А, в кооперацию! Там у меня брат работает.

*

Отсутствие национальной гордости. Стыд за свою национальность. Желание скрыть свое еврейство и примкнуть к господствующей нации.

В армии определяют национальности солдат. Еврею говорят: «Скажи — кукуруза». Еврей отвечает:

— Зачем мне сказать «кукуруза»? Я лучше скажу три раза — пшёнка, пшёнка, пшёнка.

*

Хитрость и жадность

В поезде русский, украинец и еврей вздумали играть в «дурака». Карт у них не было, ну и решили играть вещами вместо карт. Русский ставит на стол бутылку водки и говорит: «Семерка пик». Украинец кладет полкило сала: «Шестерка пик». Еврей говорит: «Крыть нечем — забираю».

*

Три служителя культа решили поделиться опытом и рассказывают друг другу, как они делят с богом подаяния верующих.

Пастор: «Я делю деньги на две кучки и беру себе ту, которая поменьше».

Ксендз: «Я делю деньги на две равные части. Одну из них даю костелу, а другую беру себе».

Раввин: «Я кладу все собранные деньги на поднос и подбрасываю его вверх. Бог берет, сколько ему нужно, а я подбираю остальное».

*

Жадность в качестве основной страсти еврея. Перевес жадности над естественными человеческими чувствами

В первые годы советской власти велосипед считался роскошью. Вдруг жители местечка видят, что Янкель едет на велосипеде. Все удивляются:

— Откуда ты достал велосипед?

Янкель: Это было очень просто. Жена почтмейстера пригласила меня к себе на чай. После чая она расстегнула кофточку, обнажила грудь и сказала: «Янкель, возьми самое дорогое, что у меня есть». Я оглянулся, увидел велосипед, и забрал его.

Глупость в сочетании с хитростью

Рабинович не уплатил за квартиру. Вдруг он видит в окно, что к нему идет управдом. Он испугался: »Уй, Сара, что теперь будет? Нас с квартиры прогонят«. В это время у него находился друг Хаимович. Рабинович говорит ему: »Сделай дружеское одолжение — скажи управдому, что ты меня не знаешь и что это твоя квартира«. Хаимович согласился и Рабинович спрятался под кроватью.

Приходит управдом и спрашивает:

— Где Рабинович?

Хаимович: Я такого не знаю. Это моя квартира.

Управдом: Это квартира Рабиновича. Я узнаю его жену и мебель.

Х.: Это моя квартира, моя мебель и моя жена. Хотите доказательство? Сара, ложись.

(Сара ложится на кровать. Хаимович рядом с ней).

У.: Я вам не верю.

Х.: Еще не верите?

(Он лег на Сару).

У.: Все равно не верю.

(Хаимович начал действовать).

Рабинович из-под кровати: Ты мимо, мимо!

Хаимович: Как я смею обманывать советскую власть?

*

Еврей за картами проиграл все свои деньги. Ему страшно хочется играть ещё, но партнеры не согласны играть в кредит. Один говорит: »Ставь свою жену на карту«. Еврей согласился и опять проиграл. Тут от позора с ним случился разрыв сердца.

Стали думать, как известить об этом его жену. Решили послать для этого Мойше. Мойше пошел к Саре и говорит:

— Сара, Хаим проиграл все деньги в карты.

Сара очень не любила, когда её муж играл в карты. Она крикнула:

— Чтобы он сдох!

Мойше: Уже.

*

Еврей как «соль» анекдота

В результате улучшения советско-финских отношений в 50-х годах, советское правительство решило временно отказаться от планов аннексии Финляндии и переименовало название Карело-Финской ССР, представлявшее юридическую угрозу Финляндии, на Карельскую АССР. Неискушенный народ удивлялся: в чем дело?

Нашелся один знаток, который объяснил:

— Во всей республике были всего два финна — фининспектор и Финкельштейн, да кажется, что последний и был этим фининспектором.

*

Три еврея должны были поехать в Париж в качестве торговых представителей. При этом они должны были переменить свои имена на французский лад, чтобы французам было легче их произносить. Лазарь стал Луи, Мойше стал Муи, а Хаим сказал:

— Я в Париж не поеду.

*

Хитрость

НКВД-ист должен был расстрелять русского и еврея. Перед казнью он каждому обещал исполнить его последнее желание.

Русский пожелал поговорить со священником, и его желание было удовлетворено.

Еврей пожелал покушать малинки.

— Но где же теперь достать малину? Ведь теперь декабрь месяц!

— Ничего, товарищ, я не тороплюсь.

*

Хаим и Янкель были безработными и не имели никакой профессии. А жить-то ведь надо. Поэтому они решили испытать счастья в цирковом искусстве. Они пришли в деревню и на центральной площади вывесили объявление: «Сегодня вечером в 8 ч. два всемирно известных артиста Хаим и Янкель дадут цирковое представление».

Вечером вся деревня собралась на площади. Надо что-то показывать. Хаим говорит Янкелю: «Полезай на дерево». Янкель говорит: «Нет, ты полезай». Хаим полез,

а Янкель остался стоять внизу. Он вынул из кармана часы и спрашивает:

— Хаим Зейгер, что у меня в руке? («Зейгер» по-еврейски значит »часы«).

— Хаим отвечает: »Часы«.

— Правильно. А в какой руке?

— В правой.

— А точнее?

— В левой.

*

Политическая неблагонадежность, лицемерие, злые умыслы против других народов

Встречаются два еврея. У одного из них три сына: один в Москве, другой в Варшаве, а третий в Израиле. Происходит следующий разговор.

— Чем занимается твой сын в Москве?

— Он строит коммунизм!

— А тот из Варшавы?

— Он тоже строит коммунизм!

— Вероятно, сын в Израиле тоже строит коммунизм?

— Что ты, с ума сошел? В собственной стране?

*

Торгашеская душа

Однажды англичанин, француз, китаец и еврей обедали в ресторане за одним столом. Подали суп, и в тарелке у каждого оказалось по мухе. Англичанин, красный от злости, но не говоря ни слова, встал из-за стола и ушел. Француз позвал официанта, начал кричать, и в ярости бросил тарелку с супом на пол. Китаец обрадовался: »А, муха!« — и съел ее как лакомство. Еврей, увидел это, спокойно вынул муху из своей тарелки и продал ее китайцу.

*

Отвратительная внешность

Одна еврейка пришла к раввину узнать, скоро ли вернется к ней пропавший муж. Ей сказали, что она не должна тревожить раввина таким вопросом, но может

задать вопрос в письменной форме, а раввин ей ответит, когда у него будет время.

Вскоре ученик раввина принес ей записку, в которой раввин ее извещал, что ее муж вернется через полгода. Вручая записку, ученик добавил: »А я тебе говорю, что он никогда не вернется«.

— Паршивец, — вскрикнула еврейка, — почему ты думаешь, что ты больше знаешь, чем раввин?

— Потому что раввин видел твою записку, а я вижу твою морду.

*

Желание пролезть в руководящие должности

На заседании Коминтерна:

— Хаим, мажь лицо ваксой, надо выступать от Африки.

*

— Скажи, много ли евреев в партии?

— Нет, процентов 60.

— А остальные?

— Еврейки.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я расходился с Плеве и по еврейскому вопросу. В первые годы моего министерства при Императоре Александре III, Государь как-то раз меня спросил:

»Правда ли, что вы стоите за евреев?«

Я сказал Его Величеству, что мне трудно ответить на этот вопрос, и просил позволения Государя задать Ему вопрос в ответ на этот. Получив разрешение, я спросил Государя, может ли Он потопить всех русских евреев в Черном море. Если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными Государя.

Его Величество на это мне ничего не ответил и остался ко мне благосклонным и верил мне до последнего дня своей жизни. Несчастный день для России...

Я и до ныне остаюсь при высказанном мною Александру III убеждении по еврейскому вопросу. Поэтому, когда я был министром финансов, я систематически возражал против всех новых мер, которые хотели принимать против евреев. Я был безсилен заставить пересмотреть все существующие законы против евреев, из которых многие крайне несправедливы, а в общем законы эти принципиально вредны для русских, для России, так как я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас русских и для Российской Империи. Все наиболее существенные законы, ограничивающие права евреев, пошли в последние десятилетия не в законодательном порядке, а через комитет министров, как законы временные. Всегда употреблялась одна фарисейская формула »впредь до пересмотра всех законов об евреях (причем всегда давалось понять, что законы эти будут пересматриваться с точки

*) *Граф С. Ю. Витте* (1849-1915), государственный деятель. Был женат на еврейке.

зрения расширительной, а не ограничительной) повелеваем и пр.«. Законодатели не имели государственного мужества ставить вопрос открыто. Они знали, что государственный совет (старый, составленный исключительно по ныне модному выражению из бюрократов) или большинством выскажется против или спустит представление »в песок« или по меньшей мере наговорит много неприятных истин для министров, внесших проект новых стеснений евреев. Поэтому в государственный совет, как-бы то по закону следовало, таких законов не вносили, а проводили их через комитет министров, а если и тут опасались возражений, то через особые совещания или просто всеподданнейшими докладами.

Особенно ярким противником евреев был Великий Князь Сергей Александрович.

Меры, принятые Великим Князем относительно евреев в Москве, не только не прошли через государственный совет, но даже не могли пройти через комитет министров. Некоторые прошли через особые совещания, а другие прямо по всеподданнейшим докладам министра внутренних дел, так как министр внутренних дел, вынужденный Великим Князем провести ту или другую меру, сомневался даже получить на нее согласие в совещании из подлежащих министров. Если бы после Александра II продолжали вести политику относительно евреев в духе Его царствования, т. е. постепенно уничтожали исключительные законы относительно евреев, то еврейского вопроса в том положении, в котором он находится в России ныне, не было бы. Евреи бы не стали одним из злых факторов нашей проклятой революции, еврейский вопрос существовал бы в том виде, в котором он существует в тех странах, где имеется изрядное количество евреев. Для того, чтобы этот вопрос был окончательно предан забвению, конечно, нужно десятки и, вероятнее, сотни лет. Расовые особенности евреев могут изгладиться только постепенно и медленно. После же Александра II вместо того, чтобы вести политику относительно евреев в смысле постепенного уничтожения специальных еврейских законов, начали принимать ряд самых резких законодательных стеснений. Так как вся гора еврейских законов представляет смесь неопределенностей с возможностью широкого толкования в ту или другую сторону, то на этой почве создалась целая куча всяких произвольных и противоречивых толкова-

ний. В результате явился источник самого разнообразного взяточничества. Ни с кого администрация не берет столько взяток, сколько она пользуется с евреями. В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнического налога на жидов. Само собою разумеется, что при таком положении вещей вся тяжесть антиеврейского режима легла на беднейший класс, ибо чем еврей более богат, тем он легче окупается, а богатые евреи иногда не только не чувствуют тяжесть стеснений, а напротив, в известной мере, главенствуют, они имеют влияние на высших чинов местной администрации. В начале 80-х годов сенат боролся с таким положением вещей, стараясь не допускать произвольных толкований законов и стеснений евреев, но затем со стороны министров внутренних дел последовали всякие наветы на некоторых сенаторов, как противодействующих администрации. Начали обходить таких сенаторов наградами, переводить их из одних департаментов в другие, даже были случаи увольнения наиболее строптивых, наконец, начали назначать новых послушных сенаторов. В результате и сенат начал давать по еврейским законам такие толкования, которые по правде никоим образом из законов не следовали.

Все это способствовало крайнему революционированию еврейских масс и в особенности молодежи. Этому содействовали также и русские школы. Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет 30 тому назад, явились люди, жертвующие своею жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами, разбойниками... Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, но несомненно, что ни одна национальность не дала в России такой процент революционеров, как еврейская. Громадное количество евреев пристало к самым крайним партиям. Ожидая от освободительного движения облегчения своей участи, почти вся еврейская интеллигенция, кончившая высшие учебные заведения, пристала к «партии народной свободы», которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в громадной степени обязана своему влиянию еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материально. Я неоднократно предупреждал глав русского и иностранного еврейства, что они стали на весьма рискованный и некорректный путь, что следуя этому пути они еще более обострят еврейский

вопрос в России, что они должны добиваться облегчений корректными путями, что они должны явить пример верноподданности, что облегчений они могут добиться только через царя, что их лозунг должен быть не стремление ко всяким свободам, а только »мы просим лишь одного, чтобы для нас не создавалось исключений«. Но в пылу освободительных и революционных стремлений и доверившись вожакам партии »народной свободы«, т. е. кадетов, на мои советы не обращалось никакого внимания. Как это я им советую благоразумие и корректность, когда они находятся у порога тризны равноправия!...

В результате, конечно, явилась сильнейшая реакция, многие сочувствовавшие евреям или индифферентные к ним, стали антисемитами и весьма резкими. В России никогда не было столько врагов евреев, как ныне, никогда еврейский вопрос не стоял так неблагоприятно для евреев. Такое положение очень тягостно для них и крайне неблагоприятно для России, т. е. для ея успокоения. Я убежден в том, что покуда еврейский вопрос не получит правильного, неозлобленного, гуманного и государственного течения, Россия окончательно не успокоится; но вместе с тем весьма опасаясь, чтобы сразу данное равноправие евреям не наделало много новых смут и опять не обострило дело. Подобные, как и всякие политические вопросы, касающиеся масс, затрагивающие, так сказать, исторические предрасудки, в некоторой степени, основанные на расовых особенностях, тем более несимпатичных особенностях, могут решаться только постепенно, исподволь; — всякие быстрые резкие решения разстраивают равновесие, лучше временное равновесие, хотя бы оно было искусственное, кособокое.

Государство есть живой организм, а потому нужно быть очень осторожным в резких операциях. С государственной точки зрения граф Н. П. Игнатьев (официальный автор антиеврейского закона 1882 г.) и И. Н. Дурново наделали много вреда своей глупой политикой в еврейском вопросе. Такой ультраконсерватор, но умный человек, как граф Толстой, бывший министр внутренних дел при Александре III, не допустил бы этих ошибок. Он не успел исправить ошибки Игнатьева, но при нем еврейский вопрос успокоился. После его смерти Дурново взял прежний курс Игнатьева, хотя лично был в самых дружеских отношениях с некоторыми еврей-

скими крезами и не из материальных расчетов, ибо он денежно был человек честный. Он просто был крайне недалек и угодлив. Такой курс был в дворцовой камарилье и он угодничал. Душою же и сочинителем всех антиеврейских прозрков и административных мер был Плева, как при графе Игнатъеве, так и при Дурново. Лично, как это было ясно из многочисленных разговоров о Плева по еврейскому вопросу, он против евреев ничего не имел, он был настолько умен, что понимал, что политика эта неправильна, но она нравилась В. Кн. Сергею Александровичу, повидимому, и Его Величеству, а потому Плева старался во всю. Еврейский вопрос сопровождался погромами. Они были особенно сильны при графе Игнатъеве. Граф Толстой, вступивший вместо Игнатъева, сразу их прекратил. Затем, когда министром внутренних дел стал Плева, то он, ища психологического перелома в революционном настроении масс во время Японской войны, искал его в еврейских погромах, а потому при нем разразились еврейские погромы, из которых был особенно безобразен дикий и жестокий погром в Кишиневе.

Граф Мусин-Пушкин, генерал-адъютант закала Императора Николая I, бывший тогда командующим войсками Одесского округа, рассказывал что немедленно после погрома он приехал в Кишинев, чтобы расследовать действия войск. Описывая все ужасы, которые творили с беззащитными евреями, он удостоверял, что все произошло от того, что войска совершенно бездействовали, а бездействовали они от того, что им не давали приказания действовать со стороны гражданского начальства, как того требует закон. Он возмущался всей этой ужасной историей и говорил, что этим путем развращают войска.

Пушкин не любил евреев, но он был честный человек. Еврейский погром в Кишиневе, устроенный попустительством Плева, свел евреев с ума и толкнул их окончательно в революцию. Ужасная, но еще более идиотская политика!..

Я не решусь сказать, что Плева непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого, по его мнению, антиреволюционерного противодействия. После того как еврейский погром в Кишиневе возбудил общественное мнение всего цивилизованного мира, Плева

входил с еврейскими вожаками в Париже, а равно и с русскими раввинами в такие разговоры — »заставьте ваших прекратить революцию, и я прекращу погромы и начну отменять стеснительныя против евреев меры«. Ему отвечали: »мы не в силах, ибо большая часть — молодежь, озверевшая от голода, и мы ея не держим в руках, но думаем и даже уверены, что, если вы начнете проводить облегчительныя относительно еврейства меры, то они успокоятся«. Он начал проводить такиа меры перед его убийством (например: объявлением многих местечек на западе, как места, допустимые для еврейского жительства)...

**В СТРАНЕ
ПОБЕДИВШЕГО
СОЦИАЛИЗМА**

Официальное мнение советского еврея, за которое дают деньги, дачи и паспорта.

Соломон Рабинович, Москва

ЕВРЕИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Евреи появились в России и Литве в 8-м столетии. В Белоруссии они появились в начале 15-го столетия, а в Московском Княжестве упоминаются впервые в 1471 году.

В конце 18 столетия в России был издан закон, который давал право евреям жить только в нескольких городах* (Минск, Подольск, Чернигов, Киев, Могилев, Полтава, Витебск, Гродно и Вольнск). В результате антисемитской царской политики страдали только евреи рабочего происхождения, эксплуатируемые верхушкой — богатыми евреями и раввинами (стр. 13).

В царское время в больших городах могли жить безо всякого разрешения только богатые евреи и проститутки. Многие еврейские девушки выдавали себя за проституток лишь для того, чтобы жить в большом городе.

В средние школы принимали не больше 10 процентов евреев, а в высшие учебные заведения — не больше 3-5 процентов. Главный прокурор царского правительства, Победоносцев, выразил царскую политику относительно евреев следующими словами: »Мы должны проводить политику, которая заставит одну треть евреев перейти в христианство, приведет к уничтожению другой трети еврейского населения, и заставит эмигрировать последнюю треть«.

Большие русские писатели, как Максим Горький, Короленко, Блок, Куприн, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Серафимович, Сергеев-Ценский, Янко Купала, Немирович-Данченко, Вера Засулич, Николай Рубакин и другие были всегда на стороне евреев.

В результате существовавшего антисемитизма, большое число евреев приняло участие в революции 1917

* В настоящее время ни один еврей, также как и ни один гражданин другой национальности, не имеет права переселяться в столицы советских республик без специального разрешения, подписанного министром, и которое выдается с большими трудностями. — Ф. П.

года. В книге «В память отцам пролетарской революции», напечатанной в 1928 году, даются имена 2160 героев павших за советскую власть в 1918-21 годах. Из них 213 были евреи*.

Во время революции Белая армия уничтожила 180 тысяч евреев.

В СССР антисемитизм запрещен законом и карается суровым наказанием (от 6-ти месяцев до 3-х лет). Этот закон строго соблюдается, но редко применяется. В разговоре с американским журналистом Павлом Новиком, Геннадий Терехов — главный заместитель прокурора СССР — заявил: «Во многих случаях антисемитов посылают в тюрьмы или концлагеря. Но в некоторых случаях их достаточно наказать выговором». Шесть лет тому назад советская газета в Дагестане напечатала статью, в которой сообщала читателям, что евреи применяют кровь мусульман для религиозных обрядов. В результате появившегося шума, виновники были строго наказаны, а именно — главный редактор газеты был переведен на другую службу. Несколько лет тому назад в Малаховке сожгли синагогу. Два хулигана были посланы в концлагерь.

Как доказательство того, что в СССР нет антисемитизма, Геннадий Терехов сообщил, что процентуально в советских тюрьмах сидит меньше преступников-евреев, чем преступников других национальностей. Зачем обвинять СССР в антисемитизме, если синагоги поджигаются также и в других странах? Вспомним хотя бы случай в Калифорнии.

Еврейская Автономная область была создана в СССР 7 мая 1934 года под названием Биробиджан, и входит в Хабаровский край. Она занимает 35800 квадратных километров, т. е. она больше, чем Бельгия. В Биробиджане существуют две газеты — одна на русском языке, а другая на идиш. Передачи местного радио ведутся на русском языке, но время от времени некоторые передачи ведутся даже на идиш. В 1959 году население Биробиджана достигало 162.856 человек, из которых 14.269 были евреи, т. е. 8,8 процентов. Русские составляли 78,2 процента, а украинцы 8,9 процентов. 300.000 евреев из Польши убежали в Советский Союз перед наступлением

*) В процентном отношении, это приблизительно в 10 раз больше, чем русских. — Ф. П.

немецкой армии. Все те, которые остались в живых, после войны выехали из Советского Союза.

В оккупированной части России население, и особенно украинцы спасали евреев, рискуя своей жизнью.

Во время Второй мировой войны в советской армии было полмиллиона евреев. Из них 160.722 были награждены медалями за храбрость, а 114 получили звание «Героя Советского Союза».

В настоящее время в СССР приблизительно 3 миллиона евреев, из которых четверть миллиона живёт в Москве, почти 200.000 в Ленинграде, и приблизительно столько же в Киеве; 40.000 в Минске, 17.000 в Вильнюсе, 50.000 в Кишиневе, 30.000 в Риге, 20.000 в Тбилиси. В Черновицкой области 20,1 процента составляют евреи, в Одесской области 12,4 процента, в Гомельской 11 процентов, в Виннице 11,6 в Могилевской 7,6, в Львовской 3,6. В трех сибирских областях живет 40.000 евреев, а 30.000 в Свердловской и Челябинской областях.

Враги СССР выдумывают, что будто евреи Советского Союза не имеют возможности выехать из СССР к своим родственникам. Это чистое враньё.

Жизнь евреев в СССР — это настоящий земной рай. Вот, возьмем например генерала Драгунского, дважды Героя Советского Союза, или хотя бы генерал-майора Льва Доватора, или генерал-полковника Александра Цирлина, или генерал-лейтенанта Матвея Вайнтрауба, Шимона Кривошеина, или даже генерала армии Якова Крейцера, не говоря уже о Герое Советского Союза генерал-майоре Зиновии Концевом.

Есть ли евреи, занимающие высокое положение в СССР? Вот несколько примеров. Вениамин Дымшиц, заместитель председателя Министров СССР, Семен Гинзбург, председатель Строительного Банка, Лев Володарский, заместитель председателя ЦСУ, Юлий Боксерман, заместитель Министра Газовой Промышленности, Иосиф Равич, заместитель Министра Путей Сообщения, Леонид Гликман, заместитель Министра Химической и нефтяной промышленности, Абрам Левинский, заместитель Министра Электромашиностроительной промышленности, Арон Гиндин, главный инженер Братской Гидростанции, Арон Коган, заместитель главного прокурора РСФСР, Исаак Каганович, прокурор Отдела Расследований в Бюро Главного Прокурора СССР, Лев Менделевич, начальник Отдела стран Латинской Америки Министер-

ства Иностраннных Дел. В 1965 году 53.067 евреев работало в научно-исследовательской области. В том же году работало 70.797 украинцев, хотя их в двадцать раз больше, чем евреев в СССР. 57 евреев являются членами Советской Академии Наук. На каждые 10.000 евреев — 315 учатся в высших учебных заведениях. Из 844 человек, получивших Ленинскую Премия, 564 русских, 96 евреев, 184 представителя других национальностей. В Свердловском районе Москвы (в Москве 15 районов), между 15 июля и 31 октября 1966 года было зарегистрировано 50 еврейских браков. Из них только 17 были чисто еврейскими, а 33 были смешанными. В Бухаре трудно найти еврейскую девушку, которая вышла бы замуж за не-еврея, но зато много евреев женится на русских, узбекских и армянских девушках. Партия не ускоряет процесс ассимиляции насильственно. »Правда« от 7 октября 1966 года писала, что это отложено до полной победы коммунизма.

В 1926 году 7/10 еврейского населения считало идиш своим родным языком. В 1959 году эта цифра уменьшилась до 1/4. Почему же все-таки в Советском Союзе нет школ, где преподавание велось бы на идиш? Мы считаем, что такие школы не нужны в Советском Союзе. Я не хочу сказать этим, что в СССР нет людей, которые хотели бы учить идиш. Несомненно, такие люди есть... Я думаю, что для таких людей можно было бы организовать специальные курсы, семинарии или даже заочные курсы.

Религия не играет важной роли в жизни еврейского населения СССР. Следует сказать, однако, что в царское время не существовало свободы религии для евреев. Она была им обеспечена только советской властью. В настоящее время в СССР существует почти 100 синагог*. В СССР никто не нападает на еврейскую религию, хотя печатается много антирелигиозной литературы. Она печатается с воспитательной целью. Она показывает, какой большой вред приносит всякая религия. Советская антирелигиозная пропаганда основывается на научных данных.

Да здравствует коммунистическая партия СССР, заботящаяся о благе евреев во всем мире!

*) Одна на 30.000 человек. — Ф. П.

Неофициальное мнение, за которое гонят в шею:

Н. Шапиро, Одесса

СЛОВО РЯДОВОГО СОВЕТСКОГО ЕВРЕЯ

Я хочу рассказать об антисемитизме в СССР. Это вопрос об особом положении трех миллионов евреев, живущих на территории Союза, которые на общем безрадостном фоне советской действительности должны еще терпеть дополнительный гнет — гнет нетерпимости к их расе.

Евреи попали на территорию нынешнего Советского Союза в результате превратностей их исторической судьбы. Поколения рождались за поколениями, не зная другой родины, кроме России, но никогда евреи не чувствовали себя полноправными её гражданами. Вечный призрак антисемитизма преследовал их на каждом шагу, постоянно напоминая им, что они незваные гости, что они являются чем-то вроде второсортного человеческого материала, существующим для того, чтобы над ним можно было глумиться и издеваться безнаказанно. Физическая незащитность евреев, отсутствие своей территории и политической организованности облегчали процесс проявления враждебных действий по отношению к ним со стороны значительно преобладающего местного населения и властей.

Так было при царе, но отношение к евреям в принципе не изменилось и после октябрьской революции. Наоборот, стало еще хуже. Радужные мечты евреев, принимавших активное участие в революции, об улучшении своего угнетенного положения, о достижении истинного гражданского равноправия в демократическом государстве остались только мечтами. Тоталитарное государство, основанное на принципе подавления свободы, не может не породить аналогичных устремлений среди своих подвластных. Убийство «жидов» и разграбление их имущества издавна считалось лакомством среди русских низов, и царское правительство не раз давало им эту «конфеточку» для отвлечения их внимания от политических вопросов. Однако, погромы активизировали политическое движение евреев, стал распространяться сионизм как ответ на отношение к евреям как безродным бродягам, укрепилась их национальная гордость, возникло желание стать хозяевами своей судьбы

и не зависеть больше от прихотей и настроений их невольных хозяев. При царе никто не вмешивался во внутренние дела еврейских общин, никто не закрывал еврейских школ, театров, газет, книгоиздательств, синагог, благотворительных обществ и других религиозных и культурных организаций. У евреев была развита богатая национальная культура, которая помогала им глубже осознать значение своей национальной принадлежности. Евреи имели так называемую национально-культурную автономию, хотя и жили за чертой оседлости. Кроме того, евреи имели относительную экономическую независимость, так как целые отрасли кустарного производства и розничной торговли находились в еврейских руках, позволяя им не входить в контакт с теми, кто стал бы причинять им моральные страдания. И самое главное — при царе евреи всегда могли свободно уехать из России, если им там не нравилось, или приезжать обратно, если им того хотелось. Сотни тысяч отчаявшихся русских евреев эмигрировало в США в начале этого века, многие поехали в тогдашнюю Палестину, провинцию Оттоманской Империи. Вопросы «тюрьмы народов» в современном смысле в царской России не существовало.

Революция всколыхнула установившийся еврейский быт. Исчез частный сектор производства, исчезли традиционные еврейские «местечки» оседлости. Огромное большинство еврейского населения наивно поверило в новоявленное «братство народов» и ревностно кинулось в «строительство коммунизма». Очень скоро, однако, им пришлось горько разочароваться. Не только не исчезли старые проблемы, но появилось множество новых, порожденных советским строем. Евреям пришлось вступить в активный контакт с местным русским или иным населением, совместно работать, жить в коммунальных квартирах, стоять в очередях за продуктами, учиться в школах и вузах, служить в армии. Это дало им богатый опыт в определении подлинного к ним отношения со стороны местного населения и властей. За годы преследований и оскорблений у евреев выработался определенный психический комплекс подозрительности ко всякому к ним обращению, исходящему от не-евреев. Во всем они готовы предусмотреть скрытый или явный намек на их национальность, скрытую или явную угрозу или критику. Но это не было плодом их воображения, так как местное насе-

ление на самом деле очень часто и настойчиво проявляло свои анти-еврейские эмоции, причем эти эмоции единодушно разделялись как необразованными людьми, так и интеллигентами, с той только разницей, что интеллигенты употребляли более ученые слова для выражения своей неприязни, а простой народ, как говорится, рубил напрямик. Все же евреи долгое время верили в коммунистический идеал, думали, что антисемитизм исчезнет вместе с другими «пережитками капитализма», что их место — со строителями коммунизма.

В своей книге «20 писем к другу» Светлана Аллилуева очень ясно заявила, что Сталин был самым отъявленным антисемитом. Однако, многие евреи, даже сосланные им в лагеря и тюрьмы, верили в его божественную честность и непогрешимость, считая свои приговоры результатом какого-то недоразумения. Тысячи евреев были сосланы в Сибирь из-за прихотей и расовой неприязни Сталина. Многие обвинялись в сионизме и еврейском национализме: эти чувства приравнивались чуть ли не к государственной измене. Вершиной всей этой инквизиционной погони за еретиками явилось «дело врачей-шпионов», большинство которых было евреями. Легко себе представить, как такое официальное заявление подействовало на народ, и без того взвинченный против евреев. Антисемиты всех мастей приняли это как официальное согласие властей на погром. Повсюду было слышно, что «Россия погибнет от жидов», если их не ликвидировать во-время, слышались выражения вроде: «Кто Христа убил? Кто в Ленина стрелял?», люди открыто отказывались идти на прием к врачу-еврею в поликлиниках, повсюду на евреев смотрели с мрачной злобой, с недобрый огоньком в глазах. Рассказы об одиночных случаях того времени могут заполнить тома. Достаточно красноречивы следующие случаи в Минске, не раз повторявшиеся как там, так и в других советских городах. В трамвае к человеку с еврейской наружностью подходили молодчики незаурядного телосложения и спрашивали его «Ты еврей?» Отвечать приходилось под угрозой, причем любой ответ был заранее предусмотрен и действия согласованы. Они знали, что евреи имеют достаточно национальной гордости, чтобы ответить прямо: «Да, я еврей». В таких случаях его выкидывали из трамвая на полном ходу. Их больше удовлетворял случай, когда еврей пугался угрожающих последствий (люди уже

знали о проделках молодчиков) и отрицал свою национальную принадлежность. Тогда для них появлялся целый спектакль; они имели удовольствие от того, что унизили еврея, что из-за них он якобы устыдился своей национальности. Затем они спрашивали его: «А почему у тебя такой нос?», «А почему у тебя такие уши?», «Скажи — кукуруза» и т. д., а в конце его все равно выкидывали.

Эта атмосфера массового психоза создавалась незадолго до смерти Сталина. Несмотря на весь явно выраженный антисемитизм сталинского периода, несмотря на почти поголовное истребление еврейских писателей, актеров, деятелей культуры, несмотря на закрытие еврейского театра в Москве, на закрытие еврейских школ, издательства «Дер Эмес» и одноименной газеты, хотя это был самый настоящий коммунистический официоз, несмотря на отказ Сталина признать евреев нацией на основании того, что евреи не подходили под его определение нации, состоящее из трех пунктов: наличие общей территории, языка, и исторического прошлого (книга «Марксизм и национальный вопрос»: евреи признавались лишь национальностью) — несмотря на все это многие молились, чтобы Сталин остался жив, так как по опыту знали, что любой период ослабления власти означает резню евреев. Мы хорошо чувствовали хулиганские настроения «братских народов» по отношению к нам.

Иностранцы и даже западные евреи не в состоянии понять, о чем идет речь. Они спрашивают: «чем евреи в Союзе недовольны?» и требуют ясно сформулированного ответа, как статью закона. Они не понимают, что антисемитизм в Союзе переживается больше эмоционально, чем физически, что это больше дело моральных травм, чем физических ушибов. Иностранцы читают Достоевского и утверждают, что благодаря ему они в состоянии понять русскую душу. Но Достоевский не осветил одну весьма существенную сторону русской души, одно существенное обстоятельство, которое заставляет евреев всегда быть настороже, так как эта сторона неизменно направлена против них. В огромных глубинах душевных лабиринтов русской души обязательно сидит погромщик. Большое ли он место занимает или маленькое — дело индивидуальное, но факт его существования остается фактом. Достоевский проник в самые глубокие

лабиринты русской души, однако везде побывать не успел. В некоторых темных ее углах сидит антисемит и погромщик, сидит временами притаившись, а временами выходя наружу во всем своем обличии. Сидит там также раб и хулиган. О рабской натуре русской души мало писали, ошеломленные всем треском русских военных побед и примерами храбрости. Однако я знаю, что такое русский характер на практике. А это проявляется в принципе: »Сильного бойся, а слабого бей«. В нашем классе было несколько еврейских мальчиков, но большинство были русские. А так как закон и порядок в школьном мире основан на грубой силе, то и политику нужно было вести исходя из этой реальности. Когда какой-нибудь русский придирался к какому-нибудь еврею, то реакция остальных евреев была — не вмешиваться, мол, это дело индивидуальное, пусть сам защищается, как умеет. Все знали, что поднимать национальный вопрос нельзя, что тогда евреев будут избивать по национальному принципу, а силы были далеко не равные.

Русские приносили домашнее воспитание в школу, где оно получало очень хорошую почву для распространения. Стереотипный образ еврея в длинном носом и оттопыренными ушами, жадного и хитрого, думающего только о деньгах и личной наживе, не интересующегося благородными идеалами на пользу общества, старающегося из всего извлечь личную прибыль и присвоить себе чужой труд, лживого и лишенного чувства чести, труса, старающегося в минуту опасности прятаться за чужой спиной, страдающего и получающего по заслугам только за свои мерзкие качества, к тому же имеющего такой уродливый внешний облик, физически-слабого и неспособного к физическому труду, не умеющего правильно выговаривать русские слова, ведущего таинственный образ жизни и имеющего свои особые обряды, замышляющего различные козни против русских — хороших и простых людей, совпадал с традиционным образом дьявола по всем пунктам. А раз еврей — дьявол, то и жалеть его не стоит и выручать его в беде не нужно. Все равно злом оплатит. Русские были любопытны узнать дьявола поближе, и они всячески старались заставить его проявить свою настоящую натуру и вывести его на чистую воду. В душе они были уверены, что это дьявол, они только хотели на деле убедиться, поэтому и подстрекали его на разные поступки. Когда

он делал не то, что они ожидали, они ему говорили, что он должен делать. Они всеми силами хотели, чтобы дьявол остался дьяволом, и чтобы его не нужно было принимать в общество как равного и порядочного человека. Даже когда факты говорили против их убеждений, они старались убедить себя, что всё именно так, как они себе это представляли.

Не удивительно, что еврейские дети приходят домой и говорят: «Мама, меня сегодня били за то, что я еврей. Что такое еврей? Я не хочу быть евреем, это плохо». И родители, не желая преждевременно растравлять детскую душу, говорят: «Подожди, когда вырастешь, сам поймешь». Однако дети начинают понимать гораздо раньше, чем вырастают. У них вырабатывается тот неизменный комплекс разочарования и ненужности всех их усилий, который заставляет их уединяться в среде себе подобных, общаясь с русскими только по мере необходимости. Только в среде евреев могут они найти понимание своих чувств и той обиды, которая глубоко проникла все их существа. И только там могут они найти моральную поддержку и побороть свое отчаянье надеждой на скорое избавление и на возможность выезда туда, где они смогут быть нормальными людьми и где о них будут судить по их индивидуальным качествам, а не по национальному признаку. В России еврей получает свою национальность как проклятие при рождении.

Прошло 50 лет советской власти, всюду звучали фанфары в честь замечательных побед и достижений первого в мире социалистического государства. Однако, история евреев советского периода еще ждет своего Иосифа Флавия. Ясно одно, что для евреев эти 50 лет были периодом постепенного горького разочарования в советской действительности и в возможности нормализации жизни евреев в советском обществе. Сейчас в СССР не найти ни одного еврея, который искренне верил бы в возможность нормальной жизни для евреев в Союзе. В их глазах — горькая усмешка и вечная ирония, означающие безнадежный скептицизм. Оставаясь запертыми внутри тюрьмы народов, они полностью зависят от прихотей и капризов тюремщика. Наша жизнь необеспечена и постоянно полна опасностей. Ни один еврей, даже занимающий самое высшее положение, не может быть застрахован на завтрашний день. И пока мы будем

зависеть от тоталитарного государства, это всегда будет так.

В жизни русских евреев бывают периоды остро ощущаемого антисемитизма, и периоды временного затишья. Этот «закон природы» удалось проследить на примере истории евреев в России царского времени и советского периода. Антисемитизм всегда особенно ярко проявляется в периоды народных волнений и в периоды безвластия. Русская классическая и даже цензурированная советская литературы полны примеров этого. О страданиях еврейской девушки из-за своей национальности рассказывает повесть Гайдара «Гимназистка». Рассказы Горького также дают много примеров из жизни евреев в царской России. Угнетенное положение евреев описали также Гаршин, Толстой, Лесков, и многие другие русские писатели, не имевшие никаких причин быть необъективными. Еврейские журналы на русском языке, издававшиеся в царское время, а после революции некоторое время издававшиеся за границей, могут внести большую ясность в этот вопрос.

Гражданская война и разгул казачества, выразившегося в избиении и убийстве беззащитных евреев на Украине, замечательно описано в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Многие другие описания просачивались и просачиваются сквозь советскую цензуру, особенно во время второй мировой войны (Горбатов «Непокоренные»), давая правдивую обрисовку жизни евреев советского периода.

О том, как местное население оккупированных немцами районов Союза сотрудничало с немцами в выявлении и истреблении евреев, написано много книг участниками и очевидцами, чудом оставшимися в живых. У них всех сохранились живые и яркие воспоминания о том отношении, которое проявляли к ним соседи по улице, которых они даже не знали. А что пришлось пережить евреям, служившим в советской армии, и как относились к ним солдаты их подразделений, можно понять лишь слушая рассказы каждого из них индивидуально. Когда советские солдаты попадали в плен, немцы в первую очередь требовали евреев и коммунистов для расстрела. Многие евреи имели русские черты лица и могли избежать смерти, но их же товарищи их и выдавали. Я помню рассказ одного еврея, пережившего немецкое гетто. Он работал на строительстве немецкого военного аэро-

дрома, на котором работали и русские военнопленные. Он видел, как русский офицер, поставленный немцами в качестве надсмотрщика над своими же солдатами, необычайно жестоко с ними обращался, давая им пинки и приказывая работать без передышки. Мой знакомый спросил его, в чем причина этого. Тот отвечал, что так надо. При удобном случае офицер сообщил ему, прося сохранить сказанное в тайне, что он сам еврей и остался в живых только потому, что эти русские военнопленные об этом не знали. Всех известных им евреев они сразу выдали немцам, и они были расстреляны на месте. Этой подлости он не мог им простить, и поэтому он их мучил как только мог.

Оставшееся в живых еврейское население после немецкого нашествия не встретило никакого сочувствия властей. Наоборот, тогда только террор против них и усилился. В 1947 году чекисты убили нашего великого артиста Михоэлса, а потом лицемерно выпустили о нем книжку, хвалящую его труд. Начался генеральный поход против остатков еврейской культуры. По квартирам евреев постоянно шарил НКВД-исты, приходившие делать обыски и конфисковавшие любую найденную ценность. Это было не иначе как легализированный грабеж. Потом ссылки в Сибирь, вечный страх в обвинении без всякого повода. Формальный повод всегда можно было найти. Хлопотать за еврея и доказывать его невиновность было гораздо труднее, чем в случаях с нееврейским населением, так как чиновники охотно верили в виновность еврея. Еврей уж сам по себе виноват.

В связи с поголовным бегством колхозников в города, последние становились перенаселенными и возникла значительная безработица. Было почти невозможно достать работу, а раз уж потерял ее — пищи пропало. На твоё место найдутся сотни других. Когда еврей приходил просить работу, ему, конечно, давали её в последнюю очередь. Выработалась целая система отказывать еврею в приеме, и для этого в первую очередь служил пятая графа в паспортах (советских удостоверениях личности). Иногда отказывали весьма грубо, указывая на национальность. Это крайне затрудняло экономическое положение евреев, и если бы не еврейская солидарность и взаимопомощь, не одна семья погибла бы от голода.

Мы встречаем трудности из-за нашей национальности на каждом шагу жизни. Особенно большие затруднения

устраиваются нам при поступлении в высшие учебные заведения. Знаменитый Хрущев в одной из своих речей заявил (эта часть его речи еще не опубликована), что столько евреев будет принято в вузы, сколько их работает в шахтах. Нас не допускают в вузы, где изучают современные достижения атомной физики, нам отказывают в доверии и на многих государственных постах.

Сейчас вопрос стоит для еврея ребром: может ли он, живя на территории СССР, надеяться когда-либо получить подлинную свободу и сохранить свое национальное тождество — все это не на бумаге, а в действительности. Мой ответ — нет. Поскольку население будет антисемитичным в душе, евреи всегда будут встречать трудности и препятствия, вплоть до открытых расовых преследований. Ведь вот о чем речь: если бы еврей на собрании выступил и сказал: »Я — еврей, и как таковой я считаю...«, то публика была бы крайне шокирована, как будто было произнесено особо неприличное слово. Евреи никогда не могут публично заявлять о своем еврействе, и официально принято, что об этом нужно молчать, как будто это некий порок, как будто это криминальное прошлое. Быть евреем почти то же, что быть вором, стяжателем, спекулянтom, и об этом в приличном обществе не принято говорить. Этому положению немало содействовала и содействует советская пресса. При публикации материалов суда над экономическими преступниками (между прочим, приговоренными к расстрелу) фамилии евреев, вызывавшие сомнения, были снабжены именами и отчествами, чтобы было совершенно ясно, что это евреи. Публика всегда с особым удовольствием читает сообщения о проделках евреев, а потом для себя делает выводы, что с ними нужно быть на-чеку и зажать их, где только можно. И зажимают.

Антисемитизм бывает двух родов — бытовой и политический. В СССР эти два рода тесно переплетаются, один род поддерживая другой, и наоборот. Шестидневная война Израиля с арабами и роль Советского Союза в этом инциденте демонстрируют это. Об этом ярко свидетельствует освещение этого события в советской печати, а также работа всей советской пропагандной машины. При этом в пропаганде внутри страны били именно на антисемитские чувства населения. Причины военных действий не были объяснены законным желанием евреев жить независимо и отдельно от антисе-

митов, хотя бы таких, как советские, а только страстями к наживе, желанием выслужиться у богатого хозяина — американцев, т. е. опять-таки поддерживался традиционный образ еврея-дьявола, столь дорогой сердцу антисемитов. Статьи давали совершенно ложный ход событий, чтобы приурочить это к уже известному образу. Никогда не указывалась храбрость израильских солдат, приведших весь свободный мир в восхищение.

Советские выступают против сионизма, но они боятся признаться, что сионистское движение было порождено именно русской действительностью, а государство Израиль и боевой дух его армии явились результатом антисемитизма, главарем которого в настоящее время является Советский Союз. Поэтому не приходится удивляться, что в советской печати сейчас распространяются мифы и легенды, очень и очень напоминающие те, которые распространялись нацистами: легенда о «мудрецах Сиона», якобы организующих заговор захвата всего мира, (в советской версии это всемирный съезд финансистов в Тель-Авиве), миф о зловещем характере иудаизма, мрачной религии ненависти, уже проявивший себя в знаменитом «деле Бейлиса», и многие другие, вызывающие ненависть к евреям в целом, хотя авторы и пытаются указать, что прогрессивные израильтяне борются против агрессоров. Эта пропаганда не может повлиять ни на кого, кроме тех, кто уже является антисемитом. Причина победы израильтян в том, что они очень хорошо знают вкус жизни среди враждебных им народов, и хотят жить у себя, без хозяев. Этой дерзости советские заправила и не могут простить Израилю. Они привыкли к положению в СССР, где мы грубо придавлены милицейским сапогом, так что даже пикнуть не смеем. И вдруг евреи творят такие дела на международной арене! Как бы советские евреи не подняли головы и не потребовали себе больше прав!..

В этом проявляется типический и классический русский шовинизм худшего сорта. «Бойся сильного, дави слабого». От этой пропаганды страдают главным образом советские евреи, как и следовало ожидать. Но мы готовы выдержать любые испытания, лишь бы еврейское государство существовало. Оно нам нужно, как воздух, оно нас поддерживает морально. Сейчас мы сидим смиренно, готовые ко всему.

Русский антисемитизм является антисемитизмом худ-

шего сорта. Он — иррационален. Он необоснован, ибо опирается на чувство ненависти, на примитивное чувство неприязни ко всему, что выходит за рамки привычных понятий. Ни в одном государстве мира такого рода дикости нет, даже в фашиствующей Аргентине. Евреи страдают не столько из-за того, что к ним относятся с неприязнью, как из-за того, что им приходится иметь дело с проявлением человеческой низости и мерзости.

Я не утверждаю, что все русские — антисемиты. Это было бы глубоко ошибочным обобщением, примитивным способом мышления, достойном антисемитов. И не все из них молчат. Такие поэты как Е. Евтушенко смело выступили в защиту евреев, и за это они пользуются уважением во всем мире. Среди морально честных русских людей антисемитизма нет. Однако судьба еврея — встречаться с темными элементами, которые считают, что они имеют право издеваться над евреем только потому, что он еврей. В Сов. Союзе у власти находятся хамоватые полуинтеллигенты, и они-то и задают тон всему. Евреи отданы на поругание темной массе, требующей хлеба и зрелищ, требующей выхода своим садистским инстинктам. Еврей всегда является естественным объектом насмешек, уличных окриков, жертвой любой потасовки, если он окажется поблизости. Евреи по опыту знают, что нужно держатся подальше от народа, подальше от людей, которые могут их оскорблять безнаказанно. Жаловаться некому, потому что нас всегда и посчитают виноватыми. В милиции сидит такой же хам, который цинично, употребляя казенные термины, дает понять, что жаловаться — бесполезная трата времени.

»Равноправие« евреев в СССР может быть выражено кратко следующей таблицей

Что советским евреям разрешено

1) Читать литературу вроде:

Иван Франко »Борислав смеется«, Т. К. Кичко »Иудаизм без прикрас«, Ю. Иванов и З. Шейнис »Государство Израиль«, Иван Тобилевич, пьесы »Хозяин« и »Сто тысяч«, Поль-Анри Гольбах »Галлерей святых«, С. М. Беленький »Иудаизм«, Институт истории »Критика иудейской религии«, М. И. Шахнович »Реакционная сущность иудаизма«, С. А. Андреев »Израиль«, извест-

ные статьи советских журналистов о сионистах и евреях-антиобщественных элементах, снабженные соответствующими карикатурами.

2) Не знать своего языка, своей истории, своей культуры.

3) Быть невежественным в отношении своей религии и относиться к ней с презрением из-за неустанной пропаганды в школах и в печати.

4) Писать клеветнические статьи против Израиля, исказить смысл еврейской литературы и еврейства.

5) Ассимилироваться, руссифицировать свои фамилии, стыдиться своей национальности, иметь комплекс неполноценности.

6) Постоянно бояться погромов и новой волны гонений на неизменных козлов отпущения всех неурядиц.

7) Заполнять длиннющие анкеты при поступлении на работу или в ВУЗ и получать отказ.

8) Постоянно быть подозреваемыми во всем, терпеть оскорбления и не иметь возможности защищаться.

Что советским евреям не разрешено

1) Говорить открыто, что они евреи.

2) Иметь те же права, что и другие народы СССР, в смысле сохранения и развития национальной культуры.

3) Повидать своих родственников за границей или эмигрировать.

4) Жаловаться на дискриминацию в ООН.

5) Знать правду о своем народе и гордиться его достижениями.

6) Говорить о существовании антисемитизма.

Наше положение трагично. Нечего удивляться, что мы хотим уехать из Советского Союза. Пример Израиля заразителен. Он показывает, что евреи тоже могут гордо нести голову, как и другие народы, не будучи вынуждены стыдиться своей национальности. Антисемитское советское правительство старается принудить нас ассимилироваться. Часть евреев действительно сменила свои фамилии на русские, никогда с евреями не встречается и т. д. Но каково им быть в среде, где беспрестанно рассказывают антисемитские анекдоты, и делать вид, что их это не касается? Нет, в советских условиях евреи никогда не ассимилируются, даже при наилучшем своем желании. В чем же тогда решение проблемы? Выход

один — бороться с теперешним режимом диктатуры и насилия. Советские газеты никогда не рассказывают с похвалой ни об одном зарубежном еврее, кроме секретаря компартии Израиля, всегда изображают евреев как сионистов в услужении у империалистов, а «положительные элементы» называют просто «эксплуатируемые трудящиеся массы», — нечто безликое, которое не вызывает никакой симпатии. Каждому совершенно ясно, что советское правительство очень хотело бы ликвидировать нас как народ, уничтожить нашу культуру, заставить нас ассимилироваться. Но евреи прожили в муках и гонениях две тысячи лет, и их вера была тем светочем, который оказался сильнее всех сил мрака. Она им помогала во всех несчастьях, и теперь поможет. Что для религиозного еврея 50 лет советской власти, даже 1000 лет сов. власти? Ему, носителю религии, пережившей века, не новы никакие репрессии, и никакая светская власть не сможет сломить его богопознавший дух. Сейчас в среде еврейской молодежи появился новый интерес к своей религии и своей культуре, как и у передовой русской молодежи. Не только Гинзбург, но и тысячи других юношей и девушек давно поняли, что их оболванивают в печати и в учебных заведениях; они пошли честным, смелым, самоотверженным путем самостоятельного искания истины. Между прочим, самостоятельность мышления — единственный путь спасения России. Если же она будет продолжать оставаться тоталитарным государством, наподобие гитлеровской Германии, то процесс концентрации сил в нескольких руках неизменно приведет ее на путь политических авантюр, от которых она и погибнет как империя. Тому примером судьба целого ряда других империй, о которых рассказывает история.

История также учит, что кто начнет дело против евреев, тот неминуемо разрушит самого себя. Так было с египетским фараоном, который держал евреев в плену, так было с Гитлером. Так будет и с Коммунистической партией Советского Союза, если она не выпустит евреев из современного египетского плена.

СЛОВО УКРАИНЦА

Из письма Святослава Караванского, украинского поэта-националиста, заключенного в лагере № 11, Явас, Мордовская АССР, председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

»Дружба народов СССР может с успехом развиваться и укрепляться только тогда, когда все нации и народы Советского Союза будут иметь равные права во всех областях гражданской и политической жизни. Это аксиома, которую не нужно доказывать. Это-то как раз и заставляет меня обратиться к Совету Национальностей с ходатайством о том, чтобы были устранены кричащие остатки национальной дискриминации, которые еще имеют место в нашей жизни.

В первую очередь обращаю ваше внимание на дискриминацию еврейского населения. В первую очередь потому, что отношение к еврейской национальности — это та лакмусовая бумага, которая освещает степень интернационального сознания данного общества. Закрытие еврейских культурных учреждений: газет, школ, театров, издательств; расстрелы деятелей еврейской культуры, дискриминаторская практика приема евреев в высшие и средние учебные заведения — все это явления, которые расцвели буйным цветом во время культа личности Сталина. Казалось бы, что осуждение культа должно было бы поставить конец и этим дискриминационным явлениям. Но, к сожалению, этого не произошло. Н. С. Хрущев, для успокоения общественного мнения за границей, (на общественное мнение внутри страны он мало обращал внимания), был обязан реабилитировать невинно-расстрелянных и невинно-заключенных деятелей еврейской культуры. На этом он и поставил точку. А где еврейские театры, газеты, издательства, школы? В Одессе, где живет 150.000 евреев, нет ни одной еврейской школы. А практика приема в вузы? Опять-таки в Одессе, где еврейское население составляет 25⁰%, процент евреев в вузах достигает всего лишь 3-5. Это та норма, которая неофициально применяется при приеме в вузы. Еврейской молодежи, кото-

рая подавала документы в вузы других городов Союза, отвечают: »но в Одессе ж есть такое учебное заведение — поступайте в »свой« вуз«. И это тогда, когда молодежь Урала, Сибири, Москвы, Тулы, Саратова учится в вузах Одессы — ей выделяют специально построенные для этой цели общежития, а местная еврейская молодежь (так же, как и украинская и молдавская) имеет ограниченные права на образование.

Разве эти факты могут содействовать дружбе народов?

Наоборот, эти факты содействуют выработке у евреев сознания, что они — неполноценная, неравноправная национальность, и толкают ее на путь сионизма. И нужно признать, что никогда идеи сионизма не имели такой популярности среди еврейского населения, как теперь. Это — остаток дискриминации еврейского меньшинства.

.

А немцы Поволжья? Как они могут быть виноватыми перед обществом за преступления Гитлера? Разве это марксистский подход к разрешению сложных проблем — мерить людей не социальной, а национальной меркой. Разве лозунг »Пролетарии всех стран, соединяйтесь« не относится к евреям, крымским татарам и немцам Поволжья? В Советском Союзе нет ведь евреев-бужуев, татар-капиталистов и немцев-помещиков. Есть только одни трудящиеся«.

10. 4. 1966 г.

ГОВАРД ФАСТ

О положении евреев в СССР

»В советском лексиконе слово «сионист» означает «еврей».

*

»Плохими евреями считаются те, которые осознают себя евреями».

*

»В советском лексиконе кличек и ругательств «реакционным сионистом» считается тот, кто приветствует существование Израиля».

*

»Советская доктрина космополитизма — сплошной идиотизм, а в тех случаях, когда она не является полной бессмысленностью, за ней скрывается антисемитизм».

*

»Отношение советской власти к еврейскому вопросу представляет собой смесь невежества, предубеждения и антисемитизма. До сих пор не дано объяснения, почему в Советском Союзе уничтожена еврейская культура».

*

»Еврейский народ в Советском Союзе находится на положении пленника».

*

Вышеприведенные отрывки взяты из книги американского писателя Г. Фаста «Голый Бог».

В советском «Энциклопедическом словаре» 1955 г. можно прочесть следующие строки:

»... Фаст — смелый борец за мир и демократию, автор боевых статей и очерков по важнейшим вопросам политики и литературы. В 1953 г. Фасту присуждена Международная Сталинская премия «за укрепление мира между народами»...

Г. Фаст вышел из рядов коммунистической партии после венгерской революции.

СТАЛИН И ЕВРЕИ

По мнению английского журналиста Дойчера, написавшего большой труд о Сталине, антисемитизм в СССР процветал на следующей почве: православная церковь и традиция погромов; контакты русского населения с немцами во время войны; еврейские коммерсанты, не привыкшие к государственной экономике, поддерживали черный рынок; большой процент евреев в партийном руководстве сейчас же после революции, а также их относительная важность в системе сталинской бюрократии. Для рядового коммуниста евреи были последним остатком капитализма, в то время как для антикоммуниста они были влиятельными лицами в партийном аппарате.

Сталин пользовался услугами многих влиятельных евреев, как, например, Литвинова — на протяжении 10 лет начальника советских дипломатов, Кагановича, который занимал самые разнообразные посты, Мехлиса — политического начальника армии, журналистов Заславского и Эренбурга.

Дойчер не считает, что Сталин был антисемитом, хотя Светлана в своей книге опровергает мнение Дойчера. Однако, этот английский журналист соглашается с тем, что Сталин часто воспламенял в СССР антиеврейские чувства, если это ему было выгодно, как например, в случае Троцкого, Зиновьева, Каменева и Радека, которых судили в конце 30-х годов, и которых Вышинский называл «людьми без родины». Во время войны Сталин не разрешал советской прессе разоблачать антисемитизм Гитлера.

Сталин дал, однако, свое согласие на образование еврейского антифашистского комитета, предназначенного для того, чтобы евреи с западного мира помогали Советскому Союзу. Однако уже в 1942 году два из его членов — Генрих Эрлих и Виктор Алтер, приехавшие из Польши в СССР, были арестованы и ликвидированы как «агенты фашизма». Евреи, служившие в советской армии, получали иногда очень высокие посты, но пресса всегда старалась обойти их молчанием. Из советской прессы читатели никогда не могли понять, что Освенцим и Майданек были созданы, главным образом, для евреев.

В 1948 году Сталин прилагал все усилия, чтобы помочь образованию еврейского государства, но это объяснялось тем, что еврейское государство для Сталина означало ослабление Британской Империи на Ближнем Востоке. Несмотря на это, когда первый посол Израиля Голда Меир приехала в Москву, и евреи начали устраивать манифестации для выражения их симпатии, Сталин арестовал организаторов этих манифестаций и запретил их повторение. Он запретил распространение еврейской культуры под предлогом, что евреи уже ассимилированы и им не нужны свои собственные газеты, театры или книги. Все евреи, связанные с еврейским антифашистским Комитетом, подвергались репрессиям, как например, Лозовский, бывший председатель Международных Профсоюзов и заместитель министра иностранных дел. Он хотел одно время выслать всех евреев в Биробиджан, недалеко от Манчжурии, как он это сделал с поволжскими немцами, с крымскими татарами и с ингушо-чеченской национальностью. Он не мог это сделать только потому, что это означало бы полный хаос в советском обществе. Евреи занимали важные места в науке, армии, промышленности. Достаточно вспомнить, что приблизительно 20.000 евреев преподавали в советских университетах. Все они подвергались, однако, сильным гонениям.

Приблизительно за два месяца до смерти, а именно 3 января 1953 года, советская пресса сообщила имена девяти кремлевских профессоров медицины, которые будто бы, действуя в качестве англо-американских секретных агентов, отравили Жданова и Щербакова и пытались отравить маршалов Василевского, Говорова, Конева, Штеменко и других. Так как почти все профессора были евреи, то их упрекали в том, что они действовали от имени американской еврейской организации. Арестовав этих профессоров-врачей, Сталин подготовлял новые массовые репрессии. Смерть Сталина спасла жизнь многих миллионов и, в первую очередь, евреев.

В своей книге «20 писем к другу» Светлана Аллилуева, дочь Сталина, описывает два случая, свидетельствующие об антисемитизме Сталина.

В 1942 г. между Светланой и евреем Алексеем Яковлевичем Каплером завязалась тесная, но чистая, платоническая дружба. Узнав об этом, Сталин побил свою дочь и обругал ее нецензурными словами.

»Писатель«, — бормотал он, — »не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!«

То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

С тех пор Сталин перестал любить свою дочь.

За то, что еврей Каплер посмел полюбить русскую девушку, ему приклеили обвинения в связях с иностранцами и выслали на 5 лет в Воркуту, а затем »в страшные лагеря под Интой, работать в шахте. Еще 5 лет«

В 3-м томе советской Краткой Литературной Энциклопедии помещена статья с биографией Каплера. Конечно, ни слова о том, что он был репрессирован.

Весной 1944 г. Светлана вышла замуж за студента Морозова, с которым училась вместе в школе. »Он был еврей, и это не устраивало моего отца«, — говорит Светлана. Она добилась согласия отца, но Сталин презирал её мужа за то, что он был евреем, и не хотел никогда его даже видеть.

»Только на одном отец настоял — чтобы мой муж не появлялся у него в доме«.

... Он ни разу не встретился с моим первым мужем и твердо сказал, что этого не будет. »Слишком он расчетлив, твой молодой человек«, — говорил он мне. »Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, — а он, видишь, в тылу окопался...«

После трех лет брачной жизни Светлана рассталась с Морозовым. Его бросили в тюрьму.

»Арестовали и отца моего первого мужа — старика И. Г. Морозова. Потом пошла кампания против »космополитов«, и арестовали еще массу народа... Арестовали А. Лозовского. Убили Михоэльса. Они все обвинялись в том, что входили в »сионистский центр«.

»Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька«, — сказал мне некоторое время спустя мой отец«.

Так вспоминает Светлана своего отца, считавшегося многими евреями на Западе чуть ли не своим спасителем. Это мнение создалось благодаря советской пропаганде, которая, опираясь на учение Геббельса, всегда может доказать обратное от действительности.

Борис Ефимов,

Дважды лауреат Сталинской премии, Народный художник республики.

СТАЛИН, МЕХЛИС, КОЛЬЦОВ

Приведенные ниже отрывки взяты из книги «Жертва культа личности», выпущенной издательством Флегон Пресс. Б. Ефимов, брат Кольцова — один из самых известных советских карикатуристов, работавший для «Правды», «Известий» и «Крокодила». Его настоящее имя нам не известно.

Мехлис, начальник политотдела армии, был один из немногих евреев, сумевших просидеть на вершине социальной пирамиды почти до конца. Его руки замазаны кровью многих преданных коммунистов.

*

На первомаяском приеме 1937 года в Кремле, среди прозвучавших в Георгиевском зале здравиц, был и тост, произнесенный народным комиссаром по военным делам. Он напомнил, что в Испании происходит упорная, нешуточная война. Воюют там не только испанцы, но и разные другие нации. «Затесались» туда и русские. Воюют они неплохо. И он предложил поднять бокалы за присутствующего в зале представителя наших людей в Испании Михаила Кольцова.

В эти дни брат чрезвычайно занят на всякого рода совещаниях и собраниях, ему приходится рассказывать о своих испанских впечатлениях самым различным аудиториям слушателей.

Несомненно, самой серьезной из этих аудиторий была и самая немногочисленная из них, всего из пяти человек. Это были Сталин и четверо самых приближенных к нему лиц. Вопросы к Кольцову и его подробные ответы заняли больше трех часов. Наконец беседа пришла к концу.

— И тут, — рассказывал мне Миша, — он стал как-то чудить... Встал из-за стола, прижал руку к сердцу, поклонился... «Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?» — «Мигель, товарищ Сталин», — ответил я. «Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания». — «Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!» Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул, и произошел какой-то странный разговор. «У вас есть револьвер,

товарищ Кольцов?« — спросил он. »Есть, товарищ Сталин«, — удивленно ответил я. »Но вы не собираетесь из него застрелиться?« — »Конечно, нет, — еще более удивляясь, ответил я, — и в мыслях не имею«. — »Ну, вот и отлично! — сказал он. — Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель!«

На другой день, делаясь впечатлениями о происшедшей накануне беседе, один из вчерашней четверки сказал Кольцову:

— Имейте в виду, Михаил Ефимович, вас ценят, вас любят, вам доверяют!

— Что ж, Мышонок, — сказал я, когда брат рассказал мне об этом, — по-моему, это очень приятно.

— Да, приятно, — произнес Миша задумчиво. — Но знаешь, что я совершенно отчетливо прочел позавчера в глазах »хозяина«, когда я уходил и он провожал меня взглядом?

— Что?

— Я прочел в них: »Слишком прыток . . .«

Кольцов оставался в Москве около месяца и был снова командирован в Испанию, где военная обстановка осложнялась или, попросту говоря, ухудшалась с каждой неделей.

По возвращении брата из Испании внешне как будто ничего не изменилось — он оставался одним из редакторов »Правды«, председателем иностранной комиссии Союза писателей, руководителем »Жургаза«, редактором »Огонька«, »Крокодила« и »За рубежом«, сохранял все другие свои посты и обязанности. Больше того, летом тридцать восьмого года он был избран депутатом Верховного Совета и несколько позже членом-корреспондентом Академии наук СССР. Боевым орденом Красного Знамени была отмечена отвага, проявленная Кольцовым в Испании.

И все же . . .

— не могу понять, что произошло, — говорил мне брат, — но чувствую, что-то переменялось . . . Откуда-то дует этакий зловеющий ледяной ветерок.

— Но в чем это проявляется? В чем? — допытывался я.

— Черт его знает... Конкретно ни в чем. Но вижу это по Мехлису.

— Мехлис? Но ведь он так с тобой дружит! Твой вроде брат. (Миша мне рассказывал однажды, что Мехлис ему как-то поведал, расчувствовавшись: »Михаил! У меня

никогда не было братьев, и ты мне все равно как родной брат!»)

— Да, Мехлис. Я вижу, я чувствую это по его улыбочкам, по его безукоризненно нежному обращению... Кстати, на днях была замечательная сценка. Мехлис зачем-то приехал в «Правду» (ты знаешь, что он сейчас перешел на работу в ПУР). Сидим в моем кабинете, и он вдруг говорит: «А знаешь, Миша, надо очень и очень присмотреться к Августу. Это, безусловно, замаскированный враг». Я обомлел. «Что ты, Лев? — говорю. — Август?! Этот честнейший, преданнейший большевик? Старый политкаторжанин?» — «Да, да, Миша, — отвечает Мехлис нетерпеливо и злобно, — именно он, честнейший и преданнейший. Именно из таких, как ты говоришь, «честнейших» царская охранка вербовала провокаторов!» Я не знал, что сказать. Буквально отнялся язык. И в эту минуту в кабинет вошел... Август с газетными полосами на подпись. Ты бы видел, как мгновенно и жутко изменилось лицо Мехлиса, как ласково и приветливо он заговорил: «А-а!.. Товарищ Август! Рад вас видеть! Как поживаете, дорогой? Как здоровье? — «Спасибо! Стареем, товарищ Мехлис, стареем...» — «Ну что вы, товарищ Август. Вам еще рано стареть! Вон вы какой богатырь. Еще поработаете для «Правды», для партии!» — «Спасибо, товарищ Мехлис, на добром слове, спасибо...» Август был явно взволнован и расстроган. Вероятно, он долго ходил потом под приятным впечатлением этого разговора и кому-то, наверно, рассказывал: «Какой все-таки замечательный человек Мехлис! Какой чудесный товарищ, простой, душевный... Как он меня приободрил». А ведь Август, видимо, уже конченный человек... Это вопрос дней...

И брат невесело добавил:

— Да-а... Вот как это делается...

Он искренне, глубоко, не боюсь сказать, фанатически верил в мудрость Сталина. Сколько раз, после встреч с «хозяином», брат в мельчайших деталях рассказывал мне о его манере разговаривать, об отдельных его замечаниях, словечках, шуточках. Все в Сталине нравилось ему.

И вместе с тем...

— Думаю, думаю... И ничего не могу понять. Что происходит? — повторял, бывало, Кольцов, шагая взад и вперед по кабинету. — Каким образом у нас вдруг

оказалось столько врагов? Ведь это же люди, которых мы знали годами, с которыми мы жили рядом! Командармы, герои гражданской войны, старые партийцы! И почему-то, едва попав за решетку, они мгновенно признаются в том, что они враги народа, шпионы, агенты иностранных разведок. . . В чем дело? . . . Я чувствую, что схожу с ума. Ведь я по своему положению — член редколлегии «Правды», известный журналист, депутат — я должен, казалось бы, уметь объяснить другим смысл того, что происходит, причины такого количества разоблачений и арестов. А на самом деле я сам, как последний перепуганный обыватель, ничего не знаю, ничего не понимаю, растерян, сбит с толку, брожу впотьмах.

То ли кто-то, — продолжал Миша, — может быть Ежов, непрестанно разжигает его подозрительность, подсовывает наскоро состряпанные заговоры и измены. То ли, наоборот, он сам настойчиво и расчетливо подогревает усердие Ежова, поддразнивает, что тот не видит у себя под носом предателей и шпионов? Характерный штрих, который мне многое объяснил: недавно я зашел к Мехлису, застал его за чтением какой-то толстой тетради. Это были показания недавно арестованного редактора «Известий» Таля. «Прости, Миша, — сказал он со своей улыбочкой. — Не имею права, сам понимаешь, дать тебе прочесть. . . Но. . . Посмотри, если хочешь, его резолюцию». Я посмотрел. Несколько слов красным карандашом, адресованных Ежову и Мехлису, лаконично предписывали арестовать всех упомянутых в показаниях лиц.

Понимаешь? — продолжал брат. — Люди, о которых идет речь, еще на свободе. Они работают, может быть печатаются в газетах, строят какие-то планы на будущее, ходят с женами в гости и в театры, играют с детьми, едят, спят, смеются. И не подозревают, что они уже осуждены и, по сути дела, уничтожены одним росчерком этого красного карандаша. Ежову остаются чисто технические детали — оформить «дела» и выписать ордера на арест.

.
Развязка наступила 12 декабря 1938 года. В этот вечер на открытом партийном собрании в Доме писателей Кольцов делал большой доклад в связи с выходом в свет «Краткого курса истории партии». Литературная Москва до отказа заполнила зал писательского клуба. Я слушал брата, стоя наверху, на хорах. В перерыве я подхо-

дил к нему. Миша был, как всегда, окружен людьми, весел, оживленно обменивался шутливыми репликами. После собрания, в вестибюле, мы подошли к нему с Н. Беляевым, и я внес предложение поехать всем ко мне пить чай. Миша подумал и сказал:

— Чай — это неплохо. Но у меня еще есть дела в редакции. Я поехал в «Правду».

И мы условились на завтра встретиться.

Но на завтра мы не встретились. И не встретились больше никогда.

ОТКРОВЕННОСТЬ ХРУЩЕВА

После войны Украина была отдана в полное распоряжение Хрущева. В пылу организационной горячки он принял на работу в свой секретариат женщину по фамилии Хельминская без заполнения ею анкеты. Она была видной польской коммунисткой-еврейкой, пережившей немецкую оккупацию в Киеве «по арийским бумагам». Когда она впоследствии заполнила анкету и ее национальность стала известна Хрущеву, он ее немедленно уволил. Ошеломленная Хельминская обратилась к влиятельным друзьям, и они ей сообщили, что существует секретная инструкция, запрещающая по всей Украине принимать евреев на ответственные должности. Не в состоянии поверить в это, Хельминская добилась приема у Хрущева, который ей сказал:

«Я понимаю, что вы, как еврейка, рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И, я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы здесь на Украине. Понимаете ли вы? Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти, как возвращение евреев».

И для «утешения» он заявил:

«Все, что я могу для вас сделать, это вернуть вам вашу анкету. Напишите другую без упоминания о вашем еврейском происхождении. Воспользуйтесь вашими фальшивыми документами, по которым вы чистокровная украинка».

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

»На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде«:

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
Во всех науках знаете вы толк.
А я простой советский заключенный
И мой товарищ — серый брянский волк.

За что сижу, по совести, не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я в том же Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы.

И вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры наглы и грубы.
Я это все, конечно, понимаю
Как обостренье классовой борьбы.

В чужих грехах мы сразу сознавались
И так пошли навстречу злой судьбе.
Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разжигали пламя . . .
Спасибо вам — я греюсь у костра.

Для вас в Москве открыт Музей Подарков,
Сам Исаковский пишет песни вам,
А нам читает у костра Петрарку
Фартовый парень — Оська Мандельштам.

Товарищ Сталин, ты не спишь ночами,
Прислушиваясь к шороху дождей,
А мы лежим на нарах штабелями
И нам чужда бессонница вождей.

Я вижу, как в простой партийной кепке
Идете вы встречать большой парад.
Мы рубим лес, а сталинские щепки,
А щепки, разумеется, летят.

Вся грудь у вас в наградах, вся в медалях,
И волос от заботы поседел.
Ведь вы шесть раз из ссылки убегали,
А я, дурак, ни разу не сумел.

Вчера мы схоронили двух марксистов.
Мы их не покрывали кумачом.
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, не при чем.

И перед тем, как навсегда скончаться,
Вам завещал кисет и все слова.
Просил он вас во всем тут разобраться
И тихо вскрикнул: »Сталин — голова!«

Живите сотню лет, товарищ Сталин.
Пускай в тайге придется сгинуть мне —
Пусть будет больше чугуна и стали
На душу населения в стране.

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознаньи страшный корифей,
А я простой советский заключенный,
Не коммунист, и даже не еврей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА МОГИЛЕ МОЕГО ДЕДА В СЕВАСТОПОЛЕ

Дед похоронен на еврейском кладбище —
кто-нибудь подумает: вот клад еще! —
здесь, в городе, где буквами истертыми
старинных постаментов, древних плит
кричит, гремит российская история
и каменными ядрами палит...

А дед мой не командовал парадом.
Был плотником. Не стал он и прорабом.
Он вовремя к обеду приходил.

Он умер тихо. Мир и не заметил.

Да что тут говорить — ни тем, ни этим
в великие мой дед не угодил,
хоть век трудился, знал войну и голод...

А был когда-то дед силен и молод!

И дом был в самом полном смысле дом,
как всякий дом, когда мужчина в нем.

Дом деда — там жилось легко и просто,
там пахло летом,

лесом,

мастерской.

Там спорили — что строить на Морской, —
острее в доме не было вопроса.

И были будни, где — работы святость,
и дружбы, и забот житейских круг...

И день,

когда в тот дом —

меньшую сватать —

пришел молодцеватый политрук.

Он сероглазым был и рябоватым,

Он ей сперва казался грубоватым.

Знакомство началось с того, что зло
он отругал ее за то, что курит.

Ну а потом... Ее крутые кудри
и голоса гортанное тепло!

Он в дом вошел, как в дом, с почтеньем к дому,

Он бабушку сразу матерью нарек.

И бабушка, просияв по-молодому,

отозвалась доверчиво: — Сынок! —

А дед, о фартук вытирая руки,

смекал: и добр, и, видно, башковит...
Неважно было —

русский ли, не русский,
но важно было то, что — большевик.
На свадьбе все обычаи смешались.
Да и совсем не думая о них,
интернационально

чуть смущались
под »горько« и невеста, и жених...
И вот, как две реки в едином русле,
две жизни их, две крови — кровь моя.
Живу в России. Говорю по-русски.
Ну а точнее —

уточняю я:
над чистоплюйством

»чистых« рас

насмешкою —

ты слышишь, век? —
мы — дети крови смешанной.
Мы — дети побеждающей любви.
Интернационал у нас в крови!
Издrevле, из времен, издаleка,
наперекор раздорам, распрям, войнам,
как брат с сестрой,
разноплеменных двое
идут через жестокие века.
Двадцатый век,
к ним у тебя — не жалость:
ты сам такой по сущности своей.
В майданеках, в освенцимах
смешалась
кровь дочерей твоих и сыновей.
Двадцатый век, судьбою и надеждою
мы, крестники октябрьских баррикад,
наследники твоих интербригад,
мы, твои дети, — дети крови смешанной.
Мы дети торжествующей любви.
Интернационал у нас в крови!

КОМСОМОЛЕЦ — ПОЭТ К.

(Отрывок из «Автобиографии»)

Такие люди, к сожалению, делали иногда «литературную политику», принося в нее всевозможные, дурно пахнущие элементы, включая антисемитизм. Надо сказать, что антисемитизм совершенно не свойственен самому характеру русского народа, как вообще всем народам... Антисемитизм всегда насаждают. Антисемитизм искусственно насаждали у нас в царское время. Антисемитизм так же искусственно возбуждался в отдельные периоды при жизни Сталина. Но для меня, во-первых, как для русского, а во-вторых, как для человека, для которого заветы Ленина самое дорогое на свете, — антисемитизм всегда — был вдвойне отвратителен.

Поэт К., с которым по прихоти судьбы меня связывала юношеская неразборчивая дружба, не был лишен этого, мягко говоря, недостатка. Он меня пытался убедить в том, что вся история оппортунизма, начинавшаяся с Бунда, а затем продолжавшаяся в Троцком, имеет определенную национальную подоснову. Я спорил с ним до хрипоты. Он упрекал меня в политической близорукости.

Однажды после такого спора он ночевал у меня.

Утром он разбудил меня радостными криками.

В одних трусах, он отплясывал чуть ли не африканский танец торжества, размахивая газетой, где было опубликовано сообщение об аресте врачей-отравителей.

— Видишь! А что я говорил? Это все евреи!

Надо сказать, что я поверил этому сообщению. Оно меня необыкновенно удручило, но все-таки не вызвало во мне антисемитизма, и радость поэта К. была мне неприятна.

В тот же день мы с поэтом К. пошли в кинотеатр, где шел старый фильм о революции. Один из эпизодов был о еврейском погроме в Одессе. И вот, когда по экрану шли лавочники и уголовники под лозунгами «Бей жи-дов, спасай Россию!», с булыжниками, к которым прилипли окровавленные волосики еврейских детей, наклонясь к поэту К. я сказал:

— Неужели ты хочешь быть похожим на этих?!

И вдруг, отстранившись от меня, он холодно ответил с металлическими нотками в голосе:

— Мы — диалектики. Не все из прошлого надо отбрасывать, Женя.

Его глаза светились гитлерюгендским блеском.

На отвороте пиджака мерцал комсомольский значок.

Я смотрел на него в ужасе, не в состоянии понять — что за человек сидит рядом со мной.

Ему было всего 24 года. Он был воспитан не царским самодержавием, а советской властью, основанной на принципах интернационализма. Над его письменным столом висели портреты Ленина и Маяковского. Как же могли объединиться в нем такие взаимоисключающие друг друга понятия, как коммунизм и антисемитизм?

Теперь, когда с той поры прошло десять лет, я понимаю, что главное преступление Сталина вовсе не в том, что он арестовывал и расстреливал. Главное преступление Сталина — моральное растрепывание душ человеческих. Конечно, сам Сталин теоретически не проповедывал антисемитизм, но это проповедывала сталинская практика. Сталин теоретически не проповедывал карьеризма, угодничества, жестокости, ханженского лицемерия. Но все это тоже проповедывала сталинская практика. И некоторые люди, такие как поэт К., начинали думать и поступать антикоммунистически, хотя они себя считали самыми правверными коммунистами.

Но я понял, что люди, говорящие от имени коммунизма, а на самом деле извращающие его смысл — одни из самых опасных врагов коммунизма — может быть опаснее, чем его враги на Западе.

Поэт К. с этого момента стал для меня врагом коммунизма — а значит, моим личным врагом. (У некоторых догматиков я встречал иную, чем у меня, психологию: своих личных врагов они считали врагами коммунизма).

*

Е. Евтушенко

ДИСПЕТЧЕР СВЕТА

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Ток я шлю крестьянину, врачу,
двигаю контейнеры и краны
и кинокомедии кручу.

Где-то в переулочках неслышных,
обнимаясь, бродят, как всегда.
Изя Крамер светит вам не слишком?
Я могу убавить, если да.

У меня по личной части скверно.
До сих пор жены все нет и нет.
Сорок лет не старость, это верно,
Только и не юность сорок лет.

О своей судьбе я не жалею,
отчего же все-таки тогда
зубы у меня из нержавеющейки
да и голова седым-седа?

Вот стою за пультом над водою,
думаю про это и про то,
а меня на белом свете двое,
и не знает этого никто.

Я и здесь и в то же время где-то.
Здесь — дела, а там — тела, тела . . .
Проволока рижского гетто
надвое меня разодрала.

Оба Изии в этой самой коже.
Жарко одному, другой дрожит.
Одному кричат: »Здорово, кореш!« —
а другому: »Эй, пархатый жид!«

И у одного, в тайге рождаясь,
просят света дети-города,
у другого к рукаву прижалась
желтая несчастная звезда.

Но другому на звезду, на кепку
сыплется черемуховый цвет,
а семнадцать лет — они и в гетто,
что ни говори, семнадцать лет.

Тело жадно дышит сквозь отрепья
и чего-то просит у весны . . .
А у Ривы, как молитва ребе,
волосы туманны и длинны.

Пьяные эсэсовцы глумливо
шляются по гетто до зари . . .
А глаза у Ривы — словно взрывы,
черные они, с огнем внутри.

Молится она окаменело,
но молиться губы не хотят
и к моим, таким же неумелым,
шелушась, по воздуху летят!

И, забыв о голоде и смерти,
полные особенным, своим,
мы на симфоническом концерте
в складе продовольственном сидим.

Пальцы на ходу дыханьем грея,
к нам выходит крошечный оркестр.
Исполнять Бетховена евреям
разрешило все-таки эсэс.

Хилые, на ящиках фанерных,
поднимают скрипки старички,
и по нервам, по гудящим нервам
пляшут исступленные смычки.

И звучат бомбежки ураганно,
хоры мертвых женщин и детей,
и вступают гулко и органно
трубы где-то ждущих нас печей.

Ваша кровь, Майданек и Освенцим,
из-под пианинных клавиш бьет,
и, бушуя, — немец против немцев —
Людвиг ван Бетховен восстает!

Ну, а в дверь дыша недавней пьянкой,
прет на нас эсэсовцев толпа . . .
Бедный гений, сделали приманкой
богом осененного тебя.

И опять на пытки и на муки
тащит нас куда-то солдатня.
Людвиг ван Бетховен, чьи-то руки
отрывают Риву от меня!

. . . Наш концлагерь птицы облетают,
стороною облака плывут.
Крысы в нем и то не обитают,
ну, а люди пробуют — живут.

Я не сплю, на вшивых нарах лежа,
и одна молитва у меня:
»Как меня, не мучай Риву, боже,
сделай так, чтоб Рива умерла!«

Но однажды землю молчаливо
рядом с женским лагерем долбя,
я чуть не кричу . . . я вижу Риву,
словно призрак, около себя.

А она стоит, почти незрима
от прозрачной детской худобы,
кольхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерной трубы.

И живая или неживая —
не пойму . . . Как в сон погружена,
мертвенно матрасы набивает
человечьим волосом она.

Рядом ходит немка, руки в бедра,
созерцая этот страшный труд.
Сапоги скрипят, сверкают больно.
Сапоги новехонькие. Жмут.

»Эй, жидовка, слышишь, брось матрасы!
Подойди! А ну-ка помоги!«
Я рыдаю. С ног ее икрастых
стягивает Рива сапоги.

»Поживее! Плетки захотела?
Не порви чулок! — И в грудь пинком.
А теперь их разноси мне, стерва!
Надевай! Надела? Марш бегом!«

И бежит, бежит по кругу Рива,
спотыкаясь посреди камней,
и солдат лоснящиеся рыла
с вышек ухмыляются над ней.

Боже, я просил ей смерти, помнишь?
Почему она еще живет?
Я кричу, бросаюсь к ней на помощь,
мне товарищ затыкает рот.

И она бежит, бежит по кругу,
падает, встает, лицо в крови.
Боже, протяни ей свою руку,
навсегда ее отанови!

Боже, я опять прошу об этом!
Милосердный боже, так нельзя!
Солнце, словно лагерный прожектор,
Риве бьет в безумные глаза.

Падает . . . К сырой земле прижалась
девичья седая голова.
Наконец-то вспомнил бог про жалость
Бог услышал, Рива: ты мертва . . .

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Я огнями ГЭС на вас гляжу,
грохочу электротракторами
и электровозами гужу.

Где-то на бетховенском концерте
вы сидите, может быть, с женой,
ну, а я — вас это не рассердит? —
около сажусь, на приставной.

Впрочем, это там не я, а кто-то . . .
Людвиг ван Бетховен, я сейчас
на попитрах освещаю ноты
из тайги, стирая слезы с глаз.

И, платя за свет в квартире вашей,
счет кладя с небрежностью в буфет,
помните, какой ценою страшной
Изя Крамер заплатил за свет.

Знает Изя: много надо света
чтоб не видеть больше мне и вам
ни колючей проволоки гетто
и ни звезд, примерзших к рукавам,

чтобы над евреями бесчестно
не глумился сытый чей-то смех,
чтобы слово »жид« навек исчезло,
не позоря слова »человек«!

Этот Изя кое-что да значит —
Ангара у ног его лежит,
ну, а где-то Изя плачет, плачет,
ну, а Рива все бежит, бежит . . .
1965

Наум Однопозов

Поставили в Румбуле памятник жертвам фашизма.
На открытии евреям слова почти не дали . . .
Выступали русские и латыши.
Хорошо выступали.
Хорошо говорили.
Как тяжело жилось русским при гитлеровцах.
Как тяжело пришлось латышам при немцах.
Как прекрасно жить
в коммунистическое время.
Вспомнили, как гитлеровцы убивали невинных.
Как русских и латышей сгоняли к ямам.
Как детишек перебрасывали
со штыка на штык.
Очень красиво говорили
коммунисты и беспартийные.
А потом и сам памятник открыли.
Только о том,
что в Румбульском лесу
на каждые сто трупов,
лежащих в общей могиле,
девяносто девять — еврейские,
не говорили.
Просто забыли.
По негласному приказу
гестапо и горисполкома.
Но главное — памятник.
Он открыт.
На нем надписи.
На русском языке.
На латышском языке.
На еврейском тоже (полгода хлопотали).
Еще главнее и важнее — стройка.
Той самой новой советской рабоче-крестьянской жизни,
в которой участвуем мы все.
В которой, по словам товарищей из ЦК,
нет места антисемитизму.

Рига 29. X. 64

БОРИС СЛУЦКИЙ

... В то время, когда в Союзе писателей шла суетливая возня вокруг золотых и серебряных медалей, по Москве чеканно, военной походкой, ходил прекрасный поэт Борис Слуцкий, напечатавший только одно стихотворение, да и то в сороковом году. И, как ни странно, он был спокойней и уверенней всех нервничающих кандидатов в лауреаты. Оснований для спокойствия у него как-будто не имелось. Несмотря на 35 лет, он не был принят в Союз Писателей. Он жил тем, что писал маленькие заметки для радио и питался дешевыми консервами и кофе. Квартиры у него не было. Он снимал крошечную комнатку. Его стол был набит горькими, суровыми, иногда по-бодлеровски страшными стихами, перепечатанными на машинке, которые даже бессмысленно было предлагать в печать. И тем не менее Слуцкий был спокоен. Он всегда был окружен молодыми поэтами и вселял в них уверенность в завтрашнем дне. Однажды, когда я плакался ему в жилетку, что мои лучшие стихи не печатают, Слуцкий молча выдвинул свой стол и показал мне груды лежащих там рукописей.

— Я воевал — сказал он — и весь прошит пулями. И воевал я не за то, чтобы эти стихи лежали в столе. Все переменится. Наш день придет. Нужно только уметь ждать этого дня и кое-что иметь к этому дню в столе и в сердце. Понял?! —

Я понял.

(Е. Евтушенко, Автобиография).

Десять лет после вышеописанного разговора Слуцкий понял, что ему не дожидаться этого дня, и что нужно выбрать между куском хлеба и ложью — с одной стороны, и молчанием и, следовательно, литературной смертью — с другой стороны. О связи между рублем и враньем он писал ясно:

Лакирую действительность —
Исправляю стихи.

.

Чтобы с черного хода
Их пустили в печать,
Мне
 за правдой
 охоту
Поручили начать.

Чтоб дорога прямая
Привела их к рублю,
Я им руки ломаю,
Я им ноги рублю,
Выдаю с головою,
Лакирую и лгу.

.

Из-за этого же рубля, для обеспечения приближающейся старости, на заседании Союза советских писателей по делу Пастернака, Слуцкий, подчиняясь партии, выступил против своей совести и осудил автора Д-ра Живаго. Таким образом он заработал себе право на пенсию, но потерял всех своих друзей в Союзе писателей.

С тех пор он переживает большую духовную трагедию, а так как друзья от него отказались, а партия прицепилась, как пиявка, то он и продолжает служить ей, рассказывая всякие басни по Московскому радио.

Вот два стихотворения прежнего, ещё имеющего совесть, Слуцкого.

★ ★ ★

А нам, евреям, повезло.
Не прячась под фальшивым флагом,
На нас без маски лезло зло,
Оно не притворялось благом.

Еще не начинались споры
В торжественно-глухой стране,
А мы, припертые к стене,
В ней точку обрели опоры.

Евреи хлеба не сеют.
Евреи в лавках торгуют.
Евреи раньше лысеют.
Евреи больше воруют.

Евреи люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в райкопе.

Я все это слышал с детства
И скоро совсем постарею,
И все никуда не деться
От крика: »Евреи, евреи!«

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Несу в себе, как заразу,
Эту проклятую расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось не лживо:
»Евреев не убивало!
Все воротились живы!«

»БАБИЙ ЯР«

Нет нужды описывать значение «Бабьего Яра». Когда оно впервые появилось 19 сентября 1961 г. в «Литературной газете», оно потрясло весь мир своим честным и патриотическим подходом к проблеме несправедливости, своим смелым вызовом режиму насилия над еврейским народом, режиму замалчивания истории евреев и их роли в жизни страны, режиму, выставляющему евреев только в виде паразитствующих пережитков прошлого. Весь мир приветствовал одинокий, но мужественный голос Евтушенко. «Над Бабьим Яром памятников нет...» И не только над Бабьим Яром: над тысячами других общих могил на советской территории, хранящих кости родных и близких евреев в СССР и за рубежом, нет памятников.

Продолжая антисемитскую политику Сталина, советские лидеры не дают евреям возможности иметь хоть малейший памятник, свидетельствующий об их национальной принадлежности, направляя все усилия на насильственную ассимиляцию евреев. Им даже не дают возможности почтить память своих детей, родителей и родственников, погибших мученической смертью от рук фашистов. Что может быть обиднее этого издевательства?

Стихотворение Евтушенко напоминает евреям их собственную многострадальную историю, и в условиях советской действительности способно растрогать камень. Евтушенко приветствовали все честные люди в СССР и за рубежом. Лишь в лагере последователей Сталина — затаившихся консерваторов, готовых в любую минуту снова поднять дубинку и идти громить народ, раздалось злобное шипение. Это шипение вылилось в стихотворение А. Маркова «Мой ответ» (24. 9. 1961 г.) и статью Д. Старикова «Об одном стихотворении» (27. 9. 1961 г.), напечатанные в газете «Литература и жизнь». И это не случайно, что они вызвали широкую волну протеста как в Союзе, так и за границей. Советский народ увидел в этом попытку оправдания и реставрации сталинщины,

от которой он так жестоко пострадал. Стихотворение «Ответ Маркову» — одно из выражений протеста.

Евтушенко — патриот будущей справедливой России. Он верит в победу демократических сил в его стране. В России, населенной такими людьми, как Евтушенко, не может быть места антисемитизму. Во имя этой будущей России написал Евтушенко «Бабий Яр», во имя её он борется с догматиками, сторонниками нажима и террора, антисемитами.

От стихотворения «Бабий Яр», несмотря на его мрачный фон, веет оптимизмом.

Е. ЕВТУШЕНКО О СВОЕМ СТИХОТВОРЕНИИ «БАБИЙ ЯР»

(Отрывок из «Автобиографии»)

Я давно хотел написать стихи об антисемитизме. Но эта тема нашла свое поэтическое решение только тогда, когда я побывал в Киеве и воочию увидел это страшное место. Само стихотворение я написал сразу же по возвращении в Москву — довольно быстро — часа за два. У меня предстоял в этот же день вечер в Политехническом. Я рассказывал о Кубе. Затем я прочитал — первый раз в жизни «Бабий Яр».

Обычно все свои стихи я читаю по памяти, но на этот раз я так волновался, что держал перед глазами листок. Я прочел последние строки. В зале была мертвая тишина. Я стоял, судорожно сжимая в руке листок, и боясь поднять глаза на зал от растерянности.

Наконец, поднял глаза и увидел, что весь зал встал.

И затем обрушился гром аплодисментов, продолжавшийся минут десять. Люди выбегали на сцену и целовали меня. У меня на глазах были слезы. После выступления ко мне подошел седой человек, опиравшийся на суковатую палку.

— Я член партии с 1905 года — сказал он. — Хотите я вам напишу рекомендацию в партию?

Как раз недавно перед этим я читал статью обо мне, о моей поэме «Считайте меня коммунистом!» Автор этой статьи писал, что если бы на собрании встал вопрос о моем приеме в партию, то он бы проголосовал против. Статья так и называлась «Я против» . . .

— И то, что вы говорили о Кубе, и то, что вы написали о Бабьем Яре — это одно целое, — сказал седой человек. — И то и другое — это революция. Та революция, которую мы делали когда-то, которую потом так предавали, и которая все-таки живет и будет жить! Я сидел в сталинском концлагере 15 лет, и я счастлив видеть, что наше дело — дело большевиков — продолжается... —

Тут я уже совсем расплакался, хотя я человек не слишком сентиментальный.

Я отнес стихотворение в редакцию «Литературной Газеты» и прочитал его своему приятелю, работавшему там. Он немедленно побежал в соседние комнаты, привел коллег и заставил меня еще раз прочитать его вслух. Затем спросил:

— Нельзя ли было копию сделать? Я хотел бы, чтоб у меня было это стихотворение...

— И нам, и нам копии! — стали просить коллеги.

— То есть, как копии? — недоуменно спросил я. — Я же принес его печатать в вашей газете.

Все молча переглянулись. Никому это даже в голову не приходило.

Потом один из журналистов, горько усмехнувшись, сказал:

— Вот он, проклятый Сталин, как в нас еще сидит... И подписал стихи в номер.

— Ты не уходи, — сказал мне мой приятель. — Еще редактор не читал. Может быть, вопросы будут...

Часа два, нервничая, я сидел в одной из редакционных комнат. Поминутно заглядывали журналисты из всех отделов, говорили какие-то успокаивающие слова, но весьма неуверенными голосами. Машинистки приносили конфеты. Вдруг открылась дверь и появился старичек-наборщик в рабочем халате.

— Ты Евтушенко будешь? Дай руку, сынок. Я набирал твой «Бабий Яр»... Правильная вещь! Все рабочие у нас в типографии читали и одобряют... — Рука старичка нырнула в халат, и оттуда появилась четвертинка водки и соленый огурец.

— Это тебе наши рабочие прислали, чтоб ты повеселел. Не волнуйся, давай и я с тобой выпью за компанию... Ну, так-то оно лучше... Я, брат, в молодости в рабочей дружине участвовал. Евреев мы от погромщиков защищали. Хороший человек антисемитом быть не

может... Старичек что-то еще говорил, и мне как-то спокойней становилось на душе.

Наконец, меня попросили зайти к редактору. Редактор — немолодой уже человек — поглядел на меня своими хитрыми крестьянскими глазами из-под седых клочковатых бровей. Эти глаза много повидали на своем веку. Эти глаза все понимали.

— Хорошие стихи, — с расстановкой сказал редактор, испытующе глядя на меня.

По своей практике я знал, что когда начинают с этой фразы, то стихи затем обычно не идут.

— Правильные стихи, — так же с расстановкой продолжал редактор. Ну, теперь-то уж я совершенно был уверен, что стихи не пойдут.

— Будем печатать, — сказал редактор.

Обычная хитринка вдруг исчезла из его глаз. Его глаза посуровели.

Я коммунист, — сказал он. — Ты понял? Как я могу это не напечатать? — Конечно, может быть всякое... Ты это учти.

— Я учитываю, — ответил я.

— Будешь ждать номера?

— Буду.

Я снова возвратился в редакционную комнату. Завтрашний номер выходил обычно в семь вечера. Все журналисты, уже окончившие свою работу, остались и тоже ждали номера. Пробило семь часов. Редактор еще не подписал номера. Пробило восемь. Редактор зачем-то послал машину за своей женой на дачу. Пробило девять. Ко мне зашла молодая красивая женщина — главный инженер типографии — и молча показала уже готовые листы, только на том месте, где должно было стоять мое стихотворение, зияло белое пятно. Пробило десять. Старичек-наборщик принес мне еще четвертинку водки, и мы ее распили с ним. Пробило одиннадцать. К редактору приехала его жена. В 11.30 редактор попросил меня зайти.

— Я пойду с вами! — нервно сказала женщина-инженер. — Если что-нибудь не так, я скажу, что уже невозможно ненапечатать... Сошлюсь на какие-нибудь технические причины.

И потом рабочие — что я им скажу?

Мы зашли.

Редактор и его жена уже в пальто стояли над листами. Они улыбались, глядя на измученного меня.

Женщина-инженер, увидев, что листы подписаны редактором, схватила их и весело, как девченка припрыгивая, помчалась в типографию.

— С женой я решил посоветоваться, — сказал редактор. — Она мой большой друг... Видите, и она одобрила... Идите смотреть, как сейчас стихи из под машины будут вылетать.

Я спустился в типографию. Рабочие пожимали мне руку. Женщина-инженер махнула рукой, и машина заработала. И вдруг что-то затрещало, грохнуло, и машина остановилась. Я был настолько взвинчен, что совершенно оцепенел. Старичек-наборщик ласково тронул меня за плечо.

— Одну минуточку потерпи еще, сынок...

И машина снова заработала, и первые экземпляры газеты один за другим стали падать к моим ногам.

— Завтра эта газета станет библиографической редкостью, — сказала женщина-инженер, протягивая мне охапку номеров. Я расцеловался и с ней, и с рабочими. Мне казалось, что мы вместе написали эти стихи. Я сел со своим приятелем в свою старенькую машину. И вдруг — о чудо! — я обнаружил на сидении бутылку «Божоле». Приятель поднялся к себе наверх и вернулся с длинными редакционными ножницами. Ими мы откупорили бутылку, выпили ее прямо в машине, и поехали. Был 1 час ночи. Москва еще ничего не знала... На следующий день все номера «Литературной газеты» были распроданы в киосках молниеносно. Уже в первый день я получил множество телеграмм от незнакомых мне людей. Они поздравляли меня от всего сердца. Но радовались не все.

Через два дня газета «Литература и жизнь» опубликовала стихи Алексея Маркова, написанные в ответ на «Бабий Яр», где я назывался пигмеем, забывшим про свой народ, а еще через два дня та же газета в обширной статье обвинила меня в том, что я попираю ленинскую интернациональную политику и возбуждаю вражду между народами. Чудовищнее и нелепее этого обвинения было трудно представить! Но авторы этих «произведений» плохо замаскировали свой шовинизм. И стихи, и статья вызвали огромную волну общественного возмущения. Я был завален письмами, идущими со всех концов страны.

Однажды утром ко мне пришли два молодых чело-

века, роста примерно 1,90 м. со значками »Мастер спорта« на пиджаках.

Они объяснили, что их прислала меня охранять комсомольская организация их института.

— Охранять? От кого? — удивился я.

Молодые люди смущенно пояснили мне, что, конечно, народ очень хорошо принял мое стихотворение, но у нас еще не коммунизм, и сволочи тоже попадают. Так они сопровождали меня, как тени, несколько дней. Я потом поближе познакомился с ними и выяснилось, что они сами вовсе не являются большими знатоками поэзии. Комсомольская организация выделила их по принципу физической силы — один из них был боксером, второй — борцом. Это было немножко смешно, но в общем необыкновенно трогательно.

Мне, разумеется, ничто не угрожало. Я получил на »Бабий Яр« около 20 тысяч писем, и лишь тридцать-сорок из них были написаны в агрессивном тоне. Но все эти письма были написаны анонимно, левой рукой. Делать подлости в нашей стране стало опасно. Бояться пришлось не мне, а Маркову. Он отказался от всех публичных выступлений, потому что администраторы мягко намекнули ему на возможность набития морды.

Е. Евтушенко

»БАБИЙ ЯР«

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас —

я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус —

это я.

Мещанство —

мой доносчик и судья.

Я за решеткой.

Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплеванный,
оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонгами тычут мне в лицо.
Мне кажется —
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной
стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:
»Бей жидов, спасай Россию!«
Лабазник насилует мать мою.
О, русский мой народ!
Я знаю —
ты
по сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту моей земли.
Как подло,
что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя »Союзом русского народа!«
Мне кажется —
я — это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.
И я люблю.
И мне не надо фраз.
Мне надо,
чтоб друг в друга мы смотрели
Как мало можно видеть,
обонять!
Нельзя нам листьев
и нельзя нам неба.
Но можно очень много —
это нежно
Друг друга в темной комнате обнять.
Сюда идут?
Не бойся — это гулы

самой весны,
она сюда идет.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет — это ледоход...
Над Бабыим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.
И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я —
каждый здесь расстрелянный
старик.
Я —
каждый здесь расстрелянный
ребенок.
Ничто во мне
про это не забудет!
»Интернационал«
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскоруждой
я всем антисемитам,
как еврей.
И потому —
я настоящий русский!

МОЙ ОТВЕТ

Какой ты настоящий русский,
Когда забыл про свой народ,
Душа, что брючки, стала узкой,
Пустой, что лестничный пролет.
Забыл, как свастикою ржавой
Планету чуть не оплели,
Как за державою держава
Стиралась с карты и с земли,
Гудели Освенцимы стоном,
И обелисками дымы
Тянулись черным небосклоном
Все выше, выше в бездну тьмы.
Мир содрогнулся Бабым Яром,
Но это был лишь первый яр,
Он разгорелся бы пожаром,
Земной охватывая шар.
И вот тогда — их поименно
На камне помянуть бы в ряд, —
О, сколько пало миллионов
Российских стриженных ребят.
Их имена не сдуют ветры,
Не осквернит плевком пигмей.
Нет, мы не требовали метрик,
Глазастых заслонив детей.
Иль не Россия заслонила
Собою амбразуру ту? !.
Но хватит ворошить могилы.
Им больно, им не вмоготу.
Пока топтать погосты будет
Хотя б один космополит, —
Я говорю: я русский, люди!
И пепел в сердце мне стучит.

(«Литература и жизнь», 24. 9. 1961 г.)

**ОТВЕТ МАРКОВУ НА ЕГО ЗЛОБНЫЙ ПАСКВИЛЬ
ПО ПОВОДУ СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГ. ЕВТУШЕНКО
»БАБИЙ ЯР«**

В чем это, Марков, вы узрели,
Что он не любит свой народ?
Неужто в том, что он евреям,
Как братьям, руку подает?

Иль в том, что, став над Бабьим Яром,
Где ветры шелестят травой,
Задумался над тем кошмаром,
Поник печально головой?

Иль, может, тем, что стала близкой
Та горечь, что уж столько лет
Над яром нету обелиска,
Над Яром памятника нет?

Лишь травы дикою красою
Те двести тысяч стерегут
И плачут утренней росой,
Росой-слезою мертвых чтут.

И ни слезы, и ни росы той,
(Вас, Марков, это будет злить),
Век не забыть и не засыпать
И даже пылью не залить.

И в том, что он с такой печалью
Над Бабьим Яром постоял,
Вы, Марков, в этом увидали,
Что он Россию предавал,

Что русских он забыл миллионы,
Погибших от руки врага . . .
Как вам не стыдно так злобно,
Так мерзко и так низко лгать?

Они ль не гибли за свободу,
И не они ль в бою несли
Идеи братства всех народов
И всех трудящихся земли?

Да как же вы посмели, Марков!
Мне не понять, мне не понять
Как вы решились, Марков, грязью
Борцов погибших осквернять?

И памятью их дорогою
Как вы решились спекулировать?
Я начал воевать под Мгою —
В Берлине кончил ратный путь.

И в отступлений мраке тусклом,
И в наступательных боях,
Мы вместе шли: еврей и русский,
И украинец, и казах.

Делились хлебом, болью, горем,
Последней крошкой махры,
И одинаковым был в горе
Предсмертный стон, предсмертный хрип

Вас, Марков, яд и злоба гложут,
Вы едкой брызжете слюной,
И, может быть, вы русский тоже,
Но только русский вы иной.

Нет! Вы не Горький и не Герцен:
Иная ткань, иная нить!
И с их сердцами — ваше сердце
Не сопоставить, не сравнить.

Иная нить, иная мера.
Вам никого не обмануть.
Как ни старайтесь лицемерить, —
Не утаить живую суть.

Не стать вам в ряд и с Евтушенко,
Как ни вертеть, куда ни кинь.
За ним видна тень Короленко,
За вами станет лишь Шульгин,

Иль Пуришкевич, или Власов —
Банкроты с грязною душой.
Кто, Марков, кто над вами властен,
Над вашим сердцем и умом?

И сам Ильич, что был неистов,
Непримирим к врагам коммун,
Счел б Евтушенко коммунистом.
А вас причислил бы к кому?*

* Есть также и другой вариант для курящих.

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Речь пойдет о стихотворном сочинении Евг. Евтушенко «Бабий Яр», опубликованном «Литературной газетой» 19 сентября 1961 года.

Не знаю, кто как, но я не могу, говоря о нем, беспокоиться, скажем, насчет рифм или печалиться по поводу не очень высоких качеств авторского слога... Бабий Яр. Знает ли сегодняшний молодой читатель и слушатель Евг. Евтушенко, что это такое? Не позабыли ли об этом люди среднего возраста, пожилые и старики? И думал ли об этом по-настоящему сам автор?

Вот уже третью ночь подряд я перечитываю статьи военных лет — книги Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Алексея Толстого, Леонида Леонова, Александра Фадеева... Громадное, непередаваемое горе встает с этих исторических страниц — такое, каким оно действительно было. Горе миллионов и миллионов мирных людей.

...Полуторатысячную толпу — стариков, женщин, детей — гонят по дороге. В трех километрах от города для них уже вырыты ямы. Заставляют раздеться. Загоняют в ямы по пяти человек и стреляют из автоматов. К концу дня ямы начали засыпать. Под легким слоем земли полуживые люди шевелились. Земля шевелилась... Земля стонала...

...Марию Билык, жену фронтовика, увели днем. Ночью забрали детей. Одиннадцатилетний Володя нес на руках двухлетнего Федю. За ними шли маленькие Танюша и Гануля. Миколку — он упирался — потащили на ремне. Их бросили живыми в яр. Когда пришли наши, **раскопали могилу** — увидели Володю, сжимавшего в объятиях Федю... Антон Билык спрашивал в письме, как поживают Мария и дети...

...Ночью после расстрела из одной ямы вышла голая женщина вся в земле, сделала несколько шагов и упала замертво...

...«Душегубка» — «дизельный восьмитонный грузовик с камерой, обложенной внутри листами надежного металла, который невозможно ни прокусить, ни процарапать ногтями. Отработанные газы мотора нагнета-

ются в это герметически закупоренное пространство непосредственно через трубку с защитной от засорения решеткой». В гестапо с Настасьей Супрун сидела ее четырнадцатилетняя племянница. Они подозревались в связи с нашей разведкой. »Ниночку опять принесли после пытки, она три часа лежала без сознания с кровавой пеной у рта. Когда очнулась, сказала тихо: »Тетя Ася, что будет со мной?« Когда после массовых убийств вернулась машина смерти, Ниночку послали убирать и мыть ее. Ниночка рассказала, что на полу в машине валялись куски рваного белья, волосы, очки и испражнения. Ниночку опять взяли на допрос, били палками, и опять она была без сознания... Четвертого ноября Ниночку взяли из камеры, и больше ее никто не видел...»
... При эксгумации среди трупов находят мячики, кукол...

Где это было — у рвов и ям Смоленска, в Бабьем Яру под Киевом или возле Пирытина на Полтавщине; в яру в Триполье на дороге в Обухов или у Змиевской балки в Ростове; у противотанкового рва за стекольным заводом в километре от Минеральных Вод или в Дробицком Яру за Тракторным заводом в Харькове? ..

»Было слово »яр« хорошим, была в том слове и трава, и речка, и песок, и большие ромашки, на которых девушки гадали про любовь. Теперь слово »яр« стало страшным. Так и кажется — сейчас выйдут из яра мертвые... Нет, не человек, кто об этом забудет!«

Куда увезли тех девушек? Во Франкфурт, в Берлин, в Кюстрин?

»Здравствуйте, дорогая мамочка, братик Геня и Семен Иванович. Дорогие мои родные, не забывайте меня. Дорогая мама, жизнь моя погибла, никто меня не спасет, наверно, оттуда. Дорогая мама, нет сил, как издеваются над нами, как мучают нас за труд тяжелый... Мама, нас бьют, заставляют работать непосильно. Ходим голые и босые... Холод, мама... А скажешь чего, так лучше не говори. Боже, за что они мучают нас, что мы им сделали... От такой жизни у нас девушки глотают иголки и с ума сходят. Боже, моя жизнь пропала. До свиданья, мама, до свиданья, до свиданья, живи за меня.«

»... К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы по дому. Будь спокоен, они уж поработают. К тому же нам дадут еще двух пленных; надеюсь, что тогда в нашем хозяйстве

дело пойдет на лад. Все, у кого уже работают русские, говорят, что в общем это недорогое удовольствие».

О, нет, не много документов, не много имен, не много видений — ведь все это лишь тысячная, лишь миллионная доля того, что встает за названием «Бабий Яр»! Какими словами рассказать об этом?

«Памятников нет»? «Грубое надгробье»?.. «Шелест диких трав»?.. «Деревья смотрят грозно»?.. «Все молча здесь кричит»?.. И еще: мне страшно; я чувствую, как седею, и сам я, как беззвучный крик; ничто во мне про это не забудет?.. Так говорит о Бабьем Яре Евгений Евтушенко.

Нет, это не мои слова. Мне гороздо ближе сегодня стихи Ильи Эренбурга 1944 года. Они тоже называются «Бабий Яр»...

... Я жил когда-то в городах,
И были мне живые милы,
Теперь на тусклых пустырях
Я должен разрывать могилы.
Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.
Я этой женщины любимой
Когда то руки целовал,
Хотя, когда я был с живыми,
Я этой женщины не знал...

Сознаю, это больные стихи — больные, как огромная открытая рана...

... Задуите свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы — овраги.

Страшно. Но я не могу при этом зрелище рассуждать, как мне страшно, как я снял шапку и как я седею...

Нет, не хочу говорить о стихах, сравнивать стихи. И не о разных талантах, а тем более не о разной степени таланта идет речь. О литературе и о жизни. Вернее, о литературе и о смерти. И об отношении литератора к жизни и к смерти миллионов.

Зачем тогда, в 1944 году, написал стихи о Бабьем Яре Илья Эренбург?

Какой нелепый, какой абсурдный вопрос! Зачем плачут или смеются, зачем бьется сердце и зачем оно болит?.. И ненаигранная боль, справедливый гнев писателя отзываются в душах бойцов, и пламеннее разгорается в них ненависть к врагу, и тверже становится рука, и зорче взгляд сквозь прорезь прицела...

Зачем сейчас, в 1961 году, Евг. Евтушенко вернулся к этой теме?

Может быть, он вспомнил о Бабьем Яре, чтобы предостеречь мир от фашизма? Может быть, он не смог молчать, услышав истеричные вопли западногерманских реваншистских ублюдков? А может быть, он хочет напомнить некоторым своим сверстникам и сверстницам о доблестях, о подвигах, о славе и о великих жертвах отцов? . .

Ничего подобного! Стоя над крутым обрывом Бабьего Яра, молодой советский литератор нашел здесь лишь тему для стихов об антисемитизме! И думая сегодня о погибших людях — «расстрелянный старик», «расстрелянный ребенок», — он думал лишь о том, что они — евреи. Это для него оказалось самым важным, самым главным, самым животрепещущим! . .

Третьего дня я разговаривал с одним немолодым уж русским советским литератором, по паспорту евреем. Он, между прочим, рассказал, как сразу после войны к нему, служившему тогда в наших оккупационных войсках в Германии, обратился офицер одной из союзнических комендатур с предложением присутствовать в качестве советского представителя при богослужении в память евреев, погибших от рук фашистов. В панихиде этой уже дали согласие участвовать офицеры-евреи английских, американских и французских частей местного гарнизона. «Понимаю, вы, как коммунист, — неверующий, но не присутствовать при торжественной мессе, конечно, не сможете: ведь вы тоже еврей. . .» Советский человек ответил: «Я не сомневаюсь в добрых намерениях господ офицеров, но затеянный ими молебен — это кощунство по отношению ко всем людям разных национальностей, погибших в борьбе против гитлеризма. Мы интернационалисты».

Да, фашистскими захватчиками в Бабьем Яре под Киевом были расстреляны десятки тысяч людей — евреев по национальности. «В убийстве еврейских старух и младенцев всего яснее сказалась низость гитлеровской Германии. Но разве не то же делают фашисты с русскими и украинцами, с поляками и югославами?» — писал в 1944 году Илья Эренбург. «Почему немцы убили евреев? — писал он в 1943 году о трагедии Пирятина. — Праздный вопрос. Они убили в том же Пирятине сотни украинцев. Они убили в селе Клубовка двести белорусов. Они убивают в Гренобле французов и на Крите

греков. Они должны убивать беззащитных, в этом смысл их существования». »Они говорят: »Мы против евреев«. Ложь... В Югославии немцы объявили, что »низшая раса« — сербы. В Польще они обратили в рабство поляков. Они ненавидят все народы...« Это — из статьи Ильи Эренбурга 1941 года.

Я ищу в его военных статьях слова об антисемитизме фашистов, чтобы до конца понять, отчего в трагических стихах своих о Бабьем Яре он не подчеркнул, что там убиты именно евреи. И я нахожу объяснение этому не только в искренности и глубине переживаний писателя, безусловно исключавших классификацию мертвых по происхождению, не только в естественном интернационализме его тогдашнего взгляда на мир, — но, в связи с этим, и в понимании им »природы фашизма«, »природы гитлеровской армии«.

Это понимали все советские писатели, воевавшие вместе с народом. Горько, что нынешний молодой литератор, которому во время войны было лет восемь-десять, не пожелал поучиться у старших, так много видевших, так много переживших! Страшно, но он, по-видимому, и слыхом не слыхал о том, что геноцид, уничтожение целых народов, — органическая часть идеологии фашизма; что антисемитизм фашистов — лишь часть их человеконенавистнической политики геноцида; что уничтожение евреев было для гитлеровского отребья лишь началом столь же планомерного и жестокого уничтожения »низших рас« — в том числе и славянства (»Славянская человеческая масса как расовый отброс недостойна владеть своими землями...« — возглашал маньяк Гитлер в своей »Майн кампф«. — »Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы славян...«).

Литератор обязан все это знать, независимо от того, с какими намерениями он обратился к данной теме, ибо он не вправе не задумываться над конкретно-историческим содержанием и смыслом того, что называется »Бабий Яр«, вступая в борьбу с антисемитизмом — с этой многовековой гнусностью, которую гитлеровцы подобрали в мусорной яме истории и вздели на свой флагшток.

Видеть в трагедии Бабьего Яра лишь один из исторических примеров проявления антисемитизма?! Против этого вопиют судьбы погибших там людей, неразрывно, сотнями зримых и незримых нитей связанные с судьбами и всех других павших в те страшные годы, и всех переживших их, и всех победивших.

Логика жизни неумолима; в ней можно обманываться, но ее не обмануть. Стоит на миг закрыть глаза, стоит на мгновение отвернуться от того Бабьего Яра, каким он был в действительности, и ото всех тех рвов, оврагов и ям, о которых он напоминает, и ото всех тех туч черного пепла, которые до сих пор не развеяны ветрами годов, — и мы, вслед за Евтушенко, ступаем на весьма обманчивую тропу. Осторожно! Гнилая болотная трясина жадна и неумолима. Скольких она уже засосала!.. Нельзя закрывать глаза. Нельзя отворачиваться. Вот он, первый и уже роковой шаг:

... Мне сегодня столько лет
как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас —

я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.

А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.

О, не правда ли, как смело, как благородно?.. Но не стоит ли, между прочим, поразмыслить, чего больше в этой декламации: обидной снисходительности »не такого, как они« (»еврейской крови нет в крови моей«, — сообщает Евтушенко), или »святой простоты« невежества, или, наконец, политической бестактности?

Фашисты обожали рисовать генеалогическое древо. Не предлагается ли нам здесь взамен некий »расизм наизнанку«? Каковы, в самом деле, реальные исторические связи между ближайшими потомками милого Тевье-молочника, зверски убитыми в Бабьем Яре, и древними иудеями, чьи легенды дошли до нас в Ветхом Завете? И те, и другие — »семиты«? Право же, эдакий подход к национальному вопросу мог бы заслужить самую горячую благодарность »арийцев«... »Евреи распяли нашего Христа«, — рычали некогда погромщики. Неужто же эту тупоумную мерзость непременно надо заменять другой: Христос, дескать, был евреем!

Нельзя ли обойтись без такой »научной« полемики?

А чего стоят на деле столь же безграмотные, сколь бездумные восклицания о »еврейском народе« как таком, »вообще« — об этом лучше меня могут поведать, ну, хотя бы те немногие из наших соотечественников, кто, прислушавшись к мистическому »зову крови« (чудесным образом совпавшему со сладостным зовом сирен националистической буржуазной пропаганды), поверил, будто можно быть »евреем вообще«, и устремился в

Израиль. То, что они решились променять свою Советскую Родину на мнимую »родину всех евреев«, — дело их гражданской и человеческой совести. Но трагедия большинства из тех, кто покинул Советский Союз и переехал в Израиль, — почему она не волнует литератора, ничтоже сумняшеся предпринявшего лихой и эффектный набег на древнюю, новую и новейшую историю разом?

Свободно и легко чувствует себя Евтушенко на незавидном поприще вольного или невольного разжигания угасающих националистических предрассудков. Это свобода от правдивости, от ответственности за свои слова. Это легкость в мыслях необыкновенная. Бабий Яр вызвал у него весьма странные »исторические« ассоциации, которыми он поспешил поделиться с читателями »Литературной газеты«.

Странные? Нет, и оскорбительные. Ведь, по сути, он оскорбил память погибших советских людей. Он оскорбил и советских евреев. Но этого оказалось мало.

О, русский мой народ!

Я знаю —

ты

по сущности интернационален.

Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.

Я знаю доброту моей земли.

Как подло,

что, и жилочкой не дрогнув,

антисемиты пышно нарекли

себя »Союзом русского народа«!

Ровно два года прошло со времени, когда в одном из журналов было напечатано предыдущее столь же прямое обращение Евтушенко к »России«, к »народу российскому«. Тогда он сообщал читателям насчет родного народа: сколько, мол, ни пороли русских шомполами до крови, как, дескать, ни стращали, »черт-те чем грозят«.

... как и прежде

оставались добрыми

страдальческие грустные глаза, —

и заявлял, невинно глядя на тружеников и воинов, революционеров и покорителей космоса:

Тебя, Россия,

сделали великою

великие страдания твои!

Смешно: Евтушенко признал величие России! »Признал«... на началах унижающей клеветы, до которой договаривались лишь яростные мракобесы и реакционеры, которой еще Белинский дал гневную отповедь в своем »Письме к Гоголю«!..

Евтушенко добился своего — о нем много тогда и позднее шумела критика, говорили и писали верно и неверно, тонко и грубо, ярко и бесцветно, — но больше о том, как некрасиво он поступил, прилюдно перетряхивая в соседнем стихотворении свои грязные простыни. Вспоминали пушкинское »чудное мгновенье«, заступались за ту женщину, хотя неизвестно, стоило ли заступаться...

О стихах про Россию молчали. Может быть, потому, что снисходили к молодости автора: вырастет, возмужает, — выправится... А может, и потому также, что для иных нынче не в моде говорить о политике в искусстве, когда речь идет о конкретном литераторе, о конкретном произведении: не надо, мол, политических ярлыков, не надо, дескать, политических обвинений...

Что же, »все дозволено«? Евтушенко, очевидно, решил что все. Впрочем, толкуют, будто теперь он вырос. Пожалуй, и пора бы... Но вот он теперь, с благословения редакции »Литературной газеты«, снова поднимается по лесенке стихотворных строк и снова взывает: »О, русский мой народ!«

Зачем же во всеуслышание обращается он к тем, кто доверил ему свое слово, поделился с ним крупицей своего таланта и своей славы; к тем, кто родил, вскормил и защищал его; к тем, кто трудится на пашне и у станка, к строителям Волжской ГЭС имени XXII съезда партии и к целинникам, к солдатам-сверхсрочникам и к писателям, к космонавтам № 1 и № 2? Что сказал он им?

— Знаете ли, к слову вот тут пришлось... Захотелось, видите ли, припомнить вам, что... О нет, нет, я признаю вашу доброту, я знаю, что вы »по сущности« интернациональны... Но вот ведь и подлецы, и подонки — они тоже русскими себя называли...

Как это ни чудовищно, но это действительно сделал Евтушенко: он ни полслова не сказал о гитлеризме, о фашистских захватчиках — это ему и в голову не пришло, когда он стоял над Бабьим Яром! И подумал он о русском народе совсем не потому, что именно этот народ возглавил битву против всемирных убийц, и не потому, что этот народ понес в битве неисчислимые жертвы, и

не потому, что этот народ вместе со всеми народами Советского Союза и всего лагеря социализма возглавляет ныне борьбу за то, чтобы не повторилась — удесятеренная! — трагедия мира . . .

Что, как не оскорбление, такая »забывчивость«?

»Союз Михаила Архангела« . . . »Многолапые, опьянелые, изрыгавшие волчьи стоны, перекошенные коряками, смурские, смурыгие человекоподобные потники и анафемы«, как писал о погромщиках Константин Федин в »Братьях« . . . Но при чем здесь русский народ, создававший боевые рабочие дружины для борьбы с черносотенцами, с архангельцами? При чем здесь народ, сказавший свое горячее, веское, самое громкое в мире слово против антисемитизма — устами Льва Толстого и Чехова, Короленко и Горького, устами Владимира Ильича; народ, сплотивший все народы необъятной нашей страны в единый могучий Союз Советских Социалистических Республик . . . Сейчас дружба наших народов крепка и монолитна, как никогда. Почему же сейчас редколлегия всесоюзной писательской газеты позволяет Евтушенко оскорблять торжество ленинской национальной политики такими сопоставлениями и »напоминаниями«, которые иначе как провокационные расценить невозможно? Во имя чего надывается сейчас Евтушенко, силясь перекричать победный гул нашей трудовой жизни, многоголосье сложных международных дел, к которому явственно примешиваются глухие подземные толчки новых ядерных испытаний? . .

Коммунистическая партия Советского Союза в проекте своей новой Программы выдвигает задачу »последовательно проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений: укреплять дружбу народов, как одно из важнейших завоеваний социализма; вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против отживших обычаев и нравов«. Партия указывает, что »проявления национализма и национальной ограниченности не исчезают автоматически с установлением социалистического строя. Националистические предрассудки и остатки былой национальной розни — это та область, где сопротивление социальному про-

грессу может быть наиболее длительным и упорным, ожесточенным и изворотливым».

Святая обязанность литераторов — первых помощников партии во всех ее делах — воспитывать трудящихся в духе интернационализма и социалистического патриотизма, непримиримости к любым проявлениям национализма и шовинизма. Но для того, чтобы по-настоящему бороться с этой скверной, для того, чтобы действительно изживать всяческие ее остатки, надо прежде всего представлять себе, во имя чего ведется такая борьба и против чего она ведется. Надо ясно и трезво отдавать себе отчет, что в современных исторических условиях на почве вековых националистических предрассудков могут пышно расцвести прежде всего ядовитые цветы всяческих надклассовых, по сути своей мелкобуржуазных, иллюзий, в равной мере питающих как шовинизм, так и национализм. Разумеется, белое — противоположность черному. Но белый стяг пацифизма — разве таково знамя истинных борцов против черного бандитского флага? Шестиконечная звезда Давида — разве такова эмблема истинных борцов против антисемитизма?

Наше знамя — красное знамя Революции; наша эмблема — серп и молот, эмблема Труда; на шлемах и касках наших бойцов никогда не померкнет алая пятиконечная звезда. Мы отмечаем и шовинизм, и национализм — с их «взаимностью», отмечаем, как и вообще всякого рода социально-философские доктрины, представляющие собой разновидность мелкобуржуазных иллюзий, исключаящих классовую борьбу, ибо, как сказано в проекте Программы КПСС, они «вводят в заблуждение народные массы, тормозят развитие национально-освободительного движения, ставят под удар его завоевания».

Меня не интересуют и не могут интересовать намерения Евг. Евтушенко, когда он писал о Бабьем Яре. Как известно, добрыми намерениями вымощена дорога в ад... Наверное, можно предполагать здесь также и недобрые, все те же давние его намерения эпатировать «публику», брать ее на какую угодно приманку... Но важно не это. Важно, что источник той нестерпимой фальши, которой пронизан его «Бабий Яр», — очевидное отступление от коммунистической идеологии на позиции идеологии буржуазного толка. Это неоспоримо.

(«Литература и жизнь», 27. 9. 1961 г.)

25-ая ГОДОВЩИНА

Отрывок из речи киевского украинского писателя Ивана Дзюбы, произнесенной по случаю 25-ой годовщины трагедии в Бабьем Яру и посвященной памяти погибших.

»Есть вещи, есть трагедии, перед неизмеримостью которых любое слово бессильно и про которые больше скажет молчание — великое молчание тысяч людей. Может быть и нам стоило бы обойтись без слов и думать в молчании про одно и то же. Однако молчание говорит много только там, где все, что можно было сказать, уже сказано. Когда же сказано еще далеко не все, когда еще ничего не сказано — тогда молчание становится сообщником лжи и угнетения. Поэтому мы говорим и должны говорить везде, где можно использовать возможности, которые встречаются нам так редко.

Я хочу сказать несколько слов — одну тысячную долю того, что я сегодня думаю, и того, что мне хотелось бы сказать. Я хочу обратиться к вам как к людям — как к своим братьям в человечестве. Я хочу обратиться к вам, евреям, как украинец — как член украинской нации, к которой я принадлежу с гордостью.

Бабий Яр — это трагедия всего человечества, но она произошла на украинской земле, и поэтому украинец не имеет права забыть про нее так же, как и еврей. Бабий Яр — это наша общая трагедия, трагедия в первую очередь еврейского и украинского народов.

Эту трагедию принес нашим народам фашизм. Однако не нужно забывать, что фашизм не начинается в Бабьем Яру и им не исчерпывается. Фашизм начинается с неуважения к человеку, а кончается уничтожением человека, уничтожением народов — но не обязательно таким только уничтожением, как в Бабьем Яру. . .

Антисемитизм — явление «интернациональное», он существовал во всех обществах. К сожалению, не чужд он и нашему обществу. В этом, может быть, и не было бы ничего удивительного: ведь антисемитизм — плод и спутник векового бескультурья и порабощения, первое и неизбежное порождение политического деспотизма, и уничтожается он в масштабах целых обществ — нелегко

и не быстро. Но удивляет нас другое: то, что на протяжении послевоенных десятилетий против него, по сути, не велось действительной борьбы, больше того — он иногда искусственно разжигается. Похоже на то, что забываются ленинские указания по борьбе с антисемитизмом, также как и забываются ленинские указания о национальном развитии Украины.

А во время Сталина были открытые, очевидные попытки сыграть на взаимных предвзятых мнениях части украинцев и части евреев, попытки под видом еврейского буржуазного национализма, а также сионизма уничтожить еврейскую национальную культуру, а под видом украинского буржуазного национализма — украинскую национальную культуру. Эти хитро продуманные кампании принесли вред обоим народам и не содействовали их сближению, и добавили еще одно горькое воспоминание к многострадальной истории обоих народов и к общей истории их взаимоотношений...

Мы, украинцы, должны в своей среде бороться со всякими проявлениями антисемитизма и неуважения к еврею, непонимания еврейской проблемы.

Вы, евреи, обязаны в своей среде бороться с теми, кто не уважает украинского человека, украинской культуры, украинского языка, кто несправедливо видит в каждом украинце скрытого антисемита.

Мы должны искоренить всякое человеконенавистничество, преодолеть все недоразумения, и всем своим существованием добиться настоящего братства.

Казалось бы, кому как не нам понять один другого, и кому как не нам подать человечеству пример братской совместной жизни? История наших народов настолько похожа в своем трагизме, что в библейских мотивах своего «Моисея» Франко изобразил путь украинского народа в образах еврейской легенды, а Леся Украинка одно из самых выразительных своих стихотворений о трагедии Украины начала словами: «И ты когда-то боролась так же, как Израиль»...

Великие сыновья обоих народов завещали нам взаимное понимание и дружбу. С украинской землей связана жизнь трех самых больших еврейских писателей — Шолом-Алейхема, Ицхока Переца и Менделе Мойхер-Сфорима. Они любили эту землю и учили творить добро на ней. Блестящий еврейский журналист Владимир Жаботинский выступал на стороне украинского народа в

его борьбе против русского царизма и призывал еврейскую интеллигенцию поддерживать украинское национально-освободительное движение и украинскую культуру.

Одним из последних гражданских поступков Тараса Шевченко было выступление против юдофобской политики царского правительства. Леся Украинка, Иван Франко, Борис Гринченко, Степан Васильченко, и другие выдающиеся украинские писатели хорошо знали и высоко ценили величие еврейской истории и еврейского духа, с глубоким сочувствием писали про страдания еврейской бедноты.

Прошлое, однако, не состоит из слепой вражды и обидных недоразумений, хотя их было достаточно. В прошлом есть также примеры храброй солидарности и взаимопомощи в борьбе за общие идеалы свободы и справедливости, за лучшую судьбу своих наций.

Эту традицию мы, современное поколение, и должны продолжать, противопоставляя ее проклятой традиции недоверия и недомолвок.

К сожалению, есть ряд факторов, которые не способствуют внедрению и расширению той благородной традиции солидарности.

Между ними — отсутствие настоящего освещения, гласности в национальных делах, в результате чего вокруг больших вопросов образуется своеобразный заговор молчания.

Путь к настоящему, а не фальшивому братству — не в самопренебрежении, а в самопознании. Не отречься от себя и приспособляться к другим, а быть самим собою и уважать других. Евреи имеют право быть евреями, украинцы имеют право быть украинцами, в полном и глубоком, а не только формальном значении этих слов. Пусть евреи знают еврейскую историю, еврейскую культуру, язык, и гордятся ими. Пусть они знают историю и культуру друг друга, историю и культуру других народов, умеют ценить себя и других, как своих братьев.

Достичь этого трудно, но лучше стремиться к этому, чем безнадежно махнуть рукой и плыть за волной ассимиляторства и приспособленчества, от которых добра не было, а будет только хамство, хуление и скрытое человеконенавистничество.

А мы должны всей своей жизнью противостоять цивилизованному человеконенавистничеству и обществен-

ному хамству. Ничего более важного для нас сейчас нет, потому что иначе все общие идеалы теряют свой смысл.

Это наше обязательство перед миллионами жертв деспотизма, это наше обязательство перед лучшими людьми украинского и еврейского народов, которые призывали к взаимопониманию и дружбе, это наше обязательство перед украинской землей, на которой нам жить вместе, это наше обязательство перед человечеством».

ИНЦИДЕНТ В МАЛАХОВКЕ

Малаховка — это пригород Москвы, в котором евреи составляют приблизительно 10% населения. Из-за этого Малаховка получила прозвище «Иерусалимка». 4 октября 1959 года, в 2 ч. 30 мин., в первую ночь еврейского Нового Года, неизвестные налетчики подожгли там местную синагогу и находящийся поблизости домик смотрителя еврейского кладбища. Смотрителю, 80-летнему старику Голдовскому, удалось каким-то образом спастись, но его жена Сара, 67 лет, была найдена задушенной.

Одновременно на многих домах, особенно тех, в которых жили евреи, были расклеены сотни листовок, призывавших к расправе с евреями. Такие же листовки были найдены в близлежащем городке Люберцы. Это продолжалось в течение двух последовательных ночей. По всей видимости это было делом рук хорошо организованной группы из Москвы, имевшей целью спровоцирование местного населения на погром.

Не исключена возможность, что в этом деле были замешаны власти, пытавшиеся свалить вину за недостатки советской внутренней политики (недостаток продовольственных и промышленных товаров, беспросветное будущее) на евреев. Антисемитские выходки в Малаховке повторялись уже не раз, и выражались преимущественно в порче и уничтожении еврейских реликвий и в избиении еврейских детей. Инцидент 4-го октября был точным повторением аналогичных выходок черносотенцев, с той лишь разницей, что участники переоделись в одежды советских патриотов. Об этом свидетельствуют и листовки, написанные в стиле советских газетных фельетонов, в которых главными героями являются «антиобщественные элементы» — евреи.

Власти замяли инцидент, виновные не были наказаны. Инцидент вызвал большое возмущение за границей.

Ниже мы приводим текст двух листовок из Малаховки безо всяких изменений.

ВОЗЗВАНИЕ!

ДОЛОЙ ЖИДОВ ИЗ ТОРГОВЛИ, КОТОРЫЕ НАНОСЯТ ВРЕД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ДОБРУ И МАТЕРИАЛЬНЫМ БЛАГАМ НАРОДА, ПРЕПЯТСТВУЯ ШИРОКОЙ ТОРГОВЛЕ ДЕФИЦИТНЫМИ ТОВАРАМИ, НАНОСЯ КРУПНЫЙ УЩЕРБ ГОСУДАРСТВУ И ТРУДОВОМУ НАРОДУ В СВОИХ НАЖИВАТЕЛЬСКИХ ЦЕЛЯХ.

Ловите их, выбивайте им трудовые доходы, нажитые нечестными делами. Учите их, как надо жить тому, кого спасли от смерти предоставив свою землю, такой ненавистной нации, как они, а те в свою очередь обнаглели заняли ведущие места протаскивая по блату друг друга сделав своих же спасителей своими подчиненными, вдолбив неискушенному русскому народу »РАВНОПРАВИЕ«, чего не могли они сделать немецкому народу, который собрав их всех выкинул из своей земли. А то врятли б жил сейчас немецкий народ, как он живет или польский, чешский, да там где мало этой иудейско-предательской нации, которая из-за золота идет на все.

Комитет Б.Ж.С.Р

ВОЙДЯ В МАГАЗИНЫ, ЛАВОЧКИ ВТОРОГО ИЕРУСАЛИМА (МАЛАХОВКА) ВЫ ВСЮДУ ВИДИТЕ ИХ САЛЬНЫЕ И НАДМЕННЫЕ РОЖИ, КОТОРЫЕ ПРЕЗРИТЕЛЬНО СМОТРЯТ НА РУССКОГО. И ЭТО ГДЕ? НА НАШЕЙ-ТО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ИУДЕЙСКИЙ РОД ВОЗЗНЕСЯ ТАК ВЫСОКО, ХАЕТ РУССКИЙ НАРОД »ДУРАЧЬЕМ« И »ВАНЬКАМИ«, А МЫ ВСЕ ТЕРПИМ, НО ДО КАКИХ ПОР ЭТО БУДЕТ? МЫ СПАСЛИ ИХ ОТ НЕМЦЕВ КОТОРЫЕ БОЛЕЕ РАССУДИТЕЛЬНЫ НАСЧЕТ ЭТОЙ НАЦИИ, И ПРИЮТИЛИ, ТАК ОНИ ТАК БЫСТРО ОБНАГЛЕЛИ, ЧТО РУССКИЙ НАРОД НЕ ПОНИМАЕТ »КТО ЖЕ НА ЧЬЕЙ ЗЕМЛЕ«. НАРОД РОПЩЕТ (ТЕОРЕТИЧЕСКИ) НО НЕ ДАЛЕКО И ДО (ПРАКТИКИ).

Если прямо говорить большевики зря поторопились приравнять эту нацию. Её можно опустить вниз, а она вылезет, как пырей засорять чистую добрую душу русского народа, как оно и случилось.

Не тот сейчас наш народ. От евреев он заразился бюрократством, жадностью, выгодой не гостеприимностью. Нет той открытой сердечной русской души, которая теперь существует лишь в деревне.

Комитет Б.Ж.С.Р. и Ц.К. за о.Р.Н.

МЫ — МАЛАНЦЫ

(отрывок из поэмы)

Кто же это гонится за нами?
Кто же мы такие, я и ты?

Разжигая печь и руки грея,
Наново устраиваясь жить,
Мать моя сказала: »Мы — евреи.
Как могла ты это позабыть?«

Я сама не знаю, как я смела.
Было так безоблачно вокруг.
Я об этом вспомнить не успела,
С детства было как-то недосуг . . .

Родину себе не выбирают,
Начиная видеть и дышать.
Родину на свете получают
Неизменно, как отца и мать.

Дни стояли сизые, косые,
Непогода улицу мела . . .
Родилась я осенью в России,
И меня Россия приняла.

Родина! И радости, и горе
Неразлучно были слиты с ней.
Родина! В бою, в любви и в споре
Ты была союзницей моей!

Родина! Нежнее первой ласки
Научила ты меня беречь
Золотые пушкинские сказки,
Гоголя пленительную речь,

Ясную просторную природу,
Кругозор на сотни верст окрест,
Истинную вольность и свободу,
Ленинской руки раздольный жест.

Напоила беспокойной кровью,
Водами живого родника,
Обожгла недоброю любовью
Русского шального мужика.

Я люблю раскатистые грозы,
Хрусткий неукутанный мороз,
Клейкие живительные слезы
Утренних сияющих берез,

Безымянные течения излучин,
Тихие вечерние поля . . .
Я к тебе протягиваю руки,
Родина! Любимая моя!

Лорелея — девушка на Рейне,
Старых струн зеленый перезвон . . .
Чем мы виноваты, Генрих Гейне?
Чем не угодили, Мендельсон?

Я спрошу у Маркса и Эйнштейна,
Что великой мудростью полны,
Может им открылась эта тайна
Нашей перед вечностью вины?

Милые полотна Левитана,
Доброе свечение берез . . .
Чарли Чаплин с белого экрана —
Вы ответьте мне на мой вопрос.

Разве все, чем были мы богаты,
Мы не роздали без лишних слов?
Чем мы перед миром виноваты,
Эренбург, Багрицкий и Свердлов?

Жили щедро, не щадя талантов,
Не жалея лучших сил души.
Я спрошу врачей и музыкантов,
Тружеников малых и больших,

И потомков грозных Маккавеев,
Славных сыновей своих отцов,
Тысячи воюющих евреев,
Павших офицеров и бойцов.

Отвечайте мне во имя чести
Племени, гонимого в веках,
Мальчики, пропавшие без вести,
Юноши, погибшие в боях.

Вековечный ужас униженья,
Причитанья матерей и жен . . .
В смертных лагерях уничтоженья
Наш народ замучен и сожжен.

Танками раздавленные дети,
Этикетка »юде«, кличка »жид«.
Нас уже почти что нет на свете,
Нас уже ничто не удивит.

Мы — евреи. Сколько в этом слове
Горечи и беспросветных лет!
Я не знаю, есть ли голос крови,
Но я знаю — есть у крови цвет.

Этим цветом землю обагрила
Нечисть, заклеянная в веках,
И людская кровь заговорила
В смертный час на разных языках.

.
Родину себе не выбирают,
Начиная видеть и дышать.
Родину на свете получают
Так же, как отца и мать.

ОТВЕТ МАРГАРИТЕ АЛИГЕР

(Это стихотворение приписывается И. Эренбургу. Оно ходило по рукам, подписанное псевдонимом В. И. Шляпоберский-Венник. Данный текст лишь один из вариантов тысячи раз переписанного стихотворения и, вероятно, содержит некоторые отклонения от подлинника).

На Ваш вопрос ответить не умея,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы евреи,
Мы виноваты в том, что мы умны.

Мы виноваты в том, что наши дети
Стремятся к знаниям и мудрости живой,
И в том, что мы рассеяны по свету
И не имеем родины одной.*

Нас сотни тысяч, жизни не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтоб после слышать: »Это кто — евреи?
Они в тылу сражались за Ташкент«.

Чтоб после мук и пыток Освенцима,
Кто смертью был случайно позабыт,
Кто потерял всех близких и любимых,
Услышать вновь: »Вас мало били, жид«.

Нет, не забыли мы, что мы евреи,
Что наша вера — остов многих вер,
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.

Мы часто плачем, слишком часто стонем,
Но наш народ, огонь прошедший, чист.
Недаром слово »жид« всегда синоним
С большим, великим словом »коммунист«.

*) Сионистский вариант: »И не имеем Родины своей«.

Поэтому, как самых ненавистных,
Подлейшие, с жестокою душой,
Эсэсовцы жидов и коммунистов
В Майданек отправляли на убой.

Нас задушить хотели в грязном »гетто«,
Сгноить в могилах, в реках утопить,
Но несмотря, да, несмотря на это,
Товарищ Алигер, мы будем жить.

Мы будем жить, и мы еще сумеем
Талантами сверкая, доказать,
Что наш народ велик, что мы, евреи,
Имеем право жить и расцветать.

Нам кровь и слёзы дали это право,
Благословили мертвецы нас из могил.
Я верю: наш народ для подвигов и славы,
Для новой жизни сердце возродит.

Народ бессмертен. Новых Маккавеев
Он породит грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.

СОВЕТСКИЙ РАСИЗМ

Глава из книги «ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ»

Собр. сочинений, т. 9, М., 1967 г.

Месяцы, о которых мне предстоит рассказать, может быть, самые тяжелые в моей жизни, и я надолго прервал работу: не решался начать эту главу. С какой радостью я опустил бы ее! Но жизнь не корректура, и пережитого не перечеркнешь. С тех пор прошло пятнадцать лет. Я не хочу беречь заживающие раны, не назову некоторых — меньше всего меня привлекает роль прокурора. Притом я многого не знаю, ограничусь тем, что коротко, сухо расскажу о пережитом.

Теперь я понимаю, что начало некоторых событий, о которых хочу написать, связано с трагической смертью С. М. Михоэлса, и прежде всего скажу о Соломоне Михайловиче. Познакомился я с ним давно, еще в двадцатые годы, но мало его знал; а понял и полюбил в годы войны; одно время он довольно часто приходил к нам в гостиницу «Москва», иногда горевал вслух, иногда дурачился, иногда как-то вбирал в себя руки и ноги, сжимался, молчал. Он был большим актером, и, конечно же, его стихией было искусство. Я хорошо помню его в роли короля Лира. Он казался неузнаваемым — в жизни он был небольшого роста и лицо у него было не короля, а, скорее, насмешливого интеллигента, с выпуклым лбом и выпяченной нижней губой. Но на сцене, высокий и трагичный, король Лир был невыразимо прекрасен в своем горе и гневе. Талант Михоэлса почитали актеры различных направлений; я помню, с каким восхищением говорили о нем и Качалов, и Мейерхольд, и Питоев. Никогда Михоэлс не был националистом, он любил русский язык, и его друг А. Н. Толстой иногда говорил: «Не понимаю, почему Соломон не хочет играть в русском театре...» Но у Михоэлса было любимое дитя — Еврейский театр. На спектакли этого театра приходили и зрители, не знавшие еврейского языка. Игра Михоэлса и Зускина была настолько выразительной, что все бывали захвачены похождениями местечкового Дон-Кихота или бедой Тевье-молочника.

Во время войны С. М. Михоэлс был душой Еврейского антифашистского комитета. Кто тогда мог думать об искусстве? Гитлеровцы убивали в местечках Украины и Белоруссии и старых героев Шолом-Алейхема, и девочек-пионерок. Михоэлса послали вместе с поэтом Фефером в Америку. В 1946 году американцы мне рассказывали, как в одном городе рухнула эстрада — слишком много людей хотели подойти поближе к советским гостям. Михоэлс и Фефер собрали миллионы на советские госпитали, детские дома.

После победы к Михоэлсу обращались с просьбами тысячи людей — в их глазах он оставался мудрым ребе, защитником обиженных.

И вот Михоэлса убили . . .

Тогда нам сказали, что Соломон Михайлович поехал в Минск вместе с Голубовым-Потаповым по поручению Комитета, присуждавшего Сталинские премии, — он должен был дать отзыв о постановке, выставленной на премию. Ночью его позвали в гости — он шел опять-таки вместе с Голубовым-Потаповым по одной из окраинных улиц, и там не то бандиты убили обоих, не то их раздавил грузовик. Эта версия казалась убедительной весной 1948 года; полгода спустя в ней многие начали сомневаться. Когда арестовали Зускина, все задумались: а как погиб Михоэлс? . . . Недавно советская газета, выходящая в Литве, рассказала, что Михоэлса убили агенты Берии. Не стану гадать, почему Берия, который мог бы преспокойно арестовать Михоэлса, прибег к злодейской маскировке; конечно, не потому, что щадил общественное мнение, скорее всего, развлекался.

Я был на панихиде по Соломону Михайловичу в помещении его театра. Изуродованное лицо загримировали. Произносили речи. Помню выступление Фадеева. На улице стояла толпа, многие плакали.

Двадцать четвертого мая был вечер памяти Михоэлса. Я выступал, не помню, что говорил. Было очень горько. Но я еще ничего не предвидел.

В сентябре 1948 года я написал для «Правды» статью о «еврейском вопросе», о Палестине, об антисемитизме. Вот несколько цитат:

»Мракобесы издавна выдумывали небылицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, непохожими на окружающих их людей. Мракобесы говорили, что евреи живут отдельной, обособленной жизнью, не разделяя радостей и горестей тех народов,

среди которых они проживают. Мракобесы уверяли, будто евреи — это люди, лишенные чувства родины, вечные перекасти-поле. Мракобесы клялись, что евреи различных стран объединены между собой какими-то таинственными связями.

... Да, евреи жили отдельно, обособленно, когда их к этому принуждали. Гетто было изобретением не еврейских мистиков, а католических изуверов. В те времена, когда глаза людей застилал религиозный туман, были среди евреев фанатики, как они были среди католиков, протестантов, православных и мусульман. И как только раскрылись ворота гетто, как только дрогнул туман средневековой ночи, евреи разных стран вошли в общую жизнь народов.

Да, многие евреи покидали свою родину, эмигрировали в Америку. Но не потому эмигрировали они, что не любили своей земли, а потому, что насилия и оскорбления лишали их этой любимой земли. Одни ли евреи искали порой спасения в других странах? Не так ли поступали итальянцы, ирландцы, славяне стран, находившихся под гнетом турок и немцев, армяне, русские сектанты? . . .

... Мало общего между евреем тунисцем и евреем, живущим в Чикаго, который говорит, да и думает по-американски. Если между ними действительно существует связь, то отнюдь не мистическая: эта связь рождена антисемитизмом . . . Невиданные зверства немецких фашистов, провозглашенное ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление еврейского населения, расовая пропаганда, оскорбления сначала, печи Майданека потом — все это родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных . . .

... Конечно, есть среди евреев и националисты и мистики. Они создали программу сионизма, но не они заселили Палестину евреями. Заселили Палестину евреями те идеологи человеконенавистничества, те адепты расизма, те антисемиты, которые сгоняли евреев с насиженных мест и заставляли их искать не счастья, а права на человеческое достоинство — за тридевять земель . . . «

В статье я приводил высказывания Горького, Ленина об антисемитизме, цитировал и Сталина: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма».

Газетная статья не исповедь, в ней многого не скажешь. Теперь, когда я дописываю книгу о моей жизни,

мне хочется сказать, как я понимаю то, что часто называют «еврейским вопросом».

Ребенком я слышал разговоры о деле Дрейфуса, о еврейских погромах. Я знал, что Лев Толстой, Чехов, Горький возмущаются натравливанием русских на евреев. Несколько лет спустя я прочитал в подпольной газете статью Ленина. Мой отец говорил, что антисемитизм — пережиток, порождение фанатизма и невежества, и в этом я разделял его суждения.

Как читатель знает, я родился в Киеве, мой родной язык русский. Я не знаю ни идиш, ни древнееврейского языка. Никогда я не молился ни в синагоге, ни в православной церкви, ни в костеле. Меня восхищали и восхищают некоторые художественные памятники, которые для верующих связаны с религией, а для меня с человеческими мыслями и чувствами, — «Книга Иова», «Песнь песней», «Экклезиаст», Евангелия, в том числе «запретные», «Апокалипсис», Шартрский собор, Акрополь, иконы Андрея Рублева, живопись фра Беато, индусские богини в Эллоре, фрески в древнем буддийском монастыре Аджанта. Однако все это для меня не мертвые каноны религий, а живое искусство. Детство и отрочество я провел в Москве, и мои товарищи были русскими. Когда я работал в подпольной организации, мы называли друг друга по кличкам, меня не интересовало, были ли среди моих товарищей евреи. Потом я очутился в Париже. Я встретил двух чудесных поэтов, — один из них, Аполлипер, был по происхождению поляком, другой, Макс Жакоб, евреем, но для меня оба были французами. Я полюбил итальянца Модильяни; однажды он мне рассказал, что он еврей, но для меня он оставался связанным с тревогой предвоенных лет и с искусством итальянского Возрождения, а не с древним Ягве.

Я люблю Испанию, Италию, Францию, но все мои годы неотделимы от русской жизни. Никогда я не скрывал своего происхождения. Были времена, когда я о нем редко думал, были и другие, когда я повторял всюду, где мог: «Я еврей», — мне кажется, что солидарность с теми, кого преследуют, — азбука человечности.

Я смотрел фильмы Чаплина, и мне не приходило в голову, что он еврей; об этом мне сообщили гитлеровцы. Они приводили черные списки. Евреями оказались композитор Дарнус Мийо, философ Бергсон, люди, с которыми я встречался, не задумываясь над их происхожде-

нием, — Бенда, Анна Зегерс, писатели, которых я читал, как, например, Кафка.

Есть ли какой-то особый, присущий евреям национальный характер? Антисемиты и еврейские националисты отвечают положительно. Возможно, что века гонений и обид заостряли иронию, раздували романтические надежды на лучшее будущее. Национальный характер ярче всего сказывается в художественном творчестве. Поэзия Гейне полна романтической иронии, но я не знаю, чем это объясняется — происхождением поэта или эпохой. Припоминая произведения моих современников — Модильяни, Кафки, Сутина, — я вижу прежде всего трагичность: она отражала действительность, воспоминания сочетались с предчувствием или предвидением. Математика относится к тем проявлениям человеческого разума, которые менее всего связаны с климатом, языком или традициями. Однако в Германии в начале тридцатых годов нашлись ученые, которые отвергали теорию относительности, открытую Эйнштейном, как «еврейские штучки».

В прежние времена антисемитизм был связан с религией, с идеей искупления: «Евреи распяли Христа». Власть духовенства постепенно ослабевала. Многие стали понимать, что Христос был одним из еврейских бунтовщиков и выступал против ортодоксальных священнослужителей, сотрудничавших с римскими оккупантами. Французская революция провозгласила равноправие евреев. Различные государства одно за другим отменяли существовавшие веками ограничения. Евреи начинали жить жизнью тех народов, на землю которых пришли их прадеды.

В конце прошлого века разразилось дело Дрейфуса, оно показало, что антисемитизм, прятавшийся в щели, жив. В течение нескольких лет к Дрейфусу, человеку самому по себе незначительному, исправному французскому офицеру, воспитанному на дисциплине, были обращены взоры миллионов людей. Когда Золя выступил с защитой невинно осужденного, его поддержали Лев Толстой, Верхарн, Марк Твен, Жорес, Анатоль Франс, Метерлинк, Энзор, Клод Моне, Жюль Ренар, Синьяк, Пеги, Мирбо, Малларме, Шарль-Луи Филипп. Кто же поддерживал обвинителей? Писатели-националисты — Баррес, Моррас, Дерулед. Антидрейфусары были не только антисемитами, но и врагами прогресса,

шовинистами; в своих газетах и листовках они называли Золя «итальяшкой».

До революции русские евреи могли проживать только в черте оседлости. В городах и местечках Украины или Белоруссии они жили обособленно, говорили на идиш. Революция все изменила; еврейская молодежь ринулась в русские школы, университеты. Еврейки выходили замуж за русских, евреи женились на русских. Обособленность евреев исчезала не только у нас, но и во Франции, даже в Германии. Тогда на помощь антисемитизму пришла «расовая теория» Гитлера.

Конечно, разговоры о существовании «низших рас» не были новыми. Рассказывая о поездке в южные штаты Америки, я хотел показать, насколько силен и живуч расизм в стране цивилизованной. Однако в двадцатые годы мы считали бывших рабовладельцев Алабамы или Миссисипи исключением. На сцене истории появился Гитлер. Он и его приверженцы начали доказывать, что существуют высшие расы, прежде всего «арийская», или «северная», и низшие, среди которых самая низшая — еврей.

В годы гражданской войны я увидел еврейский погром, организованный белыми. Несколько месяцев спустя пьяный врангелевский офицер с криком: «Бей жидов, спасай Россию!» — хотел сбросить меня с борта парохода в море. Мне казалось это естественным: призраки прошлого отстаивали власть тьмы.

В конце двадцатых годов я познакомился на Монпарнасе с еврейским писателем из Польши Варшавским, с его друзьями. Они мне рассказывали смешные истории о суевериях и хитроумии старозаветных местечковых евреев. Я прочитал сборник хасидских легенд, которые мне понравились своей поэтичностью. Я решил написать сатирический роман. Герой его, гомельский портной Лазик Ройтшванец, горемыка, которого судьба бросает из одной страны в другую. Я описал наших нэпманов и захолустных начетчиков, польских ротмистров эпохи санации, немецких мещан, французских эстетов, лицемерных англичан. Лазик, отчаявшись, решает уехать в Палестину; однако земля, которую называли «обетованной», оказывается похожей на другие — богатым хорошо, бедным плохо. Лазик предлагает организовать «Союз возвращения на родину», говорит, что он родился не под пальмой, а в милом ему Гомеле. Его убивают еврейские фанатики. Моего героя западные критики на-

зывали «еврейским Швейком». (Я не включил эту книгу в собрание моих сочинений не потому, что считаю ее слабой или отрекаюсь от нее, но после нацистских зверств опубликование многих сатирических страниц мне кажется преждевременным.)

Приход Гитлера к власти меня поразило: цивилизованная страна была отброшена назад, в темноту изуверства. «Хрустальная ночь» (так называли гитлеровцы ночь грандиозных погромов) была для меня одним из проявлений ненавистного фашизма. Гитлеровцы жгли книги не только еврейских авторов, но и Энгельса, Ленина, Горького, Романа Роллана, Золя, Барбюса, Генриха Манна. Они убивали немецких коммунистов «арийского» происхождения. В Испании я увидел свирепую сущность фашизма.

Во время нашествия фашистов на нашу страну я был свидетелем множества зверств. Гитлеровцы убивали русских детей, жгли деревни Украины и Белоруссии. Об этом я писал каждый день в газете. Об этом писали и другие. Гитлеровцы в своих листовках уверяли, что они воюют только против евреев, нужно было опровергнуть эту ложь.

Идеи сионистов, связанные с древней историей, никогда меня не увлекали. Государство Израиль, однако, существует. Во времена расцвета арабской культуры евреи не знали преследований, подобных инквизиции, в различных калифатах Андалузии жили, работали такие люди, как философ Маймонид и поэт Галеви. Я хочу верить, что евреи Израиля, на себе узнавшие, что такое несправедливость, найдут путь для примирения с арабами. Каждому ясно, что миллионы евреев, живущих в разных странах Европы и Америки, не могут разместиться на территории Израиля, да они и не хотят туда уезжать — они тесно связаны с народами, среди которых живут. Негры Алабамы или Миссисипи вовсе не мечтают уехать в одно из суверенных государств Черной Африки, они требуют равноправия и борются против расовых предрассудков.

Меня связывают с евреями рвы, где гитлеровцы закапывали в землю старух и младенцев, в прошлом реки крови, в последующем злые сорняки, проросшие из расистских семян, живучесть предубеждений и предрассудков. Выступая по радио в день моего семидесятилетия, я сказал моим читателям, что буду всегда говорить, что я — еврей, пока будет существовать на свете

хотя бы один антисемит. Не национализм продиктовал мне эти слова, но мое понимание человеческого достоинства. Я продолжаю думать, что антисемитизм — отвратительный пережиток прошлого, что он исчезнет, как исчезнут все расовые предрассудки; только теперь, увы, я знаю, что очистить сознание от вековых предрассудков — дело очень долгое.

Вернусь ко времени, о котором рассказываю. В конце 1948 года закрыли Еврейский антифашистский комитет, газету «Эйникайт». Вскоре арестовали поэтов и прозаиков, которые писали на идиш: Переца Маркиша, Квитко, Бергельсона, Фефера и других.

В январе 1949 года газеты сообщили «о раскрытии антипатриотической группы театральных критиков». Почему кампания началась со второстепенного вопроса — с театральной критики? Не знаю. Может быть, Сталину вовремя пожаловался обиженный драматург, а может быть, случайно, — не все ли равно, в какое место пруда бросить камень — лишь бы от него пошли круги.

В первой же статье, которая открыла новую кампанию, имелась такая фраза: «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?» Два дня спустя я прочитал другую статью, в ней «гурвичи и юзовские» писались со строчных букв. Круг «космополитов» ширился: к критикам присоединили некоторых поэтов и кинорежиссеров. Две недели спустя начали разоблачать «безродных космополитов», скрывавшихся за псевдонимами.

Многие мои русские друзья с возмущением относились к происходившему; помню беседы с Образцовым, Кончаловским, архитектором Рудневым, Фадеевым, Всеволодом Ивановым, скульптором С. Д. Лебедевой. Нужно ли напоминать, что всякий расизм, в том числе и антисемитизм, шел вразрез и с традициями русской интеллигенции, и с теми высокими идеями интернационализма, которые были заветом Ленина и на которых воспитывались советские люди?

Преследование «космополитов» не было обособленным явлением. Арестовывали множество людей, побывавших, конечно, не по своей вине, в фашистском плену, не успевших эвакуироваться, вернувшихся добровольно из эмиграции, репрессированных в тридцатые годы, имеющих за границей родственников; произвол, осуществляемый Берией, был воистину всеобъемлющ.

Что касается меня, то с начала февраля 1949 года меня

перестали печатать. Начали вычеркивать мое имя из статей критиков. Эти приметы были хорошо знакомы, и каждую ночь я ждал звонка. Телефон замолк, только близкие друзья справлялись о моем здоровье. Да еще »проверяли«: знакомые поосторожнее звонили из автомата — хотели узнать, не забрали ли меня, а когда я отвечал »слушаю«, клали трубку.

В марте 1938 года я с тревогой прислушивался к лифту: мне тогда хотелось жить; как у многих других, у меня стоял наготове чемоданчик с двумя сменами белья. В марте 1949 года я не думал о белье, да и ждал развязки почти что безразлично. Может быть, потому, что мне было уже не сорок семь лет, а пятьдесят восемь — успел устать, начиналась старость. А может быть, потому, что все это было повторением, и после войны, после победы над фашизмом, происходившее было особенно нестерпимым. Мы ложились поздно — под утро: мысль о том, что придут и разбудят, была отвратительна. Как-то позволили в два часа ночи. Люба пошла открыть дверь. Я ни слова не сказал, только поглядел на нее. Оказалось, это шофер Симонова — его прислала жена Константина Михайловича, полагая, что Симонов у меня.

В конце марта прибежал кто-то из приятелей и восторженно воскликнул: »Значит, неправда!..« Он рассказал, что накануне один достаточно ответственный в то время человек на докладе о литературе в присутствии свыше тысячи человек объявил: »Могу сообщить хорошую новость — разоблачен и арестован космополит номер один, враг народа Илья Эренбург«.

Я написал короткое письмо Сталину: писал, что уже два месяца лишен газетной работы и что вчера такой-то объявил, будто я арестован. Я, однако, еще не арестован и прошу поручить выяснить мое положение. Я хотел одного — чтобы кончилась неизвестность. Письмо я сдал в кремлевскую будку.

На следующий день мне позвонил Маленков. Я хорошо помню разговор. »Вы писали Сталину. Он поручил вам позвонить. Скажите, откуда это пошло?..« — »Не знаю. Я хотел бы вас об этом спросить«. — »Но почему вы не предупредили нас раньше?« — »Я говорил с товарищем Пospelовым, это все, что я мог сделать«. — »Странно, товарищ Пospelов такой чуткий человек, а он нам ничего не сказал...« (П. Н. Пospelов несколько лет спустя говорил мне, что это неправда, он все передал, но его слова не возымели действия.)

Сразу затрещал телефон: различные редакции говорили, что «произошло недоразумение», статью напечатать, просили еще написать.

У меня в это время были А. М. Эфрос и Л. Н. Чернявский. На диване лежал Г. М. Козинцев, заболевший гриппом. Григорий Михайлович вскочил, завернувшись в одеяло. Все взволнованно говорили.

Задним умом все крепки. Весной 1949 года я ничего не понимал. Теперь, когда мы кое-что знаем, мне кажется, что Сталин умел многое маскировать. А. А. Фадеев говорил мне, что кампания против «группы антипатриотических критиков» была начата по указанию Сталина. А месяц или полтора спустя Сталин собрал редакторов и сказал: «Товарищи, раскрытие литературных псевдонимов недопустимо — это пахнет антисемитизмом...» Молва приписывала произвол исполнителям, а Сталин будто бы его останавливал. В конце марта он, видимо, решил, что дело сделано.

От злорадства зарубежных врагов нашей страны мне было вдвойне горько. Я видел народ, который тридцать лет подряд боролся за идеи Октября, за братство против интервентов и белогвардейцев, против фашистского нашествия, против погромщиков и расистов. Народ был неповинен в тех газетных статьях, о которых я говорил, он трудно жил, работал с утра до ночи и не сворачивал с избранного им нелегкого пути.

Несколько лет спустя один журналист в Израиле выступил с сенсационными разоблачениями. Он утверждал, что, находясь в тюрьме, встретил поэта Фефера, который будто бы ему сказал, что я повинен в расправе с еврейскими писателями. Клевету подхватили некоторые газеты Запада. У них был один довод: «Выжил? Значит, предатель».

Я был в плохой форме, не мог работать. А тут мне сказали, что нужно ехать в Париж, на Конгресс сторонников мира. Защита мира казалась мне прекрасным делом, но я чувствовал, что у меня нет сил. Очутиться за границей в таком состоянии — да ведь это пытка! Меня попросили написать выступление и дать его просмотреть. Когда передо мной оказался белый лист, я начал писать о том, что меня волновало. В написанной речи были такие строки: «Нет ничего отвратительнее расовой и национальной спеси. У мировой культуры — кровеносные сосуды, которые нельзя безнаказанно перерезать. Народы учились и будут учиться друг у друга.

Я думаю, что можно уважать национальные особенности, отвергая национальную обособленность». Меня вызвал Григорьян, занимавший довольно высокий пост, жал руку, благодарил. На столе у него лежало мое выступление, перепечатанное на хорошей бумаге, и против процитированного мною места на полях значилось »Здорово!«. Почерк показался мне мучительно знакомым...

Мы вылетели в Париж в середине апреля. В Москве было холодно, в лесочке возле Внукова еще белел снег. Люба говорила, что в Париже я отдохну, развлекусь; я отвечал: »Конечно«.

На аэродроме в Париже я увидел Эльзу Юрьевну. Она сказала, что Арагон и она заедут за мной вечером — мы вместе поужинаем. Нас повезли в посольство, где посол объяснил политическое положение. Я старался слушать — и не мог. Вдруг я понял, что заболел — весь в поту, наверно, температура. Это уж совсем глупо!.. Потом меня повезли в гостиницу на правом берегу возле зала Плейель, где должен был проходить конгресс. Я ничего не понимал, не видел — сильный жар. Вдруг шофер, пожилой француз, сказал: »Ну и жарница!..« Я вытаращил глаза: »Вам, значит, тоже жарко?..« Он, в свою очередь, удивился: »Да ведь тридцать градусов, все газеты пишут, что такого в апреле не было сто лет...« Я обрадовался: значит, не болен. Я увидел то, чего прежде не замечал: на верандах кафе люди без пиджаков жадно пьют пиво или лимонад. Но в голове по-прежнему было смутно.

Арагоны повели меня в ресторан »Медитерране«; там было шумно, тесно; люди рассказывали о том, как провели пасхальные каникулы. К Арагонам подходили знакомые, шутили. А Луи и Эльза меня спрашивали по-русски: »Что это значит — »космополиты«? Почему раскрывают псевдонимы?« Это были свои люди, я их знал четверть века, но ответить не мог. Подошел Кокто и завел светский разговор, я старался улыбаться. Ворочали усищами огромные лангусты. Соседи смеялись. Было нестерпимо жарко.

В номере гостиницы я быстро разделся, лег, погасил свет — мечтал уснуть, но вскоре понял, что это не удастся. Я повертелся с боку на бок, зажег свет, почему-то оделся, сел в кресло и начал маниакально фантазировать — что придумать, чтобы меня завтра отослали назад в Москву? Перебирал все варианты — заболеть, объяснить, что не смогу выступить, просто ска-

зять: «Хочу домой». Так я просидел до утра. Передо мной вставал Перец Маркиш таким, каким я его видел в последний раз. Я вспоминал фразы газетных статей и тупо повторял: «Домой!» . . .

Я сказал, что в этой главе хотел рассказать о самом тяжелом для меня времени, вряд ли это удалось, да и не знаю, можно ли про такое рассказать, добавлю одно — самой страшной была первая ночь в Париже, в длинном узком номере, когда я понял, какой ценой расплачивается человек за то, что он »верен людям, веку, судьбе«.

И. Эренбург

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Я говорил, что, когда врангелевцы арестовали Осипа Эмильевича Мандельштама, Волошин тотчас отправился в Феодосию. Вернулся он мрачный, рассказал, что белые считают Мандельштама опасным преступником, уверяют, будто он симулирует сумасшествие: когда его заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: »Вы должны меня выпустить — я не создан для тюрьмы« . . . На допросе Осип Эмильевич прервал следователя: »Скажите лучше, невинных вы выпускаете или нет? . . . « Я понимаю, что в 1919 году в контрразведке такие слова звучали фантастически и что белый офицер мог принять их за симуляцию душевного заболевания; но если задуматься, забыть о тактике, даже о стратегии, то разве не было в поведении Мандельштама глубоко человеческой правды? Он не пытался доказать палачу свою невинность, откровенно спросил — стоит ли ему вообще разговаривать; он сказал тюремщику, что »не создан для тюрьмы«, это ребячливо и в то же время мудро. »Не по времени«, — печально заметила Пра. Конечно. У Мандельштама есть стихи про время:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей . . .

Познакомился я с Осипом Эмильевичем в Москве;

потом мы часто встречались в Киеве — в греческой кофейне на Софийской; там он прочитал мне свои стихи о революции:

Восходишь ты в глухие годы, о солнце, судия-народ.

Видел я его в тот день, когда Красная Армия оставляла Киев.

Вместе мы пережили в Киеве ночь погрома. Вместе хлебнули горя в Коктебеле. Вместе пробирались из Тбилиси в Москву. Летом 1934 года я искал его в Воронеже.*

(Пусти меня, отдай меня, Воронеж,
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож.)

В последний раз я его видел весной 1938 года в Москве. Мы оба родились в 1891 году; Осип Эмильевич был старше меня на две недели. Часто, слушая его стихи, я думал, что он старше, мудрее меня на много лет. А в жизни он мне казался ребенком, капризным, обидчивым, суетливым. До чего несносный, минутами думал я и сейчас же добавлял: до чего милый! Под зыбкой внешностью скрывались доброта, человечность, вдохновение.

Был он маленьким, щуплым; голову с хохолком закидывал назад. Он любил образ петуха, который разрывает своим пением ночь у стен Акрополя; и сам он, когда запевал баском свои торжественные оды, походил на молоденького петушка.

Он сидел на кончике стула, вдруг куда-то убегал, мечтал о хорошем обеде, строил фантастические планы, заговаривал издателей. В Феодосии он как-то собрал богатых «либералов» и строго сказал им: «На Страшном суде вас спросят, понимали ли вы поэта Мандельштама, вы ответите «нет». Вас спросят, кормили ли вы его, и, если вы ответите «да», вам многое простится». В самые трагические минуты он смешил нас газеллами:

Почему ты все дуешь в трубу, молодой человек?
Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек.

Тому, кто впервые встречал Мандельштама в приемной издательства или в кафе, казалось, что перед ним легкомысленнейший человек, incapable даже приза-

думаться. А Мандельштам умел работать. Он сочинял стихи не у стола — на улицах Москвы или Ленинграда, в степи, в горах Крыма, Грузии, Армении. Он говорил о Данте: «Сколько подметок, сколько воловьих подошв, сколько сандалий износил Алигьери за время своей поэтической работы, путешествуя по козьим тропам Италии». Эти слова прежде всего относятся к Мандельштаму. Его стихи рождались от строки, от слова; он сотни раз менял все; порой ясное вначале стихотворение усложнялось, становилось почти невнятным, порой, наоборот, прояснялось. Он вынашивал восьмистишие долго, иногда месяцами, и всегда бывал изумлен рождением стихотворения.

В первые годы революции его словарь, классический стих многими воспринимались как нечто архаическое:

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.

Мне эти строки теперь кажутся вполне современными, а стихи Бурлюка — данью давно сгнувшей моде. Мандельштам говорил: «Идеал совершенной мужественности подготовлен стилем и практическими требованиями нашей эпохи. Все стало тяжелее и громаднее». Это не было канонами, направлением: «Не стоит создавать никаких школ. Не стоит выдумывать своей поэтики». Стих Мандельштама потом раскрепостился, стал легче, прозрачнее.

Одним поэтам присуще звуковое восприятие мира, другим — зрительное. Блок слышал, Маяковский видел. Мандельштам жил в различных стихиях. Вспоминая свои детские годы, он писал: «Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением, напоминавшим желание Неточки Незвановой у Достоевского услышать скрипичный концерт за красным полымем шелковых занавесок. Широкие, плавные, чисто скрипичные места Чайковского я ловил из-за колючей изгороди и не раз изорвал свое платье и расцарапал руки, пробираясь бесплатно к раковине оркестра...» О его чувстве живописи можно судить хотя бы по нескольким строфам, посвященным натюрморту (вспоминаешь холсты Кончаловского):

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил...

.....

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

Мы с ним часто разговаривали о живописи; в двадцатые годы его больше всего привлекали старые венецианцы — Тинторетто, Тициан.

Он хорошо знал французскую, итальянскую, немецкую поэзию; понимал страны, где пробыл недолго.

Я прошу, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,
Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградников в их разгородках марлевых.
В легком декабре твой воздух стриженный
Индевет денежный, обиженный...

Я много лет прожил во Франции, лучше, точнее этого не скажешь... Размышления о прекрасной «детскости» итальянской фонетики поражали итальянцев, которым я переводил строки из «Разговора о Данте».

Однако самой большой страстью Осипа Эмильевича были русский язык, русская поэзия. «По целому ряду исторических условий живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и ненадолго загащиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и горящей плотью...» Он отвергал символизм, как чуждое русской поэзии явление. «Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик... иностранное представительство от несуществующей фонетической державы...» Андрей Белый — «болезненное и отрицательное явление в жизни русского языка...»

Мандельштам, однако, почитал и любил Андрея Белого; после его смерти написал несколько чудесных стихотворений.

На тебя надевали тиару, юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак.
Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек
Непонятен, понятен, невнятен, запутан, легок.
Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...

Писал он с нежностью и о поэтах пушкинской плеяды,

и о Блоке, и о своих современниках, о Каме, о степи, о сухой, горячей Армении, о родном Ленинграде. Я помню множество его строк, твержу их, как заклинания, и, оглядываясь назад, радуюсь, что жил с ним рядом...

Я говорил о противоречии между легкомыслием в быту и серьезностью в искусстве. А может быть, и не было никакого противоречия? Когда Осипу Эмильевичу было девятнадцать лет, он написал статью о Франсуа Вийоне; он находил оправдание для смутной биографии поэта жестокого века: »бедный школяр« по-своему отстаивал достоинство поэта. Мандельштам писал о Данте: »То, что для нас безукоризненный капюшон и так называемый орлиный профиль, то изнутри было мучительно преодолеваемой неловкостью, чисто пушкинской, камерюнкерской борьбой за социальное достоинство и общественное положение поэта«. Опять-таки эти слова применимы к самому Мандельштаму: множество нелепых, порой смешных поступков диктовалось »мучительно преодолеваемой неловкостью«.

Некоторые критики считали его несовременным, музейным. Раздавались и худшие обвинения; передо мной том »Литературной энциклопедии«, изданный в 1932 году; там сказано: »Творчество Мандельштама представляет собой художественное выражение сознания крупной буржуазии в эпоху между двумя революциями... Для мирозерцания Мандельштама характерен крайний фатализм и холод внутреннего равнодушия ко всему происходящему... Это лишь чрезвычайно »сублимированное« и зашифрованное идеологическое увековечение капитализма и его культуры...« (Статья написана была молодым критиком, который не раз прибегал ко мне, восторженно показывая неопубликованные стихотворения Мандельштама, переписывал его стихи, переплетал, дарил друзьям.) Трудно сказать большую нелепость о стихах Мандельштама. Вот уж воистину кто менее всего выражал сознание буржуазии, и крупной, и средней, и мелкой! Я уже говорил, как в 1918 году он меня поразила глубоким пониманием грандиозности событий: стихи о корабле времени, который меняет курс. Никогда он не отворачивался от своего века, даже когда волкодав принимал его за другого.

Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвеев.
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,

Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать! —
Ручаюсь вам, себе свернете шею.

.....

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей...

О Ленинграде:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей...
Петербург, я еще не хочу умирать —
У тебя телефонов моих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса...

Это стихотворение было напечатано в «Литературной газете» в 1932 году. А в 1945-м я слышал, как его повторяла ленинградка, вернувшаяся домой.

Мандельштама не в чем упрекнуть. Разве в том, что и слабость и сила любого человека — в любви к жизни.

Я все отдам за жизнь —
Мне так нужна забота —
И спичка серная меня б согреть могла.

.....

Колют ресницы, в груди прикипела слеза.
Чую без страха, что будет и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно, и все-таки до смерти хочется жить.

Кому мог помешать этот поэт с хилым телом и с той музыкой стиха, которая заселяет ночи? В начале 1952 года ко мне пришел брянский агроном В. Меркулов, рассказал о том, как в 1938 году Осип Эмильевич умер за десять тысяч километров от родного города; больной, у костра он читал сонеты Петрарки. Да, Осип Эмильевич боялся выпить стакан некипяченой воды, но в нем жило настоящее мужество, прошло через всю его жизнь — до сонетов у лагерного костра...

КОГО ОНИ УБИЛИ?

(МИХОЭЛС)

(ОТРЫВКИ ИЗ РАССКАЗА)

Этот человек

Он приезжал! На двуколке, сам правил! Представьте мою зависть. Обычно в полдень. И час-полтора толкался среди торгующихся, редко приценивался и еще реже покупал, да и то безделушку какую-нибудь: насвайницу или расписное узбекское блюдо. У него их много, наверное, накопилось.

Лужайки он проходил упругим бесцеремонным шагом. На нем желтые ботинки, кепи-шестиклинка.

Примечательная у него была нижняя губа. Она покрывала верхнюю и дьявольской обладала выразительностью. Стоило ему чуть изменить ее форму, все лицо менялось, становилось то задиристо-высокомерным, то угрюмым, то задумчивым.

Некоторые интересы у нас с ним совпадали: слушать песни слепых или Сеньки-скомороха похабные частушки. «Юх! Юх! Взяла Машка двух!» Похрюкивает Сенька, повизгивает, приплясывает, непристойно почесывается — и вдруг жажнет затравленно-просительным взглядом по зрителям. «Давай про белу лошадь!» кричат... В один прекрасный день Сеньку увели, и по базару прошмыгнул слух, что в нем изобличили немецкого шпиона.

Ах, Тезиковка, вече безродное, слезы голодные, сухие подсчеты и драки инвалидов... Признаться, в этом мире, деловом и шумном, где одни скорбно цеплялись своею ветошью за жизнь, а другие — ею же — от жизни укрывались, — не очень приятно было видеть праздного наблюдателя. Поэтому я даже обрадовался, когда карточный шулер Гударь, расположившийся на паласике под древним карагачом, втянул его в игру. Сообщников Гударя я давно заметил! То были: рыхлый громадный мужчина с костылем, похожий на Сильвера из «Острова сокровищ», и невзрачная женщина с неизменной кошелкой. «Обчистят губастого», — решил я. Первоначаль-

ные ставки по четвертаку (25 рублей) он, и верно, проиграл, но потом вот что произошло.

Уже вывернуты были карманы двух наивных колхозников, заклад взвинчен до шестисот рублей (сообщники на это мастера были), и людей кругом много собралось, когда губастый быстро нагнулся, поставил на крайнюю справа карту, перевернул ее — туз! — выдернул деньги из пальцев побледневшего Гударя, выпрямился, поморгал равнодушно-виновато. Я обмер. Сильвер почуял неладное. Выпучив сивушные белки, он ткнул счастливица в шею большим пальцем и просипел, — а от сипа его леденел даже единственный на базаре милиционер:

— Гей, лысый!..

— А?

— Пшел!.. Перемать...

Лысый обвел собравшихся крайне изумленным взором.

— Вы послушайте... Где же правда? Ведь я же знаю еще много других способов! Дай карты! — Он решительно и отчаянно присел рядом с Гударем. — Ты сбрасываешь туза вот этими пальцами. Так? Но можно еще и вот так... Рраз! Где туз? Ага... А теперь смотри... Рраз! В середине! Хе-хе-хе... — он тоненько рассмеялся. — Но лучше такой способ. Раскрываю веером... Внимательней...

Вдруг он швырнул карты и стал медленно и тяжело подниматься, и смотреть на медленное и тяжелое вставание его было трудно. Вот лицо его: нижняя губа вспухла от усталости и презрения.

— Мерзавцы! — коротко пояснил он. — Что с ними сделаешь?.. Товарищи, кто проиграл? Возьмите ваши деньги. Вы, кажется? И вы. Вы тоже, гражданин? Что-то я вас не помню. Ну, все равно.

И он зашагал к своей двуколке.

Театральная маска

Зима синяя, солнечная, по утрам морозец прибивал пыль и приарыгную траву.

Мама часто водила нас в театры, особенно в ГОСЕТ (Государственный еврейский театр). Он тоже отбывал эвакуацию в Ташкенте. Мне повезло: я видел спектакль во время землетрясения — да, тот самый, о котором сейчас критики вспоминают всякий раз, когда им нужен пример актерского самозабвения.

Мама надевала крепдешинное платье — одно, оставшееся с мирного времени, густо пудрила исхудалые щеки, брала сестрину детскую сумочку.

Детство для нас, когда мы вырастаем, полно загадок. Почему мама водила нас часто в театр? И цены были не по зубам, и до войны она вообще предпочитала кино. До войны они с отцом часто разговаривали, спорили об этом, — о кино, о театре и о ГОСЕТе, и, наверное, в память об этих разговорах, казня себя за то, что не соглашалась тогда с отцом, она и покупала теперь билеты, выбиваясь из скуднейшего бюджета.

.

Но в тот вечер она была еще в своем крепдешине. После антракта, когда на сцену вышли Лир и шут, произошел первый толчок. Запахло пылью. В рядах произошло замешательство. Ближние к выходу вскочили, взвихрилась давка. И тут начался гул. Не с улицы, не из-под земли — ниоткуда, из вселенной. Зазвенела люстра. Мама схватила наши головы и прижала к своим коленям.

И одному только королю Лиру вольготней стало среди хаоса как естественного продолжения его боли, как подтверждения его права на боль. »Греми во всю! Сверкай огонь!« Сподвижники актера утверждают в своих мемуарах, что он и не заметил землетрясения.

Перепуганные зрители вернулись в свои кресла.

У меня потекла кровь из носа. Я рос слабеньким, душили меня разные болезни — и малярия, и скарлатина. Острее других мальчишек грезил я стать сильным. А тут мне открылась иная сила и надолго определила мое поведение и душевные цели. Впрочем, может быть, это сейчас, пытаясь объяснить себя, я отношу отправной пункт к тому вечеру, а тогда я почувствовал что-то совсем другое. Или вовсе ничего не почувствовал. Детство полно загадок.

.

В шестнадцать лет, сказавшись сиротой, я пристал к цирку и три месяца болтался на выгучке у факира, да только никак не мог усвоить, в какой очередности впихивать в подкладку его цилиндрика китайские фонарики, шелковый стяг и голубя — и был удален.

Все же я закончил школу . . . Да, чуть не забыл, к этому времени уже слились воедино в моей голове и тот человек на базаре и великий еврейский актер — мне попала его фотография, я ахнул: он!

.

И неожиданно для многих я подал документы не в театральный, а в электротехнический. Мне было все равно, но я вспомнил, что люблю ремонтировать плитки и счетчики и по физике всегда имел пятёрки.

Я стал инженером, работаю на обувной фабрике и прекрасно обожусь.

Добро... что ж, добро... Сеять добро... Да, может, зло только уравнивает это самое добро на коромысле, с которым на плечах шагает человечество по проволоке истории.

Простите мне цирковое сравнение.

Так я думаю, когда мне весело.

А когда мне грустно, одиноко, когда кажется, что кто-то слишком уж бойко макает кисть в ведро со злом и кропает, кропает, и, обожженные капельками зла, люди мечутся с застывшими глазами, готовые вновь вцепиться друг в друга и призывать друг на друга огонь... тогда я включаю магнитную запись воспоминаний, путешествую вспять, в свое прошлое... Мелькают лица и города. Вот нужный кадр, стоп... Я регулирую резкость и, всматриваясь на экране в губастое, уродливое, вдохновенное лицо, молю, призываю, шепчу:

— Играй, Михоэлс!

*

СОВЕТСКИЕ ПАРАДОКСЫ

В СССР единственным источником сведений по религиозным вопросам является... антирелигиозный пропагандный материал. Лучшим советским справочником по иудаизму признан «Краткий научно-атеистический словарь», изданный в 1964 году.

*

Антисемиты всего мира, оказывается, руководствуются принципами марксизма-ленинизма в своих преследованиях евреев: в их действиях наблюдается «классовый подход».

Согласно «Украинской советской энциклопедии», изданной уже после смерти Сталина, только «трудящиеся евреи» страдают от антисемитизма.

*

«Большая Советская Энциклопедия» называет сионистов «эти агенты англо-американского империализма и наиболее злостные враги еврейских трудящихся» за то, что они мешают «естественному» и «желательному» процессу ассимиляции евреев.

*

Верующие среди евреев являются «главным образом» приверженцами иудаизма. («Малая советская энциклопедия»).

*

Единственным советским изданием, в котором указывается, что среди евреев имеются многие «положительные» общественно-политические и культурные деятели — как в СССР, так и за границей — является автобиография И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

*

Советские газеты называют Израиль «слугой империалистов», однако изображают его большим империалистом, чем сами империалисты.

*

Во всех советских словарях и энциклопедиях имеются статьи «Антисемитизм», в которых он определяется как «крайняя форма расового шовинизма», свирепствующая на Западе и не существующая в социалистических странах.

*

Второй том «Краткой литературной энциклопедии» стал библиографической редкостью — его невозможно достать в книжных магазинах. Причиной популярности тома оказалась напечатанная в нем еврейская азбука. Ввиду отсутствия еврейских букварей, родители-евреи обучают своих детей еврейской письменности по таблице в КЛЭ.

*

»Все религии реакционны«, — говорят советские пропагандисты. Однако в их глазах иудаизм более реакционен, чем остальные религии.

*

»У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР«, — указывается в «Программе КПСС», М., 1962, стр. 242. »Лучшие традиции народов СССР« в отношении евреев оказались традициями антисемитизма.

СОВЕТСКИЕ ПЛАКАТЫ

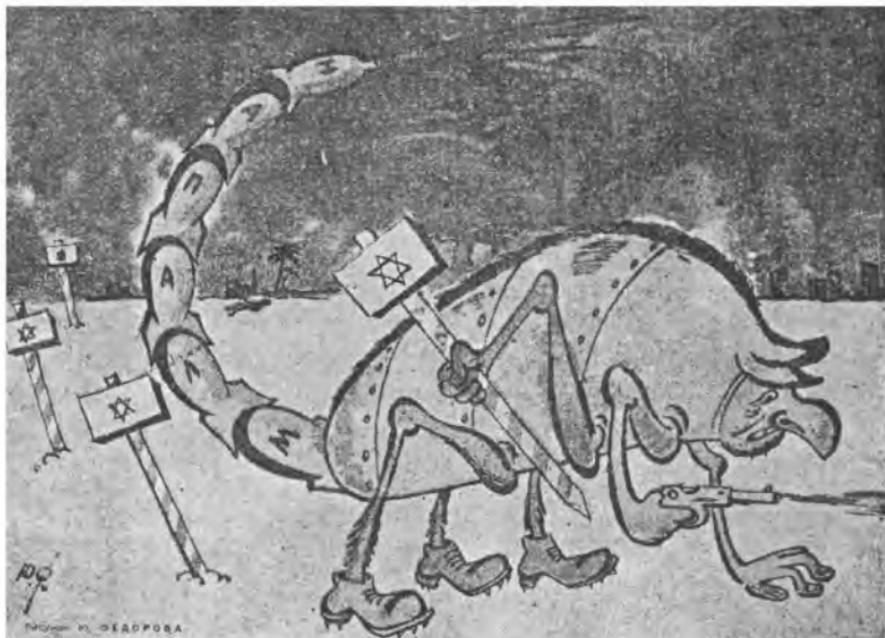
По словам советских плакатов 20-х годов антисемитизм насаждали следующие лица: ЦАРЬ, МИНИСТР, ПОП, ПОМЕЩИК, ГЕНЕРАЛ, ЖАНДАРМ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Из них-то и состояла черносотенная свора организаторов еврейской травли.

Вся эта свора была однако уничтожена в 30-х годах, а если сравнить старые плакаты с советскими карикатурами 60-х годов, то можно увидеть, что антисемитизм не исчез, а наоборот, принял новые размеры, получив государственную поддержку (карикатурист оплачен государством, типография государственная, газеты государственные, политические указания из ЦК).

Весь этот «жанр» карикатур, который перестал печататься в Германии после разгрома Гитлера, появился сейчас в советской прессе.

Коммунистическая партия прошла славный боевой путь от снарядов до анти-антиракет и обратно от анти-антисемитских плакатов до антисемитских карикатур-снарядов.

Кто антисемит?

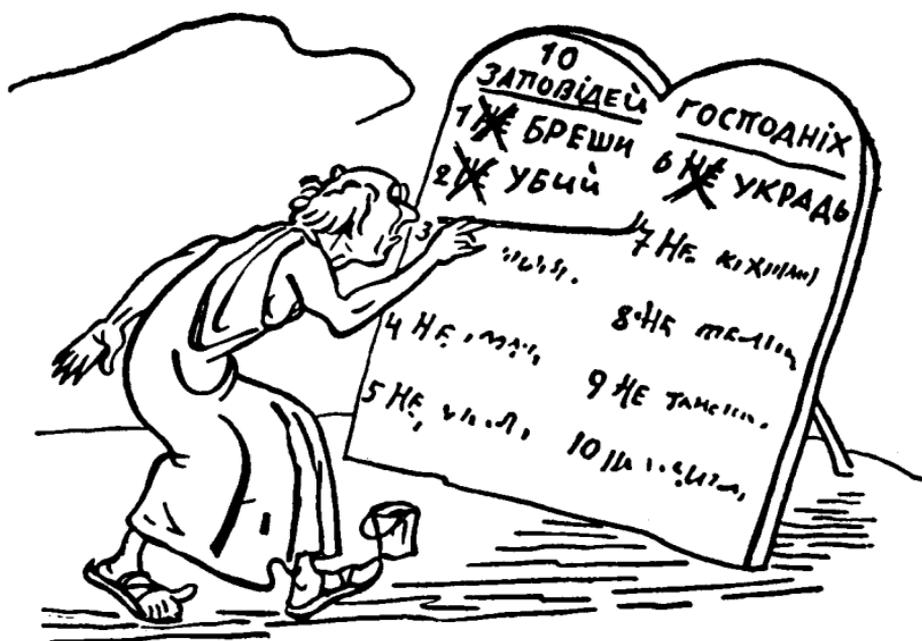

Крокодил, № 18/1967 г.

СОВЕТСКИЕ АНТИСЕМИТСКИЕ КАРИКАТУРЫ 60-х ГОДОВ

»ИУДАИЗМ БЕЗ ПРИКРАС«

Три из них взяты из книги Т. К. Кичко

БЕН-ГУРИОН ЗА РАБОТОЙ

На могиле Петлюры:

Жаботинский (слезно): Пусть тебе будет земля пухом из еврейских перин!

СОГЛАСИЕ НА ВООРУЖЕНИЕ ВУНДЕСВЕРА

ПЕРЕКРОЙКА КАРТЫ ПО СТАРОМУ ШАБЛОНУ

Правда, Москва, 24-го июня 1967 г.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ — НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ

ГАЛИЧ, Александр Аркадьевич (р. 19.X.1918, Екатеринослав) — рус. сов. драматург. Автор пьес «Улица мальчиков» (1946), «Вас вызывает Таймыр» (в соавт. с К. Исаевым, 1948), «Пути, которые мы выбираем» (1954; др. назв. «Под счастливой звездой»), «Походный марш» («За час до рассвета», 1957), «Пароход зовут «Орленок» (1958) и др. Г. написал также сценарии кинофильмов «Верные друзья» (совм. с К. Исаевым, режиссер М. Калатозов), «На семи ветрах» (режиссер С. Ростоцкий) и др. Комедиям Г. свойственны романтич. приподнятость, лиризм, юмор. Г. — автор популярных песен о молодежи.

Вышеприведенный текст взят дословно из советской «Краткой Литературной Энциклопедии». Это все, что говорится там о Галиче.

В энциклопедии не объясняется читателям, почему этот популярный автор ничего не печатал между 1948 и 1954 гг. А не печатал он потому, что в это время его таскали по тюрьмам и концлагерям, наказывая его за то, что он родился евреем.

Не говорится также в энциклопедии и о том, что родился он Гинзбургом, но что ввиду существующего антисемитизма ему пришлось отказаться от своего имени и облегчить свою участь русским именем.

Ниже печатаются три из его популярных стихотворений, которые не могут быть напечатаны в советской прессе.

КАК МНЕ СТРАННО, ЧТО ТЫ ЖЕНА

Советский заключенный, вышедший из концлагеря, не может привыкнуть к мысли о том, что и у него есть жена в действительности, а не только в его воспоминаниях по трассе известных советских тюрем Бутырка, Лефортово, Фортель и пр. Песня отражает душевные переживания пострадавших евреев в СССР.

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива,
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказание,
Не смотрите на нас вороватыми
Перепуганными глазами.

Будто призваны, будто позваны
Нашу муку терпеть в молодости
Ничего, что родились поздно вы
Вы все знаете, все умеете.

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива,
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими,
У проклятых ворот у Лефортове
Вы не зябли ногами мокрыми.

Но ветрами подует грозными,
Босиком вы беду измерите,
Ничего, что родились поздно вы,
Вы все знаете, все умеете.

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива,
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Не дарило нас время радостью,
Заливали нас кровью и подлостью,
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, а гордость.

Вам сторицей не будет воздано
И пройдем мы по веку разному,
Ничего, что родились поздно вы,
Воевать никогда не поздно.

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива,
В Ярославском центре ночью
Ты была воображена.

АНТИСЕМИТЫ

Зачем мне считаться шпаной и бандитом?
Не лучше ль пробраться мне в антисемиты?
На их стороне как бы нету законов —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я, изначит: кому-то быть битым,
Но надо ж узнать, кто такие семиты.
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет?

Но друг и учитель Алкаш в бакалее
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы!
Теперь я спокоен: чего мне бояться?

Я долго крепился и благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же Алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев,
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они бога распяли.

Им кровушки надо. Они до запарки
Замучили, гады, слона в зоопарке.
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года.

По Курско-Казанской железной дороге
Построили дачи, живут там, как боги.
На все я готов — на разбой и насилие,
И бью я жидов, и спасаю Россию.

О СТИХОТВОРЕНИИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА »ДОМАШНЯЯ ЕВРЕЙСКАЯ«

Стихотворение Галича скорее напоминает басню, чем любой другой жанр поэзии. Дело в том, что стихи содержат мораль, скрытый политический и философский смысл, и это производит весь эффект. Это предупреждение всем тем евреям, которых история еще не убедила в верности библейского изречения: »не строй дома своего на песке«.

Ведь еще совсем недавно, в 1953 году (»дело врачей«), мир стал свидетелем разгула средневекового антисемитизма и массовых увольнений евреев, в первую очередь — с руководящих должностей. Ведь и после этого евреи использовались в качестве козлов отпущения во время различных экономических и политических кризисов. Несмотря на это, многие евреи снова лезли вверх, снова верили в добрые намерения очередного правителя... Они, безусловно, снова упадут, когда заберутся слишком высоко.

Это правда, это правда, это правда,
Это было — и боюсь, что будет завтра...

Это предупреждение всем тем евреям, которые, наперекор всему, верят в возможность личного счастья в СССР, в отрыве от своего народа, кто слепо доверяет власти, которая иного погладит по головке и »украсит лапсердак аксельбантом«.

Вот эти-то евреи, которые »торговали елеем« и »шили ливреи«, надеясь засесть в »Синоде« и в »Сенате«, и попали в первую очередь в Соловки и в Бутырки.

»Ой, не шейте вы, евреи, ливреи«, — предупреждает Галич, умудренный личным опытом жизни при советской власти. — Не гонитесь за славой и за деньгами, сидите смиренно, ибо не про вас прелести жизни пока вы незваные гости в чужой стране.

Поневоле у советского читателя напрашивается вывод, что только в еврейском государстве может еврей достигнуть ответственной должности и не бояться быть свергнутым при первой же неурядице за свою национальность.

ДОМАШНЯЯ ЕВРЕЙСКАЯ

(предупреждение)

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи:
Не ходите вам в камергерах, евреи.
Не горюйте вы зазря, не стенайте —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лэхáим,
А таскаться на допросы с вертухами.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если будешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Это правда, это правда, это правда,
Это было — и боюсь, что будет завтра,
Может завтра, а может скорее,
Так не шейте вы, евреи, ливреи.

ПО СЛЕДАМ ИСБАХА

Представьте себе, что вы — советский читатель. Вы знаете, что Александр Исбах — талантливый писатель, но вы слышали, что он был репрессирован во время Сталина, и вы хотите проверить это. Вы открываете советскую литературную энциклопедию, вышедшую в Москве в 1966 г., и читаете в 3-м томе, на стр. 191:

ИСБАХ, Александр (псевд.; наст. имя — Исаак Абрамович Бахрах; р. 30. 1. (12. II), 1904, г. Двинск Витебской губ.) — рус. сов. писатель. Чл. Коммунистич. партии с 1926. Окончил лит. отд. МГУ (1924) и Ин-т красной профессуры (1934). Печатается с 1920. До 1926 писал гл. обр. стихи (сб. «Смена», 1925). В 1926 опубл. сб. рассказов «С винтовкой и книгой» — бытовые зарисовки из жизни Красной Армии. Ряд рассказов и повестей И. посвящен комсомолу и Сов. Армии: «Красноармейцы» (1930), «Рядовые» (1932), «Подарок» (1933), «Фронтные встречи» (1941), «Путешествие в юность» (1958) и др. И. — автор повести «Крушение» (1930) — о борьбе с троцкистской оппозицией. Социалистич. строительству посвящены кн. И. «Борьба за промысел» (1932), «Радость» (1934), «Линия жизни» (1960) и др. И. выступает также со статьями о сов. и зарубежной лит-ре (о Д. Фурманове, Л. Арагоне, А. Барбюсе и др.). В 1964 опубл. кн. «На литературных баррикадах», содержащую лит. портреты ряда советских писателей: А. Серафимовича, Вл. Маяковского, Вс. Вишневского, Ф. Панферова, Я. Ильина, Э. Багрицкого, Вл. Луговского и др.

Соч.: Повести и рассказы, М., 1957; Лицом к огню. Лит. портреты, М., 1958; Люди переднего края. Рассказы, М., 1960; На дорогах Европы, М., 1964.

Лит.: Нович И., Лицом к огню, «Лит-ра и жизнь», 1959, 25 сент., № 115; Хачатурян Н., Их было двадцать три «Лит. Армения», 1961, № 9.

Д. Зонов

И так вы, советский читатель, приходите к заключению, что слухи о репрессии Исбаха — это антисовет-

ская пропаганда. Ведь в энциклопедии ничего не говорится об этом. Кроме того, там сказано ясно, что Исбах — член партии с 1926 года. Там не сказано, что он был членом партии только до 1949 года, как вы слышали у соседей, и потом снова с конца 50-х. Другими словами, из партии его не исключали, ну а это значит, что он никогда не был арестован. В литературе всегда проводил линию партии. Восхвалял Красную Армию, социалистическое строительство, громил врагов Сталина — троцкистов.

Такие дезориентирующие статьи, предназначенные для обмана советского читателя, вы можете найти во всех советских энциклопедиях, и вы в них верите, пока вам не попадется в руки другая советская книга, которая косвенно опровергает энциклопедии. Вот что, например, вы сможете прочесть о Исбахе в книге советского писателя Б. Дьякова «Повесть о пережитом»:

Очередным этапом стал Новосибирск.

... В камере нашлись места только на полу. Я расположился неподалеку от двери. Тщедушный человек в картузе устроился возле параша, положил голову на крышку и тут же захрапел.

... — В этой камере недели две назад сидел... и если не ошибаюсь... да нет, точно!... сидел вот на этом самом квадрате, где и вы, московский писатель Исбах.

— Исбах? — перепросил я, вздрогнув.

— Да, Александр Абрамович... Лицо у него, помню, было меловое. Впрочем, мы все здесь не краснощекие. Он все время твердил: «Я ни в чем не виновен, ни в чем не виновен!..»

Харбинец продолжал еще что-то говорить, а я уже был в зале Центрального дома литераторов в Москве...

... Весна сорок девятого... Партийное собрание. На повестке — персональное дело Исбаха.

На трибуне — мертвенно-белый Александр Абрамович. Судороги как бы разрезают его лицо... Он настойчиво отрицает все обвинения во всех смертных грехах.

Я сижу в центре зала. Теряюсь... Как же так? Издавна знал Исбаха как талантливого очеркиста «Правды», критика, педагога! Значит, и я был обманут, и во мне притупилась политическая зоркость!

А теперь, следом за ним, двигаюсь по этапу!.. Теперь и меня там единогласно исключают, верят, что я враг?!..

.

С Краснознаменной Балтики, морская душа, родом из Белоруссии — Раданович Михаил... — Он крепко сжал мою руку. — Между прочим, где-то тут на трассе писатель Четвериков из Ленинграда. Знали такого?

— Еще бы!..

— Так, так... И другой москвич есть — Исбах.

— Исбах?! Он в больнице?

— Нет, на лесоповале. Теперь вот вы... целый литкружок, только не вместе.

— Раданович грустно улыбнулся.

ГОВАРД ФАСТ О ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ, РАССТРЕЛЯННЫХ В СССР.

(Фефер, Квитко)

В книге Голый Бог, написанной известным американским писателем Говардом Фастом после Венгерской революции, даются интересные сведения о советских писателях. Мы остановимся на двух из них.

Говард Фаст был личным другом Исаака Фефера, с которым познакомился в Америке, куда Исаак Фефер приезжал в форме полковника Красной Армии и уверял всех встречных и поперечных, что якобы в Советском Союзе антисемитизм был вырван с корнем. После этого, однако, в Америку дошли слухи, что Исаак Фефер умер и умер в очень странных обстоятельствах. Говард Фаст, также как и другие американские писатели, начал писать письма в Советский Союз и спрашивать, что случилось с Фефером. Однако, никто и никогда не давал им ответа на этот вопрос. После 20-го съезда коммунистической партии многие западные коммунисты, включая американцев, начали посещать Советский Союз и приезжали обратно с некоторыми информациями, которые дали возможность восстановить всю историю.

Говард Фаст утверждает, что смерть Фефера была результатом ареста Давида Бергельсона, всемирно-известного еврейского писателя. Почему же был арестован Бергельсон? Ответ дает Говард Фаст: »Фактически Бергельсон был арестован просто потому, что он был евреем, независимо от всяких других причин«. Бергель-

сона посадили в тюрьму и систематически били, чтобы заставить сознаться в вымышленных преступлениях. Это делалось, как сообщил Хрущев на 20-м съезде партии, по методу Сталина, который говорил: «Бить, бить и снова бить». Незадолго до смерти Бергельсона Исаак Фефер узнал о том, что происходит с писателем, и обратился к известным советским писателям, как, например, Фадеев или Эренбург, за помощью. Как известно, Эренбург в то время находился в хороших отношениях со Сталиным. Но ни один советский писатель не посмел сделать ни одного жеста для спасения Бергельсона. Рассказывают, что Фефер кричал Эренбургу: «Тогда я буду делать все один, и если меня арестуют и убьют, то моя смерть будет на вашей совести в течении всей вашей жизни»!

Так оно и случилось, и Говард Фаст спрашивает: «Где был тогда Фадеев, который застрелился после 20-го съезда? Где был Полевой, которого я любил и уважал, как вряд ли кого другого? Где был Симонов? Где был Шолохов? Где были все те, кто поучал мир чести и человеческой честности, все эти люди социализма? Где были проповедники и праведники из «Литературной Газеты»? Где были те честные советские писатели, которые называли Америку варварской страной, без прошлого и без культуры?... Во имя всего святого для вас, мои советские коллеги — где были ваши голоса, когда убийство в вашей стране стало повседневностью?»

Говард Фаст считает и себя виновным в том, что он молчал в то время, но он утверждает, что он ничего не знал «хотя это было известно многим другим вне СССР» (о том, что Фефер был поставлен к стенке и расстрелян).

*

Говард Фаст рассказывает также о Льве Моисеевиче Квитко, убитого советскими фашистами в 1952 году. Этот еврейский поэт, родившийся в 1890 году, был членом партии с 1939 года. Он остался сиротой с 10-ти лет, скитался по городам и селам Украины, и, в результате упорной работы, стал поэтом, который был переведен приблизительно на 40 языков мира. Так же, как и Горький, был самоучкой. Он был первым поэтом, который ввел в еврейскую литературу тему Октябрьской Революции. В 1949 году, в период открытого антисемитизма советского правительства и коммунистической партии, Квитко был арестован.

Говард Фаст вспоминает разговор с Борисом Полевым, который посетил Америку после смерти Сталина в качестве председателя Союза Советских Писателей. На приеме, устроенном в честь советской делегации, Полевого спросили, что может он сообщить о судьбе Квитко, о котором ходят слухи, что он будто бы был арестован и расстрелян несколько лет тому назад. В присутствии многих американских коммунистов Полевой ответил, что «слухи эти, конечно, обычная антисоветская клевета. К счастью, он, Полевой, в состоянии опровергнуть ее, потому что Квитко в настоящее время живет в том же доме, где и он, Полевой. Какое же может быть лучшее опровержение слухов?» — сказал Полевой. «Нас всех это очень обрадовало», — продолжает Говард Фаст, — «и мы вздохнули свободно. Мы спросили, что Квитко делает, — и Полевой нам ответил, что он заканчивает перевод и собирается писать новую книгу. Он добавил, что виделся с Квитко перед отъездом в Америку, и что Квитко просил передать привет его американским друзьям».

Позже Говард Фаст, также как и его американские друзья, узнали из советской печати, что Квитко был замучен и убит также, как Фефер и Бергельсон, за несколько лет до приезда Полевого в США. Говард Фаст заканчивает свои воспоминания о Квитко следующими словами:

»Да падет неумолимое возмездие времени и истории на тех, кто виновен не только в убийстве, но и в растлении душ людей, — как то было с Борисом Полевым. Ведь сказанное им было не только трагической и чудовищной ложью; его вымышления представляют собой как бы итог всего того, что коммунистическая партия делает с писателем«.

ОТ «СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ» ДО СТАТЕЙ В «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ»

Русский антисемитизм имеет долгую историю. На его счету немало «славных дел». По признанию яркого антисемита и фашиста князя М. К. Горчакова, в 20-х годах организовавшего в Париже издательство антисемитской литературы, «в России погромы происходили и при Киевских удельных князьях, и при вольницах казацких, и при императорах всероссийских, и при эсеровской петлюровщине, и при социал-демократической власти большевиков». Об этой преемственности антисемитизма в России при любой власти свидетельствуют не только действия погромщиков, но и их литература. Ниже мы приводим выдержки из трех источников, появившихся в разное время: из «Протоколов собраний сионских мудрецов»*, опубликованных в 1905 году неким С. А. Нилусом с целью предупреждения царского правительства о грозящем «захвате евреями всего мира»; из издания современных русских фашистов под кличкой «русские националисты», нашедших приют на Западе; из одной из многочисленных статей о евреях в «Комсомольской правде».

За недостатком места нам пришлось ограничиться только цитатами, но читатель без труда найдет единую цепь, тянущуюся сквозь высказывания этих якобы столь различных групп.

ПРОТОКОЛЫ СОБРАНИЙ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ

Протокол № 22-й.

Тайна грядущего. Многовековое зло как основание будущего блага. Ореол власти и мистическое ей поклонение.

Во всем, что до сих пор мною доложено вам, я старался тщательно обрисовать тайну происходящего —

*) «Сионские протоколы» нашли яркое отражение в книге Гитлера «Майн камф» и являются настольной книгой всех антисемитов мира.

бывшего и текущего, стремящегося в поток великих, грядущих уже в близком будущем событий, тайну законов наших отношений к гоям и финансовых операций. На эту тему мне остается еще немного добавить.

В наших руках величайшая современная сила — золото: в два дня мы можем его достать из наших хранилищ в каком угодно количестве.

Неужели нам еще доказывать, что наше правление предназначено от Бога? Неужели таким богатством мы не докажем, что все то зло, которое столько веков мы были вынуждены творить, в конце концов послужило к истинному благу — приведению всего к порядку?! Хотя и через некоторое насилие, но он все же будет установлен. Мы сумеем доказать, что мы благодетели, вернувшие растерзанной земле истинное добро и свободу личности, которой мы дадим пользоваться покоем, миром, достоинством отношений, при условии, конечно, соблюдения установленных нами законов. Мы выясним при этом, что свобода не состоит в распущенности и в праве на разнузданность, как равно достоинство и сила человека не состоит в праве каждому провозглашать разрушительные принципы вроде свободы совести, равенства и им подобным, что свобода личности отнюдь не состоит в праве волновать себя и других, безобразничая ораторством в беспорядочных скопищах, а что истинная свобода состоит в неприкосновенности личности, честно и точно соблюдающей все законы общежития, что человеческое достоинство заключено в сознании своих прав и вместе бесправия, а не в одном только фантазировании на тему своего — Я.

Наша власть будет славною, потому что она будет могущественна, будет править и руководить, а не плестись за лидерами и ораторами, выкрикивающими безумные слова, которые они называют великими принципами и которые ничто иное, говоря по совести, как утопия... Наша власть будет вершителем порядка, в котором и заключается все счастье людей. Ореол этой власти внушит *мистическое поклонение ей и благоговение перед ней народов*. Истинная сила не поступается никаким правом, даже Божественным: никто не смеет приступить к ней, чтобы отнять у нее хоть бы пядь ее мощи.

»Сионские протоколы«

1905 г.

»Я считаю, что сейчас долг каждого русского человека, независимо от того, где бы он ни находился — на Родине или чужбине, — бороться за Россию, разоблачая происки врагов не только России, но и всего христианского мира — сионистов«.

»Вот уже на протяжении многих веков вожди еврейства пользуются «освободительным» движением как орудием для достижения своих целей. Сионисты сегодня, как и их предшественники, стремятся к мировому господству«.

Журнал *»Российская независимость«*, № 25, стр. 50, 1964 г.

»За счет эксплуатации трудящихся без различия их национальности «филантропы»-сионисты щедро снабжают своих единомышленников и братьев по духу, находящихся у кормила власти в Тель-Авиве.

Держа в руках рычаги экономического и политического воздействия, обладая в силу этого широкими возможностями эффективного морального и психологического воздействия на настроения и умы людей, сионисты в состоянии влиять в том или ином направлении на общественное мнение многих стран«.

»В мировой политике империализма и его борьбе за установление мирового господства сионизм является приводным ремнем«.

»Комсомольская правда« от 4. 10. 1967 г.

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

(Анекдоты из жизни советских евреев)

В маленьком местечке Бричаны советские власти закрыли синагогу. У них спрашивают причину. Власти дают следующий ответ:

— Мы не могли найти подходящего раввина. Были только три кандидата. Первый знал хорошо талмуд, но не знал марксизма-ленинизма, второй знал марксизм-ленинизм, но не знал талмуда, третий же знал хорошо и талмуд, и марксизм-ленинизм, но он был еврей.

*

Человек стучится в дверь дома. Из-за двери голос:

— Вам кого?

— Здесь живёт Кацнельсон?

— Нет, не живет.

— Как не живет?! Это не Октябрьская улица?

— Октябрьская.

— Дом 25, квартира 8?

— Точно.

— Так как же вы говорите, что Кацнельсон здесь не живёт?

Появляется Кацнельсон:

— Разве это жизнь?

*

Урок политграмоты. Учитель спрашивает еврейского мальчика:

— Кто твой отец?

— Советский Союз.

— Молодец, Абрам. А кто твоя мать?

— Партия.

— Здорово сказал. А кем бы ты хотел быть?

— Сиротой.

*

Еврея вызывают на допрос в КГБ. Следователь:

— В вашей анкете вы пишете, что у вас нет родственников за границей. А у нас имеются сведения, что у вас за границей брат.

— У меня нет брата за границей, товарищ следователь.
— А это что? (Следователь показывает ему письмо от брата в Израиле).

— Товарищ следователь, мой брат на родине, а за границей я.

*

— Как живешь, Мойше?

— Чудесно.

— А газеты читаешь?

— Конечно, читаю. Иначе откуда бы я знал, что я чудесно живу?

*

Однажды Сталин собрал у себя представителей всех национальностей СССР и спросил их, готовы ли они продемонстрировать свою преданность советской власти. Все, конечно, были готовы идти за неё хоть в огонь. Тогда Сталин открыл окно восьмого этажа кремлевского здания и произнес:

— Кто действительно предан, пусть выпрыгнет в окно.

Подошел к окну русский, посмотрел высоко ли, и сказал:

— У меня жена, дети — не могу их оставить. Прыгнуть не могу.

Сталин рассердился: »Так-то вы стоите за советскую власть? Арестовать его!« Русского увели. То же произошло со всеми остальными.

Наконец, пришла очередь еврея Рабиновича. Он снял часы, передал Сталину: »Отдайте, пожалуйста, жене«. Снял костюм, ботинки, и тоже просил передать жене. После этого он разбежался и выпрыгнул в окно.

Через пять минут дрожащего Рабиновича привели обратно. Оказалось, что за окном была специальная предохранительная сетка. Сталин хотел только произвести проверку преданности. Растрогавшись, он сказал Рабиновичу: »Теперь я вижу, что вы единственная опора моей власти«. Он велел назначить Рабиновича секретарем Московского обкома партии, наградить его орденом Ленина, а всех евреев выдвинуть на руководящие должности.

Некоторые время спустя Сталин пригласил к себе Рабиновича и сказал:

— Оставим официальный тон, не стесняйтесь. Называйте меня просто Иосифом.

Рабинович: Называйте меня Наумом.

С.: Скажи мне по-дружески, Наум, жизнь-то штука дорогая, а?

Р.: Конечно, Иосиф.

С.: Так как же ты не побоялся ею пожертвовать? Неужели ты не боялся смерти?

Р.: Чем такая жизнь, лучше смерть.

*

Два студента, русский и еврей, слушают «Голос Америки». Там сообщается, что председатель Всемирного сионистского конгресса Нахум Гольдман обратился к советскому правительству с просьбой разрешить советским евреям свободный выезд за границу. Русский говорит еврею:

— Если это случится, то евреев в Советском Союзе станет не три миллиона, а целых двенадцать!

*

Еврей отсидел срок. Ему говорят: «Вы теперь свободны, можете идти», но он не уходит.

— Неужели вы не хотите уходить из тюрьмы?

— А какая разница: маленькая тюрьма или большая?

*

При поступлении на работу еврей заполняет анкету.

— Участвовал ли в белом движении? — Нет.

— Был ли в оппозиции? — Нет.

— Был ли за границей? — Нет.

— Национальность? — Да.

*

Евреи, приезжающие из СССР в Израиль, до того напуганы, что добрых несколько лет продолжают хранить молчание «по инерции». От этого у израильтян возникла уверенность, что в СССР зубы выдергивают через нос. И как же иначе, если больные боятся открыть рот?!

*

В переполненный автобус влетает гражданин и требует у кондуктора, чтобы тот очистил ему место.

— На каком основании?

— Я ответственный еврей!

— Покажите документы.

— Разве вы не понимаете, что за все их проделки буду отвечать я?

*

— Какая разница между Сталиным и Моисеем?

— Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин вывел их из ЦК.

*

Хаимович видит фамилию своего друга Рабиновича в списке добровольцев на первый советский полет на Луну.

— »Ты с ума сошел, что ли?«, — говорит он Рабиновичу. — »Разве ты не знаешь, какой опасности ты подвергаешься?«

— »Конечно, знаю. Но я подумал, что на обратном пути я бы мог сделать посадку в Нью-Йорке«.

*

Старый еврей был пойман при попытке убежать из Советского Союза. Его допрашивают:

— Вы говорите, что вам 70 лет. Как вам не стыдно? В таком возрасте вы должны поступать умнее. Почему вы хотели оставить страну?

— По двум причинам.

— По каким причинам?

— Во-первых потому, что я еврей. Если советская власть падет, то во всем обвинят евреев, и меня пошлют в концлагерь. Это моя первая причина.

— Вы говорите глупости. Наша советская власть будет существовать во веки веков.

— А это моя вторая причина.

*

На собрании агитатор говорит: »Уровень жизни в нашей стране неустанно растет. Из года в год увеличивается ассортимент продуктов потребления. Вопросы есть?«

Поднимается Рабинович и спрашивает: »А почему нигде нет молока?«

Агитатор отвечает, что это очень сложный экономический вопрос, требующий длительного разъяснения, и что он даст ответ через неделю.

Через неделю опять лекция на ту же тему, но агитатор никакого разъяснения прошлого вопроса не дает. В конце он спрашивает: »Вопросы есть?«

Поднимается Хаимович: »Все понятно, но где Рабинович?«

*

Рабиновичу улыбнулось счастье: он получил заграничный паспорт для туристской поездки за границу. Его сотрудники в Москве получили от него ряд открыток. В первой он писал: »С социалистическим приветом из свободной Варшавы — Рабинович«. Во второй он писал: »С социалистическим приветом из свободного Будапешта — Рабинович«. В третьей: »С социалистическим приветом из свободной Праги — Рабинович«. И в последней открытке: »Привет из Парижа — свободный Рабинович«.

*

После долгих хлопот советскому еврею, наконец, дали разрешение на выезд в Израиль. Он запаковал вещи и положил среди них и портрет Косыгина. Его жена остолбенела:

— Ты с ума сошел? Зачем ты берешь его портрет?

— Ты не понимаешь, Сара. Я ведь сентиментальный человек. В Израиле меня будет мучить тоска по родине. Тогда я взгляну на этот портрет и скажу: »Слава Богу, что я избавился от него!«

*

Следователь КГБ говорит арестованному еврею:

— Если ты отгадаешь, который глаз у меня искусственный, то я тебя отпущу.

— Левый.

— Правильно. Но как ты догадался?

— У него такой гуманный взгляд.

*

Два еврея посещают мавзолей Ленина. Один спрашивает другого:

— Кого бы ты хотел видеть на месте Ленина?

— Всех большевиков, — отвечает другой.

*

Рабинович заметил, что при сокращении штатов советских учреждений, которые производятся периодически либо под предлогом экономии, либо под предлогом реорганизации, в первую очередь увольняют евреев. Он решил переменить свою фамилию на Иванов. Можно было представить его удивление, когда через несколько дней после оформления документов он получил хорошо известный конверт с извещением, что ввиду высших интересов государства его должность сокращается и он должен искать себе другую службу.

Расстерянный Иванов пошел просить объяснения.

Начальник отдела кадров развел руками и сказал:

— Вы должны понять, товарищ Иванов, что до сих пор мы увольняли со службы только евреев. Пришла пора увольнять и русских!

*

На похоронах Ленина наблюдающий еврей говорит:

— Где режим экономии? За эти деньги можно похоронить всю партию.

*

После революции еврейский богач стал нищим. Когда он умер, он попал в ад, волоча свой пустой мешок. В аду ему повстречался Маркс. Еврей бросил свой пустой мешок к его ногам, говоря:

— Вот вам проценты на ваш »Капитал«.

*

— Может ли еврей беспрепятственно выехать из Москвы в Иерусалим?

— Да, если у него паспорт израильский, а лучше — американский.

— А может ли еврей с советским паспортом выехать из Москвы в Иерусалим?

— Да, если он имеет в виду Новый Иерусалим — пригород Москвы.

*

— Что будет, если в порядке насильственной ассимиляции женить еврея на турчанке?

— Будет затурканный еврей.

— А если на якутке?

— Морозоустойчивый еврей.

— А если на монголке?

— Будет Чингиз-Хаим.

*

— Верно ли, что в Москве был ликвидирован еврейский театр?

— Верно. Но театральные представления, пытающиеся доказать хорошее отношение к евреям в СССР, продолжаются.

*

— Сколько национальностей в СССР?

— Две: антисемиты и не-антисемиты.

*

Говорят, что советские руководители теперь боятся подходить к кремлевской стене. Она им кажется Стеной Плача и напоминает о Иерусалиме.

*

— Существуют ли до сих пор СС и эсэсовцы?

— Да, но теперь вместо СС пишут КПСС. А что такое капэсэсовцы достаточно хорошо известно.

*

— Может ли высококвалифицированный кантор получить работу в советской синагоге?

— Может, если он не является евреем.

*

Косыгину надоело слушать постоянные протесты из-за границы против антисемитизма в СССР. Он

позвал главного советского раввина и приказал ему написать письмо премьер-министру Израиля о том, что СССР — рай для евреев.

Раввин исполнил приказание, описав все в радужных красках, но в конце прибавил самокритичное предложение: »У нас есть и некоторые трудности: нет свечей и нет сахара«.

Косыгин прочитал письмо с удовлетворением, но поморщился при виде последнего предложения. Раввин сказал: »Если мы напишем, что у нас все гладко, то они это примут как обыкновенную пропаганду«. Так письмо и ушло.

В Израиле Эшколь понял, что среди всей пропаганды имеется какое-то зашифрованное послание. Решили позвать на помощь местного раввина. Местный раввин прочитал письмо и говорит:

»Это очень просто. Нет свечей и нет сахара значит »эс из финцтер ун битер« (темно и горько) — хуже быть не может«.

*

Министр сельского хозяйства Украины объезжал птицефермы республики с ревизией. Приехав на ферму Степана Степановича, он говорит:

— Хорошие у тебя куры, Степан.

— Да, хорошие.

— А чем ты их кормишь?

— Хлебными крошками.

— Что? Ты даешь хлеб курам в то время, как у нас в стране голод и нехватает хлеба для людей?! Десять лет Сибири за это!

Везде стал распространяться слух, что кур нельзя кормить хлебными крошками. Когда министр прибыл на ферму Ивана Ивановича, тот уже был хорошо подготовлен, и на вопрос министра о роде корма ответил: »Я даю им отбросы ячменя«.

Министр рассвирепел хуже прежнего и Ивану тоже дал 10 лет.

Наконец, министр прибыл на ферму к Абраму. Похвалив его кур, министр спросил: »Чем ты их кормишь, Абрам?«

Абрам: »А я даю им рубль и велю им самим покупать себе корм«.

*

Еврей подал документы на выезд в Израиль. Через некоторое время его вызывают в МВД и спрашивают:

— Зачем вы хотите уехать в Израиль? Разве вы не знаете пословицу: »там хорошо, где нас нет«?

— Потому-то мы и едем.

*

У одного еврея был попугай. Так как в его доме часто ругали партию и членов ЦК, то и попугай научился ругать партию. Однажды попугая украли.

Еврей побежал в КГБ: »Где попугай?«

»У нас нет никакого попугая«, — отвечают там.

»Не беспокойтесь, вам его скоро принесут. Но имейте в виду, что я пришел вас предупредить, что я его взглядов не разделяю«.

*

Рабинович получил огромное наследство из Америки, но отказывается его брать. Советские власти, услышав об этом, принялись его уговаривать. Он долго отказывался, но, наконец, согласился при условии, что в течение одного дня все магазины Киева будут выдавать товары всем желающим бесплатно. Ввиду огромной суммы наследства, власти согласились.

В назначенный день тысячные толпы стали осаждать магазины. Люди давили друг друга, дрались, бились. На предприятиях и в учреждениях никого не было, даже начальников. Власти страшно рассердились и говорят Рабиновичу:

— Смотрите, что вы натворили. Зачем вы это сделали?

Рабинович: — Я старый человек и скоро умру. Перед смертью мне хотелось посмотреть, как будет при коммунизме.

*

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ СИБИРСКОГО ГОСПИТАЛЯ

(Из цикла «Без вины виноватые». Еврейская трагедия
в русской постановке).

При немецких концлагерях уничтожения всегда существовали госпитали. В СССР, самой передовой стране мира, такие же госпитали работают и по сей день в больших концлагерях.

Они созданы для вылечивания больных, используемых в качестве бесплатной рабочей силы на лесоразработках, в рудниках, и других «приятных местах».

Советский писатель Б. Дьяков, который выполнял разные работы в одном из таких госпиталей как заключенный, дает интересные сведения об их деятельности (Москва, 1966).

Так же, как и у немцев, здесь работают заключенные, вольнонаемные и НКВД'исты. Первые обыкновенно умирают от изнеможения, отсутствия лекарств и медицинского обслуживания. Вторые, увидев муки невинных людей, часто кончают самоубийством. А третьи либо теряют свою службу за человеческий подход к заключенным (напр., майор С. Е. Рабинович; о таких начальниках автор вспоминает: «Все они — люди! И в этом, как ни парадоксально, для них трагедия, а для нас — счастье»), либо идут вверх за зверское издевательство над заключенными (А. Л. Баринов, прошедший путь от несчастного тюремного госпиталя в Тайшете, Сибирь, до хорошо оборудованной медицинской школы в Ленинграде).

Слабых больных конвоиры застреливают под предлогом, что, мол, хотели убежать, и получают при этом денежные вознаграждения за «бдительность» («главное, бегут» те, кто, судя по истории болезни, и ходить-то не в силах... Конвоиры за «бдительность» премируют«).

Мы не приводим здесь выдержек с описанием советских методов, применяемых для уничтожения заключенных. Это не входит в тематику сборника. Мы приводим, однако, несколько выдержек, относящихся непосредственно к судьбе еврейских писателей, докторов и инженеров, брошенных в тюрьму только за то, что

они — евреи. Следует добавить, что сам Борис Дьяков не еврей, и обвинять его в пристрастии невозможно. Так как отрывки были напечатаны в советских журналах «Звезда» и «Октябрь», а сама книжка напечатана в Москве, и была хорошо принята советской критикой, то автора нельзя также обвинять в антисоветской пропаганде. Мы бы сказали, наоборот, автор написал книгу с целью оправдания политики коммунистической партии и старался как можно больше приукрасить жизнь в концлагерях. Другими словами, показать превосходство советских концлагерей над немецкими.

Действие, описанное в книге, происходит после арестов 1949-1950 годов.

КИНОДРАМАТУРГ М. И. БЕРЕСТИНСКИЙ

Часто вспоминали в бараке кинодраматурга Михаила Берестинского. На пересылке он разругался с офицером и попал на штрафную. Начальник лагпункта Петров, не успели Берестинского ввести в зону, вызвал к себе.

Петров избегал появляться среди заключенных. Но когда вынуждали обстоятельства, шел по зоне широкими, тяжелыми шагами — высоченный, длиннорукий, с опущенной головой. Под накомарником, спускавшимся белой занавеской с фуражки до половины груди, можно было разглядеть суровое, настороженное лицо. Разговаривал Петров с заключенными обычно презрительным тоном, с подковырками.

И Берестинского, когда тот вошел в кабинет, Петров измерил с ног до головы уничтожающим взглядом. На приветствие не ответил. Уставился колкими глазами в формуляр.

— Так, так... Берестинский? Из Москвы? Высшее образование? Писатель? И Михаил Исаакович? Так, так... Кого прислали! Живой инженер человеческих душ! Интересно... Ты что же это, инженер, все из головы сочинял?

— Из головы.

— Ну хорошо-с... Какую же тебе работенку подбросить, а? Чтобы ты не очень загружал свою умную голову, Исаакович?.. Значит, таким манером: завтра с утра начнешь сортиры чистить! Золотую должность даю тебе, а?..

— Думаете сломить? — Берестинский гневно посмотрел на Петрова. — Я был, есть и останусь советским до самой смерти. Мои фильмы ставили и будут ставить. А ваше издевательство презираю!

До зимы Берестинский работал ассенизатором. Потом начальник смиловивился: назначил кострожом на общих работах. Берестинский с помощью вольных служащих отсылал письмо за письмом в Москву. Его сажали за это в карцер. Он все равно продолжал писать. В июне, за несколько дней до того как меня привезли на штрафную, Берестинского отправили в Тайшет.

Там спешно сформировали этап из пятнадцати, вызванных на дополнительное следствие в МГБ. Впопыхах даже забыли снять с заключенных номера. Так и доставили на вокзал. Был жаркий полдень. Конвоиры отошли в тень, заключенные остались на солнцепеке. Сидел среди них и человек № МА-227 — Берестинский.

Гулявшие по платформе вытаращили глаза: занумерованные люди! Подошел скорый »Хабаровск—Москва«. Вагон-ресторан остановился как раз против этапников. Обедавшие прильнули к окнам. Любопытство сменилось оторопью, оторопь — стыдом. Задернули занавески...

На перроне у киосков толпились люди. Не успели конвоиры ахнуть, как на нумерованных посыпался град булок, баранок, папирос, конфет. Полетели и деньги, завернутые в бумажки. Заключенные начали собирать дань человеческих сердец. Конвоиры растерялись: подбежали в заключенным и давай вместе подбирать. Какой-то старик совал рублевки.

— Отойди! — Конвоир попытался оттеснить старика.

Но тот не отошел.

— Не толкайся!.. У меня четыре сына было! Два на войне погибли, а двух среди этих ищу...

КРЕМЛЕВСКИЙ ВРАЧ КАГАЛОВСКИЙ

Фельдшер сочувственно помотал головой.

— У нас много ваших москвичей... Доктор Кагаловский из Кремлевки, был постоянным врачом в семье маршала Тухачевского. В корпусе у Кагаловского лежит профессор МГУ Вольфсон... Час назад прибежал ко мне генерал Войцеховский... царский генерал.

...Теперь его превосходительство дневальным у Кагаловского. Как сказал поэт: »Судьба жертв искупит«

— Allez toujours!

Перевел ли эту крылатую фразу Баринов, понял ли ее смысл, но, отшвырнул формуляр на край стола, он раздраженно сказал:

— Мало ему дали — десять лет!

Заканчивая перевязку, Флоренский взглянул в окно и ахнул:

— Смотрите! Вот это номер...

По дорожке к карцеру шел, гордо подняв голову, Кагаловский, сопровождаемый самим Кузником.

У надзора доктор давно был на примете, но как-то все не удавалось уличить его в нарушениях режима. А хотелось! Больно уж заедал Кузника этот шумливый кремлевский врач. Он мог, пренебрегая дистанцией, существующей между заключенным и офицером, наскочить на него и при высоком начальстве обвинять в каком-либо перегибе. Попробуй оправдаться, если Кагаловский приводит факты, выставляет свидетелей! Остается в корпусе после отбоя, носит домашнее белье, повышает голос на дежурных надзирателей. Многих заключенных сознательно задерживал на койках. Это он лишних два месяца «пролечил» давно выздоровевшего Малюкаева (говорили, что даже искусственно повышал ему температуру). Это он приходил в кабинет главного врача, когда тот комиссовал уезжающих на лагпункты, и не однажды добивался повторной госпитализации того или иного этапника. Не зря заключенные называли Кагаловского правдолюбом.

И вот, наконец, свели счеты, воспользовались отъездом начальника больницы в Тайшет, придрались к чему-то и повели в каменный мешок.

ИНЖЕНЕР СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

— Мы не считаем вас за людей, — ораторствовал старшина. — Вопрос: почему?.. Ответ: потому, что вы не люди. Но мы делаем из вас людей. Тут идет... перевоспитание. Ясно?..

Вернулся надзиратель. Протянул старшине учетную доску.

— Сколько пар копыт? — грозно спросил Нельга.

— Девятнадцать.

— Их ты!.. Вроде не получается... Одного недобираем... В морге был?

— Тамо есть упокойник.

Нельга слепо уставился в доску.

— Который укрылся — душа вон и лапти кверху!

Стражи отправились на вахту подытоживать списочный состав заключенных.

Мы стояли минут тридцать, пока не донеслось:

— Р-ра-а-зойдись!

Нашлась, значит, потерянная единица. Виновата была арифметика...

У меня выдался свободный час, и я направился проведать старшего санитаря десятого корпуса Ефрема Яковлевича Котика.

Лицо у Ефрема Яковлевича вытянутое, лоб выпуклый, слегка отвисшая нижняя губа, угловатый подбородок и тонкая, с выпирающим кадыком шея. Котика в шутку называли «пастором». После двухсуточного карцера у него под глазами набухли мешки.

— Как жизнь, господин пастор? — спросил я, входя в узкую комнату санитаря.

Котик вытирал посуду. Криво улыбнулся:

— Давно известно, что человеческий яд равен десяти змеиным — ответил он. — Одно слово: Крючок... А, пес с ём, как говорит Толоконников!

Так уж повелось у лагерников, особенно среди земляков, что при разговоре на любую тему непременно пойдет речь и о «деле». Ну, а меня, как говорится, и медом не корми — узнать о новой судьбе.

Котик в сорок третьем был старшим инженером Наркомата морского флота СССР. В это время его и взяли. В июньский вечер, теплый и звездный, как помнилось Котику, вернулся он с женой из Большого зала консерватории. Оба были под впечатлением вальсов Штрауса. Уселись пить чай и — звонок в передней.

Через полчаса Ефрем Яковлевич очутился в тюремном боксе.

— На смену «Сказкам Венского леса» пришла несуразная быль! — сказал он, ходя из угла в угол своей комнаты в десятом корпусе.

Вел следствие подполковник Комаров.

— Вы почему не вступали в партию? — спросил он.

— Будь я коммунистом, вы спросили бы — почему я вступил в партию?

— Отвечайте на вопрос! — прикрикнул Комаров.

— Отвечу, гражданин подполковник. У нас в стране миллионы беспартийных, но они всей душой и сердцем с партией. В этом и сила советского народа, и тот самый »секрет«, который никак не поймут наши зарубежные противники. Но вы-то, гражданин подполковник, должны понимать?

— Читаете политграмоту?

— Что вы! Отвечаю на вопрос.

Комаров карандашом выбил по столу мелкую дробь и продолжал:

— Вы получили от Ротшильда пятьдесят тысяч фунтов стерлингов на подрыв освоения Северного морского пути?

Котик развел руками.

— Что вы такое говорите, гражданин подполковник? Да за подобные вопросы вас надо, по меньшей мере, исключить из партии!

Комаров разъярился. Привел Ефрема Яковлевича в кабинет высокого начальника — Абакумова. Тот принял подследственного с подкупающей вежливостью, сказал любезно (как говорит хозяин пришедшему гостю):

— Садитесь! Раскрывайтесь.

— В чем? — удивился Ефрем Яковлевич. — У меня нет ничего закрытого.

— Значит, и с Ротшильдом, по-вашему, все придумано?

— Чистейший анекдот, гражданин начальник! . . . Спросите у моего следователя, он убедился: никакой силой нельзя заставить меня признать то, чего не было!

— Плохо знаете нашу силу, — улыбнулся Комаров. — Все, все признаете! — зло проговорил он, опираясь руками о спинку кресла.

Абакумов молча кивнул головой на дверь.

Конвоир повел Котика по длинным коридорам.

При последнем свидании Комаров с каменным лицом сказал:

— Дорого вы обошлись мне, Котик . . . Фамилия у вас ласковая, а когти острые . . . Поедете в лагерь на десять лет. Не пугайтесь: лагерь — это строительство с ограниченной свободой.

Наш разговор прервал лежавший в корпусе лейтенант, из подчиненных майора Яковлева: коренастый блондин, тщательно выбритый, с пролысиной, убегающим назад шишковатым лбом. Лейтенант вошел, с шумом распахнув дверку.

- Мы встали, вытянулись.
- Кто?
- Он ощупал меня колкими глазами.
- Медстатистик.
- Сидайте!
- Вынул из пижамной куртки серебряный портсигар. Раскрыл.
- Прошу!
- Ефрем Яковлевич взял папиросу.
- А ты что, стесняешься? — спросил меня лейтенант.
- Не курю, гражданин начальник.
- Легкие бережешь?
- Он щелкнул крышкой портсигара. Подтянул штаны, присел на край стола, отодвинув посуду.
- Котик! Как, по-твоему, будет война?.. Трумен опять там чего-то того...
- Ефрем Яковлевич усмехнулся.
- Гражданин лейтенант, что вы задаете мне такой вопрос? Той десятки, которой наградили меня в МГБ, хватит вот как! — Он провел пальцем поперек кадыка.
- Да ты что? Я не провокатор...
- Лейтенант ткнул в сторону Котика оттопыренным большим пальцем:
- На всю жизнь перепуганный, ха!.. Ты кем на воле был?
- Начальником юридического отдела Главсевморпути, старшим инженером...
- Хо-хо!.. — перебил он. — А я думал правда пастором... И Шмидта знал? И Папанина?
- Очень близко. Мои начальники...
- Н-да... А зацепили тебя за что?
- За шиворот...
- Гм!.. Вот так и ни за что?
- Да нет... Сказали, что получил пятьдесят тысяч фунтов стерлингов от Ротшильда на подрыв Севморпути...
- Фи-ю-ю!.. От Ротшильда?.. Врешь!
- Лейтенант весь как-то внутренне сжался.
- Можете не верить, но это было одним из обвинений...
- Лейтенант повел глазами на меня.
- А тебя, когда брали, кем был?
- Работал в правлении Союза писателей.
- Он щелкнул языком, почесал плешь.
- Ишь, какие сидят!.. С вами только и поговорить

о серьезных ситуациях. Так что, санитар, я... как тебе сказать?.. спросил про войну без всяких там прочих...

Ефрем Яковлевич прищурился:

— А как вы сами, гражданин начальник, полагаете: будет война?

— Я?.. Гм!.. Черт ее знает! Все возможно... — Он подбоченился и заговорил тоном штатного оратора: — Надо силы мира укреплять, бороться с врагами внутренними и внешними, с империалистическими происками, черпать силы в массах...

— У-у, да вы всю политику насквозь видите! — с непроницаемым лицом сказал Ефрем Яковлевич, хотя я заметил, что ему стоило больших усилий, чтобы не прыснуть.

— Ты говоришь! — Лейтенант важно вздернул плечами и закачал ногой. — В совершенстве знаю и стратегию и тактику... Когда нужно рокирнемся, когда треба — и ход конем!.. Давай-ка, Котик, сгоняем партию в шахматы? Убедишься в моей теоретической подкованности!

На десятом или двенадцатом ходу лейтенант смахнул фигуры с доски.

— И все-то вы, черти, умеете!

Уходил смущенный, раскрасневшийся. Очевидно, в каком-то кусочке мозга у него стало жечь... В дверях обернулся:

— Я нарочно проиграл!

Только вышел я из десятого корпуса, как вблизи вахты затрещала автоматная очередь. К воротам побежали надзиратели. Выскочили из корпусов врачи, санитары...

— Что случилось?

Неизвестность продолжалась недолго. В зону пришла бригада Акопяна, задержавшаяся на стройке. Работяги цепочками растянулись по двору, вытирали рукавами потные лбы.

И ползла вместе с ним по баракам весть:

— Зубного техника застрелили...

.

В тот день Кузник встал, должно быть, с левой ноги и «жаждал крови». Не успела захлопнуться дверь карцера за Кагаловским, как туда же был водворен старший санитар десятого корпуса Котик.

С этим сообщением заглянул в канцелярию Миша Дорофеев.

Более старательного, аккуратного и внутренне собранного старшего санитаря, чем Ефрем Яковлевич Котик, в больнице, пожалуй, не было. Я не поверил.

— Ей-ей! На двое суток заперли! И ни за что! — возмущался Дорофеев.

Оказывается, в десятом корпусе лежал полковник Саломатов — начальник отдела МГБ Озерлага. Он не побоялся доверить свое горло врачу Ермакову, хотя знал, что доктор осужден как террорист. Ермаков поковыркался у него в горле ножом, быстро вылечил. Уходя из корпуса, Саломатов поблагодарил Котика за отличное обслуживание и, вопреки инструкции, простился с ним за руку, а Крючку, который стоял тут же, даже не кивнул. Крючка это взбесило. Как это так: с зеком — »по петушкам«, а от него нос поворотил? Не иначе, мол, старший санитар что-то »доложил« о нем начальнику... А сегодня утром Крючок зашел в десятый корпус, увидел на стене мух, больше чем положено — рапорт Кузнику. А тот, не долго думая, отправил старшего санитаря в карцер.

— Оформленное по закону беззаконие! — заключил Дорофеев.

КРЕМЛЕВСКИЙ ВРАЧ ШТЕЙНФЕЛЬД

— Леонид Григорьевич! Дьяков умирает!..

... Я открыл глаза. Около сидел в белом халате Штейнфельд, держал меня за кисть руки.

— Пульс наполняется, — спокойно сказал он. — Что вы такое съели?

— Не знаю. То же, что и все.

— Типичная пищевая токсикоинфекция. Мы уже ввели вам глюкозу и строфантин... Все будет прекрасно!

Леонид Григорьевич долго сидел возле меня в пустовавшей палате, следил — как пульс. Заговорили о »делах« и следователях.

— Перед вами — »террорист, пробравшийся в Кремль с диверсионными целями«, — грустно улыбаясь, говорил Штейнфельд. — Я спросил у следователя Кедрова, в Кемеровском МГБ:

— В чем же конкретно я должен признаться?

— В том, что хотел взорвать Кремль, — с железным хладнокровием произнес он.

— Ни больше ни меньше? .. А чем же я мог взорвать?

— Шашками.

— Шашками рубят, а не взрывают!

Кедров разозлился.

— Не прикидывайся дурачком! Тротилловыми шашками! У них огромная взрывная сила.

— Откуда же я их брал?

— Это вот ты мне и должен сказать! И еще: как ты умудрялся их пронести?

— Наверно, в докторском чемоданчике? — подсказал я.

— Что-о? .. Это неправдоподобно! — отмахнулся Кедров.

— В таком случае, я их, вероятно, накапливал под Большим Каменным мостом? Или лучше ... под храмом Василия Блаженного?

Так мы с Кедровым и не договорились о «конкретном». Тем не менее в приговоре особого совещания я был зафиксирован как «пытавшийся совершить диверсию» ... Потом, на смену Кедрову, пришел следователь Штуркин. Тот иную песню завел:

— Расскажи о своих связях с буржуазным миром!

— Никаких связей не было! — сказал я. — У меня там ни родных, ни знакомых.

— Ладно, ладно, хватит извиваться. Мы все знаем ... Решили тебя и всю твою семью отпустить за границу. Не нравится у нас, катитесь на легком катере ...

— Никуда я не поеду, — с возмущением заявил я.

— Вон как? .. Может, патриотом себя назовешь?

— Назову. Я — патриот и коммунист!

Шкуркин подошел ко мне и, ничего не говоря, — кулаком в подбородок. Я вскочил, схватил стул и замахнулся им:

— Убью!

Шкуркин отскочил в сторону и тут же, в секунду, из волка превратился в овечку.

— Ну, ну, успокойся! .. И нервишки же у тебя, доктор ... Я тоже нервный, хватил через край. Ну ничего ... Больше об этом говорить не будем.

Обвинение в «попытке к измене родине» не состоялось.

Штейнфельд говорил с гневным блеском в глазах:

— Весь ужас в том, что наши «дела» придумываются! Да, да, высасываются из нашей крови! Это делают мер-

завцы-карьеристы. Среди них, я убежден, и шизофреники, и сознательные преступники!.. А тех и других знаете что порождает? Злокачественная »система«! Следователю за каждое быстро полученное »признание« выдается премия!.. Садисты-фальсификаторы!

.....
Вскоре грянул гром и над терапевтом Штейнфельдом.

Надзиратель Вагин запоздал снять утром замок с дверей барака, в котором спал дежурный врач. Штейнфельд пришел в пищеблок после того, как там уже все были на местах. Вагин, ругаясь, прогнал доктора. Потом заглянул к нему в корпус и, облизывая губы (подкрепился на кухне!), виновато спросил:

— Обиделся?.. На волю выйдешь, приду к тебе лечиться, так в очередь, должно, поставишь?

— Я вас и в очереди не приму! — отрезал Штейнфельд.

Вагина передернуло. Он ушел на вахту и сразу же настрочил рапорт, будто Штейнфельд проспал и сорвал завтрак.

Перед разъяренным майором стоял ни в чем не повинный доктор.

— Врете! — кричал Этлин, выкатывая мутно-серые глаза и не желая слушать объяснений.

— Я, гражданин начальник, никогда не лгу, — спокойно заметил Штейнфельд. — Не выношу, когда и другие лгут, кто бы они ни были... Позавтракать успели все. Работяги вовремя вышли на развод. А Вагин просто непорядочный тип.

— »Тип«, »тип«!.. Все у вас типы!.. Да!.. Мне доложили, что вы читаете »Капитал« Маркса?

— Читаю.

— Откуда у вас эта книга? Кто разрешил?

— Бандероль получил от дочери... А разрешил оперуполномоченный.

— Гм!.. Критику на марксизм наводите? Бросьте эти штучки!

Штейнфельд улыбнулся.

— Интересуюсь процессом обращения капитала, гражданин майор.

— Знаем вас!.. Маскируетесь!

— Я никогда не скрывал своего лица коммуниста.

— Он — коммунист, а? Как только язык поворачивается!.. Я научу вас порядку!.. В карцер!..

Доктора посадили на пять суток строгого режима: холод, без теплой одежды, полмиски баланды в день.

.

ЯКОВ РОМ

Комиссовка закончилась к вечеру. На этап ушло человек двадцать. А после ужина нарядчик принес формуляры на вновь поступивших: тридцать живых и тридцать первый мертвый. Акт гласил, что заключенный был застрелен конвоем при попытке к бегству.

— Что-то много таких актов, — сказал я. — Главное, «бегут» те, кто, судя по истории болезни, и ходить-то не в силах.

Юрка проговорил вполголоса:

— Ты разве не знаешь? Конвоиров за «бдительность» премируют. Оформляй, старик, поскорее этап и приходи в барак. На сон грядущий буду всем читать Есенина. Тебе могу и авансом. Хочешь?

Он сел на табурет, перекинул ногу за ногу.

— «Я знаю — время даже камень крошит... И ты, старик, когда-нибудь поймешь, что, даже лучшую впрягая в сани лошадь, в далекий край лишь кости привезешь...»

Юрка читал, я слушал его и вдруг заметил формуляр со знакомой фамилией. Ром!.. Яков Моисеевич... Мой тюремный друг!.. Полгода в одной камере!..

— Юрка! Уже развели этап по корпусам?

— Не перебивай! Какой ты, право... В бане еще!

Я сорвал с гвоздя бушлат и выбежал из канцелярии.

Яков Ром! Один из первых в стране начальников политотделов МТС. Награжден за работу в деревне орденом Ленина... С какой гордостью говорил он об этом в тюрьме!.. А как скандалил со следователем! Часто уводили его за это в карцер... И он и я объявляли голодовки протеста... От бутырской пицци у Рома обострилась язва желудка, шла горлом кровь. Он попросил купить свежего творога. Следователь сказал: «Признаешься — получишь и сметану»...

Два санитаря несли носилки с больным, укрытым

одеялом. Позади шагал надзиратель с ушами-варениками. В воздухе кружились снежинки.

Я остановил санитаров, отвернул одеяло, покрытое холодным белым пухом.

Он!

— Яков Моисеевич!

Из-под лагерного треуха на меня глядели усталые, бесцветные глаза. Губы чуть раздвинулись в скорбной улыбке.

— Что с тобою? — ненужно спросил я.

— Опять кровь...

— Не задерживаться! — прикрикнул надзиратель.

Рома понесли в пятый корпус. Я вспомнил: в библиотеке есть книжка его жены, писательницы Игумновой.

... Я поспешил в пятый корпус.

Ром лежал на койке с открытыми глазами. В палате — полумрак. Пахло йодоформом.

— Яков Моисеевич! Смотри!

Он повернул ко мне голову, увидел книжку, приподнялся, выхватил ее из моих рук и вдруг засмеялся:

— Неправда...

Поднес книжку к глазам.

— Танина... Танина... книжка... — Он задыхался от волнения. — Вот и повстречались, повстречались... А долго можно ее не отдавать... книжку? — спросил тревожно.

— Держи сколько хочешь...

Пробил отбой. С разрешения начальника режима Кузника я задержался в канцелярии, оформлял документы до поздней ночи. И все думал о своем...

»Страшен не лагерь. Он и должен быть строгим для преступников. Страшно другое: здесь — наказанные без преступления. Таких сотни, а может быть... ужасно об этом подумать... тысячи и тысячи!.. Кто загнал нас сюда? Кто объявил нас врагами?.. Фашисты, ненавистники советского строя? Так нет же! Это бесчеловечное и жестокое совершают люди, у которых такие же партийные билеты, какие были у нас... Мы вместе строили новую жизнь, защищали ее! Вот что сводит с ума!«

И снова загорелась мысль, не оставлявшая меня в лагере ни на один день:

»Неужели Сталин обо всем этом не знает? Оклеветали

и расстреляли в тридцать седьмом плееду военачальников, секретарей обкомов, членов ЦК, до сих пор держат за колочим забором Тодорского и других ни в чем не виновных коммунистов, старых большевиков, тех, для кого партия Ленина — вся жизнь, весь смысл ее! Сталин поверил, что это все враги? Но если его могли так обмануть, значит, он не тот великий и мудрый, которому мы верили, которого любили и которого Барбюс назвал »Лениным сегодня«! . .

»ЛИТЕРАТУРНЫЕ« ПСЕВДОНИМЫ

Во всех странах есть люди, которые предпочитают писать под псевдонимом. Так было и будет. Например, вместо Покровский — Медынский, вместо Рабинович — Шолом-Алейхем. Но когда в советской молдавской республике еврейское имя Векслер превращается в чисто молдавское Влэстару, в русской республике еврейское имя Рабинович превращается в русское Вольнский, когда такие псевдонимы **вынуждены** взять почти все писатели с еврейскими именами, что вовсе не обязательно для других писателей, то здесь идет речь не о литературе, а о социальном неравноправии, о борьбе за существование, вкратце — о советском антисемитизме.

Ниже приводится неполный список советских писателей еврейского происхождения с соответствующими псевдонимами.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Адалис	Эфрон Аделина Ефимовна, поэт, прозаик, переводчик	Москва, ул. Б. Хмельницкого, Старосадский пер., д 4/5, кв. 37.
Алешин С.	Котляр Самуил Йосифович, драматург	Москва Д-319, 2-я Аэропортовская ул., д. 7-15, кв. 78.
Анненков Ю.	Анненков-Солитерман Юлий Лазаревич, прозаик	Москва К-6, ул. Медведева, д. 8, кв. 11.
Арго	Гольденберг Абрам Маркович, поэт, драматург, переводчик	Москва, Арбат, д. 54, кв. 105.
Арсенева Клара	Арсеньева-Букштейн Клара Соломоновна, поэт	Москва, ул. Кирова, д. 15, кв. 33.
Белов А.	Элинсон Авраам Моисеевич, прозаик, переводчик	Ленинград П-47, Морской проспект, д. 37, кв. 31.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Буркатов Б.	Гольденштейн Борис Абрамович, критик	Украинская ССР, Киев, пер. Коцюбинского, д. 3/17, кв. 6.
Былинов	Бейлинов Александр Иосифович, прозаик	Украинская ССР, Днепропетровск, ул. 40 лет Октября, д. 1, кв. 3.
Бытовой Семен	Каган Семен Михай- лович, поэт, очеркист	Ленинград, Невский просп., д. 110, кв. 32.
Важдаев В.	Рубинштейн Виктор Моисеевич, прозаик	Москва, Ломоносов- ский просп., д. 15, кв. 45.
Венгров Натан	Файвелевич Моисей Павлович, литературо- вед, критик	Москва, Тихвинский пер., д. 10/12, кв. 67.
Вендров З.	Вендровский Давид Ефимович, прозаик, переводчик	Москва Г-19, ул. Фрунзе, д. 13, кв. 53.
Блэстару Б.	Векслер Борис Мошкович, прозаик, очеркист	Молдавская ССР, Ки- шинев, Костюженское шоссе, д. 7.
Володин А.	Лившиц Александр Моисеевич, драматург, прозаик	Ленинград, ул. Рубин- штейна, д. 20, кв. 31.
Волынский	Рабинович Леонид Наумович, прозаик	Украинская ССР, Киев, Мало-Васильковская ул., д. 23, кв. 12.
Галанов Б.	Галантер Борис Ефи- мович, критик	Москва, Ломоносовский просп., д. 19, кв. 48.
Галич	Гинзбург А. А. драматург	Москва, 2-я Аэропорт- ская ул. д. 7-15, кв. 37.
Галь Нора	Гальперина Элеонора Яковлевна, критик, переводчик	Москва, Варсанюфьев- ский пер. д. 7, кв. 14.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Гарф А.	Гарфункель Анна Львовна, прозаик	Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 14, кв. 12.
Големба Александр	Рапопорт Александр Соломонович, переводчик	Москва, Трубниковский пер. д. 24, кв. 22.
Гор Геннадий	Гор Гдалий Самуилович, прозаик	Ленинград, Канал Грибоедова, д. 9, кв. 51.
Гроссман Василий Семенович	Гроссман Иосиф Соломонович, прозаик	Москва, Беговая ул., д. 1А, корпус 31, кв. 1.
Давурин Д.	Урин Давид Исаакович, прозаик, драматург	Москва, Кутузовский проспект д. 14, кв. 16.
Давыдов И.	Шейнберг Давид Исаакович, прозаик	Тюмень, ул. Республики, д. 58, кв. 10.
Давыдов Л.	Ломберг Лев Давидович, прозаик	Москва, Ново-Суцеская ул., д. 17, кв. 5.
Давыдов Сергей	Давидович Спартак Давидович	Ленинград, ул. Куйбышева, д. 19, кв. 8.
Дар Д.	Рывкин Давид Яковлевич, прозаик, драматург	Ленинград, Марсово Поле, д. 7, кв. 4.
Дворецкий Игнатий	Дворецкий Израиль Моисеевич	Иркутск, ул. Освобождения, д. 129.
Делану Ливну	Ригман Лейба Самуилович, поэт, драматург	Кишинев, ул. 28 Июня, д. 40.
Днепров В.	Резник Вольф	Ленинград, канал Грибоедова, д. 9, кв. 88.
Ермашев И.	Иерухимович Исаак Израилевич, очеркист, прозаик	Москва, М. Толмачевский пер., д. 6/7, кв. 34.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Жестев Мих.	Левинсон Марк Ильич, прозаик, очеркист	Ленинград, канал Грибоедова, д. 9, кв. 48.
Знаменский В.	Зарохович Яков Абра- мович, прозаик	Калининград, Зооло- гический пер., д 6, кв. 4.
Заречная	Кочановская Софья Абрамовна, прозаик	Москва, ул. Чехова, д. 8, кв. 15.
Званцев Сергей	Шамкович Александр Исаакович	Ростов на Дону, ул. Суворова, д. 18, кв. 11.
Зив Ольга	Вихман Ольга Макси- мовна, прозаик	Москва, 2-я Аэропорт- ская ул., д. 7-15, кв. 54.
Зорин Михаил	Симхович Михаил Израилевич, прозаик, критик	Рига, ул. Ленина, д. 66, кв. 15.
Кленов Андрей	Купершток Аарон Ильич	Москва, 2-я Аэропорт- ская ул. д. 7-15, кв. 66.
Кондря Константин	Кон Калман Абрамович	Кишинев, ул. Ленина, д. 66, кв. 162.
Кучар Алесь	Кучар Айзик Авеле- вич, критик, драматург	Минск, ул. Яна Купа- лы, д. 18/30, кв. 87.
Лаврецкий А.	Френкель Иосиф Мои- сеевич, литературовед, критик	Москва, 1-я Черемуш- кинская д. 4/34, корпус Б, кв. 11.
Ланской М.	Либенсон Марк Зоси- мович, прозаик- драматург, очеркист	Ленинград, Серпухов- ская ул., д. 2, кв. 24.
Максимов М.	Липович Марк Давидович, поэт	Москва, 2-я Хорошев- ская ул., д. 10, корпус 124, кв. 94.
Метелица Семен	Ицкович Соломон Бо- рисович, прозаик, поэт	Улан-Уде, ул. Куйбышева, д. 21.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Нагорный С.	Вайсбейн Семен Григорьевич, прозаик	Москва, 2-я Аэропортская ул., д. 7-15, кв. 44.
Нальский Я.	Нудель Яков Исакович, прозаик литературовед	Душанбе, проезд Куйбышева, д. 6, кв. 3.
Нович Иоан Савельевич	Файнштейн, литературовед, критик	Москва, проезд МХАТ'а, д. 2, кв. 42.
Огнецвет	Каган Эди Семеновна, поэт	Минск, проспект Сталина, д. 39, кв. 5.
Озеров Лев	Гольдберг Лев Айзикович, поэт	Москва, 2-я Аэропортская ул. д. 7-15, кв. 128.
Пархомов М.	Клигерман Михаил Ноевич, прозаик	Киев, Красноармейская ул., д. 7/9, кв. 7.
Перов Г.	Перпер Григорий Самуилович, переводчик, поэт	Кишинев, ул., Пирогова, д. 58.
Рабий Барбу	Рабинович Барух Хилелович, критик, поэт	Кишинев, — башевская ул. д. 12, кв. 4.
Ратволина Ида	Литвакова Юдифь Марковна, прозаик, критик	Москва, 1-я улица Строителей, д. 4, корпус 7.
Рунин Б.	Рубинштейн Борис Михайлович	Москва, Стретенка, Просвирин пер., д. 7, кв. 9.
Самойлов Д.	Кауфман Давид Самуилович, поэт	Москва, площадь Борьбы, д. 15, кв. 49.
Самойлов	Фарфель Соломон Шмулевич, очеркист	Ленинград, Марсово Поле, д. 7, кв. 53.
Снегов Сергей	Штейн Сергей Иосифович, прозаик	Калининград, Красная ул., д. 36, кв. 7.

Псевдоним	настоящее имя	адрес
Танк Евг.	Канторович Евгений, очеркист, переводчик	Ленинград, Суворов- ский проспект, д. 30/9, кв. 22.
Тонин Ю.	Эшман Юлий Ароно- вич, прозаик	Ленинград, Мойка, д. 40, кв. 3.
Феличев Е.	Фельдман Ефим Абрамович, драматург	Москва, Филипповс- кий переул. д. 16, кв. 8.
Шляху Самсон	Шлейзер Самсон Гершович, прозаик.	Кишинев, ул. Ленина, д. 34.

ЖЕРТВЫ КУЛЬТА ЛИЧНОСТЕЙ

(Список далеко не полный)

- Абарбанил** — еврейский поэт. Репрессирован в период культа личности.
- Алешковский Юзек**, поэт, автор популярной песни «Тов. Сталин, вы — большой ученый». Не имеет права работать в области литературы. Работает на самосвале в Москве.
- Альбертон Мейер Иосифович**, 15. 8. 1900 — 20. 11. 1947. Еврейский писатель. Альбертон впервые ввел в еврейскую литературу производственную тематику, но несмотря на это в 30-х годах подвергался репрессиям.
- Альтман Йоган Львович**, 1. 5. 1900, Бессарабия — 20. 2. 1955., Москва. Литературовед и театральный критик. Репрессирован в 1948 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Альтман Мойше Ильич**, 25 4. 1890, Липканы, Бессарабия. Еврейский писатель, приехавший в СССР в 1940 году. Репрессирован в 1949 году, реабилитирован после смерти Сталина.
- Арго** (настоящее имя **Абрам Маркович Гольденберг**) 2. 2. 1887, Кировоград. Поэт, начал печататься в 1917 году. Репрессирован в 40-х годах и реабилитирован после смерти Сталина.
- Бабель Исаак Эмануилович**, 1. 7. 1894, Одесса — 17. 3. 1941. Один из самых больших советских писателей. Был арестован в 1939 году и погиб в концлагере.
- Баясная Рива Наумовна**, 21. 1. 1910, Радомысль — еврейская поэтесса, член коммунистической партии с 1929 года. Родилась в бедной семье, воспитывалась в детдоме. Репрессирована в 30-х годах и реабилитирована после смерти Сталина.
- Баумволь Рахиль Львовна**, 4. 3. 1914, Одесса. Еврейская поэтесса. Пишет на еврейском и русском языках. Репрессирована в 1948 году и реабилитирована после смерти Сталина.

- Берестинский**, кинодраматург. Репрессирован в сталинское время. Реабилитирован после смерти тирана.
- Бергельсон Давид Рафаилович**, 12. 8. 1884, Киевская губерния — 1952. Один из самых больших советских еврейских писателей. По словам Советской Энциклопедии был незаконно репрессирован (в отличие от законно-репрессированных писателей). Реабилитирован посмертно.
- Биль-Белоцерковский Владимир Наумович**, 28. 12. 1884, Украина. Писатель, драматург, член коммунистической партии с 1917 года. Репрессирован в 1949 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Блоштейн Г.** родился в 1895 году. Приехал из заграницы в Советский Союз для строительства социализма и коммунизма. Был однако репрессирован и в Литературной Энциклопедии 1962 года не упоминается. Надеемся, что этот большой писатель будет реабилитирован в СССР в недалеком будущем.
- Борщевский Соломон Самуилович**, 8. 7. 1895, Днепропетровск — 14. 4. 1962, Москва. Литературовед, выступил в печати в 1912 году. Репрессирован в 1938 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Бровман Григорий Абрамович**, 1. 8. 1907, Бессарабия. Литературный критик, член партии с 1942 года. Начал печататься в 1931 году. Репрессирован в 1948 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Бродский Иосиф**, молодой поэт Ленинграда. Род. в 1940 г. Был выслан из Ленинграда в 1964 г. как «тунеядец», потому что писал стихи дома без того, чтобы был принят в Союз Ленинградских Писателей. Ему предлагали физическую работу на заводе, но он отказался.
- Бронштейн Илья** — 1897-1937. Еврейский литературный критик.
- Бронштейн Лев Семенович**, журналист, работавший в отделе фельетонов в редакции газеты «Правда». Погиб в 1937 году.
- Вайсенберг И.** 1881-1934. Воспевал в стихотворной форме героизм рабочего класса, его революционную борьбу. Был однако репрессирован и в Литературной Энциклопедии 1962 года не упоминается.

Вальбе Борис Соломонович, 22. 12. 1889, Шепетовка, Волынская губерния. — Литературовед и критик. Репрессирован в 1938 году, реабилитирован после смерти Сталина.

Венгров Натан (настоящее имя **Моисей Павлович**), 4. 4. 1894, Полтавская губерния. Писатель, член компартии с 1920 года. Подвергался репрессиям царского правительства, а также сталинского правительства. Был арестован в 1938 году и реабилитирован после смерти Сталина.

Вендров З. (настоящее имя **Давид Ефимович Ведровский**), 5. 1. 1877, г. Слуцк. Еврейский писатель, родился в семье учителя, работал на ткацкой фабрике в Лодзи. На протяжении многих лет подвергался сталинской репрессии, но был реабилитирован после смерти тирана.

Вергелис Аарон Артилович, 7. 5. 1918, Украина. Еврейский поэт. Печататься начал в 1935 году. Арестован в 1949 году и реабилитирован после смерти Сталина.

Войтоловский Лев Наумович, 19. 2. 1876, Полтавская губерния — 7. 11. 1941. Писатель и критик. В 1901 году окончил медицинский факультет и тогда же начал печататься. С 1904 года регулярно работал в марксистской печати до 30-х годов. Продолжал писать до самой смерти, но его работы не печатались.

Галкин Самуил Залманович, 5. 12. 1897, местечко Рогачево, Белоруссия — 21. 9. 1960, Москва. Еврейский поэт и драматург, печатался с 1920 года. Его глубоко эмоциональные стихи, оригинальные по форме, оказали влияние на развитие еврейской советской поэзии. Хорошо владел лирико-философской афористичностью. Был арестован в 1950 году, но пережил ссылку и был освобожден после смерти Сталина.

Сочинения: «Земные Пути», «Дерево Жизни», драматические произведения «Бар-Кохба», «Суламифь», «Душа, которая поет», «Восстание в гетто». Переводил Пушкина, Маяковского, Блока, Есенина и других на еврейский язык.

Гаузнер Григорий Осипович, 1907, Москва — 4. 9. 1934. Русский писатель, принадлежавший к группе конструкторов.

- Гейман Борис Яковлевич**, 8. 8. 1899. Русский литературовед, специализировавшийся в области германистики. Не печатался с 1937 до 1955 года (за исключением одной заметки в журнале ленинградского университета).
- Ген Тевье Григорьевич**, 5. 5. 1912, Литва. Еврейский писатель. Начал печататься с 1930 года. Автор сборников «Новеллы», «В Добрый час», книги «Уцелевшая тетрадь».
- Гильдин Х.** 1885 — 1938. Еврейский поэт, который не был вполне реабилитирован до сегодняшнего дня.
- Гимельфарб Борис Вениаминович**, 16. 9. 1880, Мариуполь — 15. 9. 1955, Москва. Писатель, критик и переводчик. С 1934 и до самой смерти больше не печатался.
- Гинзбург, Александр** — молодой ленинградский литератор, автор «Белой книги по делу Синявского и Даниэля». Приговорен к 5 годам тюремно-исправительных работ в 1967 году.
- Гинзбург Евгения.** Советская писательница, пережившая 19 лет ссылки. Автор нашумевшего романа «Крутой маршрут», изданный на английском языке издательством «Флегон Пресс». Мать либерального, талантливого, но постоянно критикуемого советского писателя Н. Аксенова.
- Гинзбург Лидия Яковлевна.** 18. 3. 1902, Одесса. Литературовед. С 1948 и до 1957 года не печаталась.
- Голодный Михаил** (настоящее имя **Михаил Семенович Эпштейн**) 11. 12. 1903. Бахмут. 2. 1. 1949 года, Москва. Поэт, член компартии с 1939 года. С 12-ти лет работал на гребеночной фабрике. Начал печататься с 1920 года. Был под влиянием теорий группы «Перевала». С 1942 года не печатался. Был реабилитирован посмертно в 1956 году.
- Гольдберг Исаак Григорьевич**, 27. 10. 1884, Иркутск — 2. 12. 1939. Писатель. Отец был сослан в Сибирь царским правительством, а сам Исаак Гольдберг погиб в советской тюрьме. Максим Горький ставил поэму Гольдберга «О фарфоровой чашке» в число лучших произведений о социалистическом заводе. Был реабилитирован посмертно.

- Гольдиес (Гольдерстейн) Ольвер Моисеевич**, 6. 2. 1900, Кишинев — критик, литературовед и драматург. Начал печататься с 1927 года. Пьесы «Еврейский солдат», «Другие люди» и проч. ставились в еврейских и украинских театрах. Репрессирован в 1949 году и получил право печатать снова свои произведения в 1962 году.
- Гонтарь Авраам Юдкович**, 7. 3. 1908, Бердичев — еврейский писатель, член компартии с 1940 года. Начал печататься с 20-х годов. Был репрессирован и 15 лет не печатался — с 1942 до 1957 года.
- Гордон Илья Зиновьевич**, 2. 12. 1907, Запорожская область — еврейский писатель. По утверждению Советской Литературной Энциклопедии, родился в семье крестьянина-бедняка. Был репрессирован и с 40-х и до 57 года не печатался.
- Гордон Самуил Вульфович**, 12. 11. 1909, Каунас — еврейский писатель. По утверждению той же Энциклопедии родился в рабочей семье. Был освобожден советской армией с другими жителями балтийских стран и репрессирован в 1949 году. Начал снова печататься в 1961 году.
- Горшман Шира**, 28. 3. 1906, Каунаская область — еврейская писательница. В 1923 году выехала в Палестину и в 1929 году приехала в СССР для того, чтобы в 1949 году подвергнуться репрессиям. Начала снова печататься в 1961 году в Варшаве, а в 1963 году — в СССР.
- Гофштейн Давид Наумович**, 25. 7. 1889, Житомирская область — 12. 7. 1952. Еврейский поэт, член компартии с 1940 года. Начал писать с 1911 года. Был одним из начинателей еврейской советской поэзии. Г. — мастер колоритного реалистичного стиха, которому присущ лиричный и мелодичный ритм, богатые ассонансы. По утверждению Литературной Энциклопедии, Г. восторженно встретил октябрьскую революцию, писал о величии революции и обличал ее врагов. Но, утверждает та же Советская Энциклопедия, был незаконно репрессирован и реабилитирован, но, конечно, посмертно.
- Гринберг Иосиф Львович**, 26. 4. 1906, Запорожье — критик. Выступает в печати с 1931 года. Репрессирован

по всем советским правилам и до 1958 года не печатался.

Губерман Айзик Шмулевич, 1. 4. 1906, Каменец-Подольская область. Еврейский писатель. Печататься начал в 1928 году. Вступил в коммунистическую партию в 1945 году. Губерман выступает также как драматург. Был репрессирован в 1948 году и освобожден из концлагеря после смерти Сталина. Начал снова печататься с 1962 года.

Гуковский Григорий Александрович, 18. 4. 1902 — 2. 4. 1950. Литературовед. Профессор Ленинградского и Саратовского университетов. Одним из первых в советском литературоведении обратился к изучению русской литературы 18 века. Был репрессирован в 1949 году. Посмертно реабилитирован.

Гурвич Авраам Соломонович, 30, 1. 1897, Волынская губерния — 18. 11. 1962, Москва. Литературный и театральный критик. Начал печататься в 1925 году. Главная книга — «В поисках героя» 1938 года. Был репрессирован и с 1938 года больше не печатался. Был реабилитирован после смерти Сталина.

Даниэль М. (Псевдоним). Настоящее имя Марк Наумович Мейерович. 1900, Двинск — Декабрь 1940. Еврейский писатель. Принимал участие в рабочем движении. Талант прозаика раскрылся в повести «На пороге» 1928 г. Автор рассказов и повестей «Рахмиель — ночной сторож», 1925. «На 7-й линии» 1928, «К Ленину» 1925, «Юлис» 1930, «Петр Лукомский» 1938 и пьес — «Зямка копач» 1936, «Изобретатель и комедиант» 1937. Был арестован в 1938 году. Погиб в тюрьме.

Даниэль Юлий, автор популярных рассказов «Человек из МИНАПА», «Руки» и др. Послан в 1965 г., на 5 лет, в концлагерь за свои литературные произведения.

Дижур Белла Абрамовна, 17. 7. 1906, Киевская область, писательница. Начала печататься в 1936 году, но вскоре была выслана в Сибирь и начала печататься снова после смерти Сталина. Автор стихотворных сборников «Раздумья» 1954, «Улий» 1962, поэмы «Януш Корчак» 1961, научно-популярных книг для детей «Зеленая лаборатория» 1954, «Путешествен-

ники-невидимки» 1956, «Волокнистый камень» 1958, «Чудесные превращения» 1958, «Фонарь земли» 1961 и другие.

Днепров (настоящая фамилия **Резник**) **Владимир Давидович**, 11. 6. 1903, Киев. Литературовед. Литературную деятельность начал в 20-х годах. Был репрессирован в 30-х годах и реабилитирован после смерти Сталина.

Добрушин Иехезкиль Моисеевич, 28. 11. 1883 — 11. 8. 1953. Еврейский драматург и критик. Был членом редколлегии журнала «Поток» (1922-1924) и газеты «Единство» (1942-1948). Автор многих пьес, рисующих переход евреев к земледельческому труду (по заказу партии). Был арестован в 1948 году в возрасте 66 лет и умер в концлагере.

Драбкина Елизавета Яковлена, 3. 12. 1901, Брюссель. Писательница-публицист. Член коммунистической партии с 1917 года. Родилась в семье профессиональных революционеров. Работала секретарем Якова Свердлова. Была арестована в 1934 году и реабилитирована после смерти Сталина. Автор воспоминаний о Ленине, Свердлове, Розе Люксембург и проч.

Дрейден Симон Давидович, 19. 12. 1905, Петербург. Литературовед и театровед. Начал печататься в 1923 году. Его литературная деятельность была прервана с 1940 и до 1959 года, так как был оклеветан и послан в концлагерь.

Зильберштейн Илья Самуилович, 15. 3. 1905, Одесса. Литературовед и искусствовед. Печатается с 1921 года. Один из инициаторов и редакторов сборников «Литературное наследство». Репрессирован в 1949 году. Реабилитирован после смерти Сталина в 1956 году.

Ивантер Нина Абрамовна, 12. 3. 1910, Вильно. Писательница. Репрессирована в 40-х годах и реабилитирована после смерти Сталина.

Ильина Елена, 16. 6. 1901, Воронежская губерния — 2. 11. 1964, Москва. Писательница, сестра Маршака. Репрессирована в 40-х годах и реабилитирована после смерти Сталина.

Исбах Александр, 30. 1. 1904, Витебская губерния. Писатель, член компартии с 1926 года. Печатается с 1920 года. Репрессирован в 40-х годах и реабилитирован после смерти Сталина.

Каган Авром Яковлевич, 27. 12. 1900 — 17. 12. 1965. Еврейский писатель, печатался с 1922 года. Репрессирован в 45 году и реабилитирован после смерти Сталина.

Канторович Владимир Яковлевич, 2. 4. 1901. Писатель. Начал печататься в 1929 году. В 37 году был репрессирован и лишь в 1956 году вернулся к литературному труду.

Каплер Алексей Яковлевич, 28. 9. 1904, Киев. Кинодраматург. Арестован в 1943 г., просидел 5 лет в Воркуте и 5 лет в лагере под Интой.

Квитко Лев М. талантливый поэт-самоучка, ликвидирован в 50-х годах.

Кольцов Михаил Ефимович, 12. 6. 1898-1942 (день смерти неизвестен). Самый талантливый и популярный журналист советской печати. Редактор «Правды», «Огонька», «Крокодила». Член-корреспондент Академии Наук СССР, депутат Верховного Совета до самого ареста.

Коржавин Н. (Наум Мендель), 14. 10. 1925. Это был единственный советский поэт, который имел храбрость при жизни Сталина писать и открыто читать стихи против Сталина. То, что Мендель читал их, — пишет Евтушенко, — его видимо и спасло, ибо поэта, по всей вероятности, сочли ненормальным и всего-навсего выслали в Сибирь. Евтушенко приводит следующий отрывок:

»А там, в Москве, в пучине мрака,
В шинели, он смотрел на снег,
Не понимавший Пастернака
Суровый, жесткий человек«.

Реабилитирован после смерти Сталина.

Котляр Иосиф Соломонович, 12. 2. 1908 — 15. 9. 1962. Еврейский поэт. Репрессирован в 1949 году и реабилитирован после смерти Сталина.

Кушниров Аарон Давидович, 7. 1. 1890, Киевская губерния — 7. 9. 1949 — советский концлагерь. Еврейский поэт, член коммунистической партии с 1942 года. Участник Первой Мировой Войны, награжден Георгиевским Крестом. После октябрьской революции вступил добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях с болополяками. Начал печататься с 1920 года на русском и еврейском языках. Один из организаторов еврейской пролетарской литературы. С первых дней Великой отечественной войны ушел добровольцем на фронт и, согласно Литературной Энциклопедии, «с боями вывел из окружения большую группу бойцов». И несмотря на это, в возрасте почти 60-ти лет был арестован по приказу Центрального комитета и ликвидирован. Единственная вина — еврейское происхождение.

Лаврецкий А. (настоящее имя **Иосиф Моисеевич Фенкель**), 23. 3. 1893 — 14. 7. 1964. Литературовед. Печататься начал в 1912 году. Арестован в 1950 году и реабилитирован в 1955 году, после смерти Сталина.

Лежнев И. (настоящее имя **Исай Григорьевич Альтшулер**) 22. 2. 1891 — 9. 10. 1955. Литературовед и публицист. Член Р.С.Д.Р.П. с 1906 года. В годы революции и гражданской войны работал в красноармейской печати. Заведовал отделом информации при газете «Известия ЦК». В 1926 году был наказан партией и выслан за границу, откуда возвратился на свое несчастье в 1930 году. В 1935-39 заведовал отделом литературы и искусства газеты «Правда». В 1949 году был репрессирован и был обязан прервать литературную деятельность до конца жизни. Был реабилитирован посмертно.

Лившиц Мендель Нахумович, 1. 1. 1907, Белоруссия. Еврейский поэт. Репрессирован в 1939 году. Первая книжка после реабилитации была напечатана в 1957 году.

Литваков М. — 1880-1937. Еврейский литературный критик.

Лозинский Михаил Леонидович, 8. 7. 1886 — 1. 2. 1955. Писатель, переводчик. Печататься начал в 1915 году. Репрессирован дважды — в конце 30-х, а также в конце 40-х годов.

- Лойцкер Ефим Берович**, 2. 3. 1898. Еврейский литературовед и критик. Репрессирован в 1949 году.
- Лурье Натан Михайлович**, 2. 1. 1906, Запорожье. Еврейский писатель. С 13-ти лет занимался сельскохозяйственным трудом. Был ответственным секретарем журналов «Пионер» и «Юнгвалд». Работал в газете «Дер Эмес». Репрессирован в 48 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Лурье Ноах Гершелевич**, 12. 12. 1886, Белоруссия — 18. 5. 1960. Еврейский писатель. Работал грузчиком, строителем, был учителем. Участник Первой мировой войны. Доброволец Красной Армии. Выступал как новеллист, драматург, переводчик. Репрессирован в половине 40-х годов и реабилитирован после смерти Сталина.
- Лурье Соломон Яковлевич**, 8. 1. 1891, Могилев — 30. 10. 1964, Львов. Филолог-эллинист. Репрессирован в 48 году и реабилитирован после смерти Сталина.
- Мальтинский Хаим Израилевич**, 4. 8. 1910. Еврейский поэт, член коммунистической партии с 43 года. Родился в семье ремесленника. Печататься начал в 1924 году. Арестован в 1949 году. Помилован за свое еврейское происхождение Центральным комитетом партии в 1955 году.
- Мандельштам Осип Эмильевич** — см. отдельную статью.
- Мандельштам Роза Семеновна**, 17. 11. 1875, Ростов на Дону — 17. 6. 1953. Библиограф. Репрессирована в 30-х годах. Некоторые ее работы были опубликованы посмертно после смерти Сталина.
- Маркиш Перец Давидович**, 25. 11. 1895 — 12. 8. 1952. Еврейский писатель. Начал печататься в 1917 году. В 1921 году уехал за границу в капиталистические страны. В 1926 году сделал роковую ошибку, которая привела его к смерти, т.е. решил возвратиться на родину, где в результате нелегальности официального антисемитизма был арестован после 1948 года и погиб в концлагере.
- Меламуд Хаим Гершкович**, 15. 9. 1907, Украина. Еврейский писатель, член компартии с 1936 года. Участник Великой отечественной войны. Автор романов,

повестей и рассказов, а также очерков на еврейском, украинском и русском языках. Репрессирован в сороковых годах.

Однопозов Наум, поэт из Риги, арестован в 60-х годах и заключен в психиатрическую больницу за свои стихи, направленные против антисемитов.

Сегалович З. 1884-1948. Еврейский поэт. Репрессирован за националистические тенденции.

Фефер Ицик, известный еврейский поэт, ликвидирован в период гонений против «космополитов» (читай — евреев).

Хашин А. Еврейский литературный критик. Ликвидирован в 1937 году.

Харик И. 1898 — 1937. Поэт. Встретил восторженно октябрьскую революцию, но был жестоко ликвидирован.

Эйнгорн Д. — еврейский поэт. Был репрессирован якобы за националистические тенденции.

Эрик М. 1898-1937. Еврейский литературный критик. Погиб в тюрьме.

ТРАГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Евреи — не частная собственность КПСС. Когда-нибудь советской или иной власти на территории Союза придется евреев отпустить.

«Государство, огороженное со всех концов пограничными постами, минами и собаками... Государство, в котором стало так тошно, что жить больше не хочется... Ох, побегу-ка я к границе и надсажу-ка я свою грудь на штык пограничника: может, хоть перед смертью удастся вдохнуть глоток воздуха свободы».

У кого из советских евреев не появлялась подобная мысль? В атмосфере отчаянья все советское кажется черно, а все заграничное — бело. В действительности это далеко не так. Подобные мысли — результат отрезанности от мира и от правдивой информации. Если, однако, Советский Союз — олицетворение зла, то его границы далеко не совпадают с государственными границами СССР. Границы эти проходят сквозь все государства и народы, по всем местам земного шара. И в Израиле сволочей не меньше, чем в любой другой стране. На Западе полно красных, сочувствующих советской диктатуре, в то время как сами они предпочитают жить при «гнилом капитализме». Границы зла проходят по сердцам каждого индивидуально, а государственные границы здесь не при чем.

Перед советскими евреями стоит трагическая дилемма: выезжать или не выезжать, когда появится свобода эмиграции. Трагедия здесь в том, что уезжать будут не по доброй воле, т. к. никому не хочется оставлять родные места, хранящие могилы предков, места, которые еврей привык считать своей родиной.

Общего и огульного ответа на этот вопрос быть не может. Однако, при решении, следует иметь в виду, что за границей советский еврей, не знающий другой культуры, кроме русской, автоматически превращается в русского. Кроме того, передвижение в пространстве не приносит счастья и избавления от бед. «Новое место — новые

беды». На Западе, и особенно в Израиле, эмигрантов ожидают большие трудности, и если советский еврей принял решение ждать неизвестного «когда-нибудь», чтобы уехать, то он должен быть готов ко всему — к полному разочарованию, отчаянью, переоценке всех ценностей. Он должен понять, что за границей его враг переменял обличье и тактику, но что это тот же враг. Он должен быть готов бороться с врагами в любом обличье, а этих обличий-масок огромное множество. Тут и «борец за свободу и демократию», и «убежденный антикоммунист», и «сионист», и «националист-патриот», и многие другие — люди, без сомнения, самые приличные. Однако часто под этими названиями скрываются бессовестные нахалы и притеснители, беспринципные и бесцеремонные авантюристы, и их-то нужно уметь выявить в любом обличье.

Трагедия советских евреев еще и в том, что они живут иллюзиями. Они думают, что стоит им только выехать за границу СССР, как перед ними откроются райские ворота. Им кажется, что за границей стоят толпы людей и ждут их с распростертыми объятиями. А горькая правда в том, что их никто особенно не ждет и они никому не нужны. Израиль пока еще не приспособлен к затруднению больших масс советских евреев, которые в своем большинстве — специалисты по разным отраслям техники, науки и культуры. Если врач и инженер еще находят работу по специальности, то деятелю культуры, особенно русской культуры, в Израиле делать нечего.

Да и сионисты прекрасно понимают это положение, поэтому они никогда не говорят о поголовной эмиграции советских евреев, а только о воссоединении семей.

Кстати, о сионистах. Им приходится выслушивать упреки и нападения и справа, и слева, а в действительности ни один критик толком не может осветить сущность сионизма: сионизм изображается только в мифических образах, зачастую зловещих, но тем не менее далеких от правды. А сионизм это просто международное националистическое движение евреев, направленное к укреплению еврейского национального государства и общего положения евреев в мире. В этом смысле сионисты встречают сочувствие каждого еврея, так как в этом единстве — залог существования евреев как народа. Сейчас сионисты ведут борьбу за то, чтобы еврей

перестал играть роль пасынка в мире и занял бы достойное место среди других народов. Сионизм — это коллективная воля евреев, объединившихся для борьбы против своего векового притеснения другими народами. И они имеют полное на это право: какой народ в истории пострадал больше евреев?

Движение сионизма добилось замечательного успеха — еврейского государства, и в общем улучшило положение евреев во многих странах мира. Это сразу стало заметно по действиям врагов еврейского народа, поднявших невероятный крик о «стремлении сионистов к мировому господству». В действительности сионисты заинтересованы только в положении евреев в том или ином государстве. Их не интересует политический строй или идеология отдельных государств постольку, поскольку евреи пользуются в них равноправием. В этом смысле они не враги коммунистической идеологии, и критикуют Советский Союз только за притеснение евреев, а не за коммунизм. Сионизм стремится объединить евреев, придерживающихся любых идеологических воззрений, — по национальному принципу. О том, что национальный принцип важнее любого идеологического, свидетельствуют данные Второй мировой войны. Гитлер убивал евреев за то, что они коммунисты, а Сталин их одновременно убивал за то, что они имеют симпатии к буржуазному Западу. А в действительности и тот, и другой убивали евреев за то, что они были евреями.

Сионизм стремится к тому, чтобы это больше не повторилось. Это ответ на воинствующий антисемитизм. И в этом смысле советские евреи являются сионистами, хотя многие из них преданы коммунистическому идеалу.

НЕСКОЛЬКО АНЕКДОТОВ ИЗ НЕДАВНЕЙ ИЗРАИЛЬСКО-АРАБСКОЙ ВОЙНЫ

В Москве, во время израильско-арабской шестидневной войны, еврей разговаривает по телефону в телефонной будке.

На улице — очередь. Ждут десять минут, пятнадцать... Наконец, у ожидающих лопается терпение.

— Гражданин, мы все тоже хотим разговаривать.

— Какие вы нахалы! Когда вы, русские, воевали, я вам не мешал, так теперь вы мне не мешайте.

*

Еврей подал в суд на московского водителя такси за то, что водитель избил его без причины.

Водитель такси рассказывает, как это было:

— Я ехал в машине и слушал московскую радиопередачу. Слышу голос диктора: «Агрессор занял полосу Газы».

Еду я еще несколько сот метров и опять слышу голос диктора: «Агрессор дошел до Суэцкого канала».

Еду я еще несколько сот метров и вижу — агрессор уже за углом гуляет. Я вылез из такси и избил его.

*

Суэцкий канал. По одну сторону канала — евреи, по другую — арабы. Еврейский солдат из своего окопа кричит:

— Ахмед!

Арабский солдат Ахмед высовывает голову из окопа, желая узнать, кто его зовет, и в это время еврейский солдат прицеливается, «пок!» — и араба нет.

Снова еврейский солдат кричит «Ахмед», и снова «пок!» — и другого араба нет.

Наконец арабы понимают, в чем дело. Они решают применить этот же маневр с евреями. Один араб кричит из окопа:

— Абрам!

Абрам из своего окопа: «А кто зовет?»

Араб высовывается из своего окопа и отвечает: «Это я, Ахмед, зову». Пок! — и очередной Ахмед пропадает...

Насер звонит по телефону Косыгину:

— Что за оборудование вы нам прислали? — жалуется он. — Оно не пригодно для военных целей!

— А в чем дело? — спрашивает Косыгин.

— Ваше оборудование пришло в неполном комплекте: машины без шоферов, танки без водителей, а самолеты без пилотов.

*

— Каким образом может еврей вступить в Коммунистическую партию?

— Очень просто — по рекомендации двух арабов.

*

Косыгин звонит Насеру:

— Какого рода танки вы хотели бы получить для ваших будущих победоносных военных действий?

Насер: А вы лучше спросите Даяна.

*

— В чем сходство и в чем различие между Моисеем и Косыгинным?

— Оба дали своим народам субботу в качестве дня отдыха (в СССР сейчас в субботу не работают), но Моисей сумел вывести евреев из Египта, а Косыгин не сможет.

*

Во время военной операции на Синайском полуострове израильтяне окружили египетский отряд. У египтян — танки, первоклассное вооружение, но они не стреляют. В Каире забеспокоились и запросили по радио:

— Почему не воюете?

— А мы применяем тактику Кутузова — ждём, когда снег пойдет.

АНТОЛОГИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТОВ-ЕВРЕЕВ

Издательство Флегон Пресс сообщает читателям, что в настоящее время готовится к печати книга под вышеуказанным названием. Желая установить приблизительное количество требуемых экземпляров, просим читателей, заинтересованных в приобретении этой книги, сообщить нам их адреса с тем, чтобы мы могли послать им эту книгу с 25% скидкой.

В книгу будут включены произведения поэтов-евреев, писавших как на русском языке, так и на языках идиш и иврит (на территории СССР). Для примера приводим несколько стихотворений, помещенных в антологию.

П. Маркиш

* * *

За мной несутся злые псы,
Орут прохожие, злорадно-боязливы,
И из-за пазухи — как в лавке на весы —
Посыпались отчаянные сливы!

Я эти сливы с дерева смахнул.
Такие сливы — не для швали всякой, —
Глухой крестьянин псом меня пугнул,
Меня не испугать кудлатою собакой!

Глухой мужик живет там. Богатей.
Все задевает душу эконома!
Он вороватых подстерег парней
И трет лицо им колкою соломой.

Мой брыль сорвал он тоже прошлый год,
Я с дерева летел, ломая ветки,
По псиной морде хлобыстнул — и вот
Несусь по переулочкам, как ветер...

За мной несутся злые псы,
Орут прохожие, злорадно-боязливы,
И из-за пазухи, как с лавки на весы,
Все сыплются отчаянные сливы!

*

* * *

Ай да кони, что за кони!
Прямо с места рвутся в путь.
Оседлаешь их, погонишь,
Не забудешь подхлестнуть!

За звездою в небе чистом,
К тучам, к высям, на простор
С гиком, шумом, гудом, свистом
Поскочи во весь опор!

В поле! В лес! Дерзай, отвага! —
Крикну, прыгнув на коня.
Нравлюсь я тебе, коняга?
Погляди-ка на меня!

Ты азов понять не можешь,
Эх, тупица из тупиц!
Рассказать ли сказку?.. Что же,
Только ты не оступись.

Жил-был человек на свете,
И на свете жил-был конь...
Ты беги, лошадка-ветер!
Саблю я держу... В огонь!..

Раз, два, три... Лети удало!
Торопись, срываясь вдаль.
Бабка щепки собирала...
Собрала ль? Не собрала ль?..

Мир дрожит от гула, гуда,
Мир во льду лежит, в огне.
Но не бойся, конь, покуда
На твоей сижу спине!

1917

Осип Мандельштам

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе,
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

Вадим Шефнер

* * *

Любовь ведет через пустыни
И через горные хребты,
И на ветру она не стынет,
И не боится высоты.

* * *

Я слишком счастлива была
в жару любви твоей.
Я слишком поздно поняла,
что я была сильней.
Что мне на все хватило б сил,
на долгий, долгий срок.
Что ты о помощи просил,
когда бывал жесток.
Что можно было все спасти,
принять за все ответ.
...И некому сказать: прости —
тебя на свете нет.
И только на губах горят
бессильные слова.
К чему?!
А люди говорят,
что я еще жива.

*

ОСЕНЬ

Все в природе строго.
Все в природе страстно.
Трогай иль не трогай —
то и это страшно.

Страшно быть несобранной,
запутанной в траве,
ягодой несорванной
на глухой тропе.

Страшно быть и грушею,
августом надушенной, —
грушею-игрушкой,
брошенной, надкушенной...

Страсть моя и строгость,
я у вас в плену.
Никому, чтоб трогать,
рук не протяну.

Но ведь я — рябина,
огненная сласть!
Капельки-рубины
тронул — пролилась.

Но ведь я — как ярмарка:
вся на виду.
Налитое яблоко:
тронул — упаду!

Лес тихо охает.
Остро пахнет луг.
Девушкам плохо
без надежных рук.

Наломаю сучьев.
Разведу огонь.
Милый, самый лучший,
тронь!
...Не тронь!

*

Марк Шехтер

ЖЕНЩИНЕ

Будь мне островом Дружбы,
Благодарства страной,
Будь не знающей службы,
Своевольной волной.

Будь магическим словом,
Говорящим веслом,
Лодкой, ветром суровым
И моряцким узлом.

Распали сумасшествий
Златоглавый костер,
Расстели путешествий
Бесконечный простор.

Стройной пальмовой веткой,
Освежающей грудь,
Фантастической, редкой
Певчей птицей мне будь.

Будь души берегами,
Жизни гордой скалой,
Заливными лугами,
Раскаленной землей.

Будь березкой, разбитой
Окаянной грозой.
Будь ребячьей обидой
И прощанья слезой.

Будь загадочным небом,
Будь травой молодой.
И голодному — хлебом,
И скитальцу — звездой.

Будь колючей и трудной,
Гибкой, словно ручей,
Близкой, ежеминутной,
Не моей — так ничьей!

*

Арон Копштейн

* * *

Мы с тобой простились на перроне.
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрее во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слез не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтешь, что пулеметчик
Отступить заставил батальон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!

Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Черный ветер северной реки,
Что несется мертвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой все чище и новей,
Будешь верить: он еще вернется,
Постучится у моих дверей.
И, как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймешь, что врозь мы не умрем.

Мендель Лифшиц

* * *

Вся драма актера у нас на виду,
И смех, и смятенье, и слезы по гриму,
Но я дирижера в пример приведу,
Лицо его вещее залу незримо.
Кто видит, что мужеством взор озарен?
Зато в этих трубах огонь оживает,
И такты симфоний, как складки знамен,
И ветер борьбы нам сердца обжигает.

Перевел Л. СЕРГЕЕВ

* * *

Есть надписи, которым я не верю,
Пускай они застыли, как завет:
»Входя, повсюду закрывайте двери«,
»Повсюду, уходя, гасите свет«.
Хочу другой завет оставить в мире,
Как ни были бы надписи строги:
»Когда тыходишь — дверь открой пошире«,
»Уходишь — пламя за собой зажги!«

Перевел Ю. ШАВЫРИН

МИНСКИЙ ХЛОПЧИК

— Ну что за мальчуган — беда!
С таким не сыщешь сладу:
То целый день футбольный мяч гоняет сорванец,
То из рогатки в окна бьет,
То бегаёт по саду, —
С утра до вечера ворчит на мальчика отец.

— Ну что за мальчик — не дитя,
А наказание прямо.
Все у ребенка на уме проказы да разбой... —
И, умывая паренька,
Грустит седая мама:
— Смотри, бедовый человек, наплачусь я с тобой!

Он первый в споре и игре,
Он заправила в драке.
Зимой и летом без пальто, без шапки, налегке.
С ним водят дружбу во дворе соседские собаки.
Он, запуская голубей,
Свистит на чердаке,

Что — детство?
Утренний рассвет, подернутый туманом,
Челнок, проплывший по реке, — короткая пора.
Я тоже был еще вчера
Таким же мальчуганом,
Играл на крышах и дворах совсем еще вчера.

Но с легкой детскою тропой пришлось ему
проститься.

Внезапно к нам нагрянул враг,
Над миром встала тьма.
И, руки сильные связав,
Как вяжут крылья птице,
Моток колючек окружил дороги и дома.

Вот бродит он совсем один
По переулкам гетто,
Как будто с городом родным он с детства не
знаком.

Лишь старый пес, встречаясь с ним,
Кивает в знак привета
И лижет мальчику ладонь шершавым языком.

Погиб отец, погибла мать, —
Он не простился с ними.
О детство, ты как огонек,
Что вспыхнул и погас.
Но в трудный час его глаза вы видите сухими,
Он исподлобья, как зверек, всегда глядит на вас.

Вот пробил час,

И он ползет через забор колючий.
Вот он на поле и лежит, как камень из пращи.
С ним горстка сухарей и нож на всякий случай,
И он скрывается в лесу, —
Попробуй отыщи!

— Ну, хлопец, как пришлась тебе по вкусу
наша хата?

Как будто в сказке —
Без дверей, без стен и потолка...
Да, в жизни горя, мальчуган,
Хлебнул ты рановато, —
Так говорит с ним командир народного полка.

Он укрывает смельчака полой своей шинели,
От гроз, от сырости ночной,
От свежих ранних рос.
Они идут всегда вдвоем
Через кусты и ели.
И с ними рядышком бежит дворовый верный
лес.

Однажды все встают чуть свет,
Лишь ветер в листьях ропщет, —
Глядят бойцы по сторонам, а их дружок исчез.
Куда ушел наш партизан,
Куда девался хлопчик?
Молчит в печали весь отряд, стоит в раздумье
лес.

А он у городских дорог
Дежурит до рассвета,
Крадется от сосны к сосне
И от куста к кусту,
И сотни смелых горожан выводит он из гетто,
Условным свистом огласив сырую темноту.

Ведет к победе сквозь него тропа прямая,
Отныне он не сирота,
Не нищ, не одинок.
И партизанский командир, парнишку обнимая,
С отцовской лаской говорит:
— Мой мальчик, мой сынок!

1943

С. Галкин

* * *

Ты хочешь знать, чего хочу я?
Понять, куда мечтой лечу я?
Тебе скажу я в тишине:
Цветок хочу я из-под снега!
Луну с безоблачного неба!
Но что мне в той луне?
Пусть вспять пойдет земли вращенье,
Чтоб вместе с нею на мгновенье
Ты повернулась бы ко мне.

* * *

Меня ты любишь — сорванца, чертенка,
Мальчишку с сединой в вихрах волос.
Не хочешь ты, чтоб я, искусник тонкий,
Густой родней, потомков тьмой оброс.

Меня ты любишь — грешника такого,
Что воспевать горазд свои грехи.
Меня от мира ты укрыть готова,
Чтоб шум мирской не заглушил стихи.

Ты в споре с миром взять готова с бою
Тот чудный час, когда мой взор и слух
Как тайну ловят первородный дух,
Чтоб мир в стихах возник перед тобою

Таким, как он почудился поэту...
За этот час готова пасть в борьбе.
Ты оба мира требуешь себе, —
Просила б ты и больше — больше нету.

Т О П О Л И

Белых тополей ряды
На степной равнине,
Вдоль дорог и у воды —
По всей Украине.
И куда б ни бросил взгляд,
Ни бродил я где бы —
Всюду тополи стоят,
Упираясь в небо.
Сердце вздрогнет, как крыло
И помчит куда-то.
Конь несет меня в село —
Тишь, сады и хаты.
У плетня чего-то ждет,
Замерла дивчина.
Строг и свеж вишневый рот,
А глаза — маслины.
Черноброва и смугла
Стройная дивчина,
Словно тополем выросла
В землю Украины.
Много тополей встречал
Я больших и стройных,
Но один мне другом стал
В этот полдень знойный.
В этот жаркий летний день
У реки привольной
Он свою мне отдал тень —
Тополь белоствольный.
В знойном воздухе плывут
Тополей вершины,
К солнцу тянутся, растут
Вместе с Украиной . . .

П О Е Т В О М Н Е

Что-то вновь звенит во мне,
Слышное едва.
Песнь из сердца в тишине
Всходит, как трава . . .
Что же это, не пойму, —
Может, степь поет в дыму?
Может, луч, что край земли
Не златил еще?
Может, голос, что вдали
Не грустил еще?
Все поет во мне сейчас . . .
Оттого ль, что луч
Светит из-за туч?
Что же, пусть в закатный час
Солнце скроется от нас —
Снова солнцу цвести.
Неспроста в седом дыму
У меня есть путь к нему,
Мост надежный есть!
Смех смолкает на устах,
Опадает цвет в садах,
Мощь свою теряет лев,
Сталь ржавеет, одряхлев,
Гаснет песня, став слепой,
Гаснут дни, спеша толпой, —
Но живым горит огнем
Все, что в сердце есть моим!
И пою.
И счастлив я.
На душе светло.
Хоть на мир я не глядел
Сквозь волшебное стекло,
Не свершал великих дел,
А простым был, как земля,
В чью степную ширь моя
Жизнь вливалась, как струя.
Отчего ж поют во мне
Грусть и радость в тишине?
Может, свет во мне поет,
Что сгорел дотла?

Может, боль во мне живет,
Что давно прошла?
Может, даль звенит во мне
Озорным ручьем
С отраженным в глубине
Солнечным лучом?
Или это кровь гудит —
Оттого, что в ней
Отклик радостный родит
Шум великих дней?!

1939

Перевод А. ОЙСЛЕНДЕРА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
МЫ — ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ	9
ОТ ПЕТРА — ДО СТАЛИНА	11
ЗАПОРОЖЦЫ ЗАБАВЛЯЮТСЯ (Н. Гоголь)	13
НАКАЛ ПЕРЕД ГРОЗОЙ (И. Франко)	17
КИЕВСКИЙ ПОГРОМ (И. Эренбург)	19
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ (Ф. Достоевский)	21
ПОГРОМ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (Н. Островский)	23
АНТИСЕМИТСКИЕ АНЕКДОТЫ	29
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (С. Витте)	35
В СТРАНЕ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА	41
ЕВРЕИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (С. Рабинович)	43
СЛОВО РЯДОВОГО СОВЕТСКОГО ЕВРЕЯ (Н. Шапиро)	47
СЛОВО УКРАИНЦА (С. Караванский)	60
О ПОЛОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В СССР (Говард Фаст)	62
СТАЛИН И ЕВРЕИ	63
СТАЛИН, МЕХЛИС, КОЛЬЦОВ (Б. Ефимов)	66
ОТКРОВЕННОСТЬ ХРУЩЕВА	70
ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ (Ю. Алешковский)	71
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА МОГИЛЕ МОЕГО ДЕДА (Р. Казакова)	73
КОМСОМОЛЕЦ ПОЭТ К. (Е. Евтушенко)	75
ДИСПЕТЧЕР СВЕТА (Е. Евтушенко)	77
РУМБУЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК (Н. Однопозов)	82
БОРИС СЛУЦКИЙ	83

»БАБИЙ ЯР«	86
ЕВТУШЕНКО О СВОЕМ СТИХОТВОРЕНИИ »БАБИЙ ЯР«	87
БАБИЙ ЯР (СТИХИ) (Е. Евтушенко)	91
МОЙ ОТВЕТ (А. Марков)	94
ОТВЕТ МАРКОВУ (Анонимный поэт)	95
ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ (Д. Стариков)	97
25-я ГОДОВЩИНА (Иван Дзюба)	97
ИНЦИДЕНТ В МАЛАХОВКЕ	111
ДВЕ ЛИСТОВКИ	112
МЫ — МАЛАНЦЫ (М. Алигер)	113
ОТВЕТ МАРГАРИТЕ АЛИГЕР	116
СОВЕТСКИЙ РАСИЗМ (И. Эренбург)	118
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ (И. Эренбург)	129
КОГО ОНИ УБИЛИ? (Яков Кумок)	135
СОВЕТСКИЕ ПАРАДОКСЫ	139
СОВЕТСКИЕ ПЛАКАТЫ	141
СОВЕТСКИЕ АНТИСЕМИТСКИЕ КАРИКАТУРЫ	144
АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ — НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ	148
КАК МНЕ СТРАННО, ЧТО ТЫ ЖЕНА	148
АНТИСЕМИТЫ	150
О СТИХОТВОРЕНИИ А. ГАЛИЧА »ДОМАШНЯЯ ЕВРЕЙ- СКАЯ«	151
ДОМАШНЯЯ ЕВРЕЙСКАЯ	152
ПО СЛЕДАМ ИСБАХА (Б. Дьяков)	153
Г. ФАСТ О ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ, РАССТРЕЛЯН- НЫХ В СССР	155
ОТ »СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ« ДО СТАТЕЙ В »КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ«	158

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ	161
УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ СИБИРСКОГО ГОСПИТАЛЯ	170
КИНОДРАМАТУРГ М. И. БЕРЕСТИНСКИЙ	171
КРЕМЛЕВСКИЙ ВРАЧ КАГАЛОВСКИЙ	172
ИНЖЕНЕР СЕВ. МОРСКОГО ПУТИ	174
КРЕМЛЕВСКИЙ ВРАЧ ШТЕЙНФЕЛЬД	179
ЯКОВ РОМ	185
»ЛИТЕРАТУРНЫЕ« ПСЕВДОНИМЫ	185
ЖЕРТВЫ КУЛЬТА ЛИЧНОСТЕЙ	191
ТРАГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА (Ю. Наумов)	202
ИЗРАИЛЬСКО-АРАБСКАЯ ВОЙНА	205
АНТОЛОГИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТОВ-ЕВРЕЕВ	205

RUSSIAN BOOK CENTRE

21, RATHBONE PLACE,
LONDON, W. 1.

продает следующие книги:	\$
Е. Евтушенко — КАЧКА, сборник стихов	2.00
Е. Евтушенко — АВТОБИОГРАФИЯ	2.00
Е. Евтушенко — БАБИЙ ЯР, грампластинка, читает поэт	1.50
Б. Дьяков — ПОВЕСТЬ О ПЕРЕЖИТОМ	2.00
Н. Аржак — ЧЕЛОВЕК ИЗ МИНАПА	1.00
” ПРОИЗВЕДЕНИЯ	1.50
Д. Бергельсон — ИЗБРАННОЕ (идиш)	1.50
П. Маркиш — СТИХОТВОРЕНИЯ	3.50
П. Маркиш — ПОСТУПЬ ПОКОЛЕНИЙ (идиш)	2.50
Ицхок-Лейбуш Перец — В ПОДВАЛЕ, Рассказы (идиш)	1.50
Менделе Мойхер-Сфорим, СОЧИНЕНИЯ	1.50
” ” ” — ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕНИ- АМИНА III, Фишка Хромой (идиш)	1.50
О. Мандельштам	8.00
Б. Пастернак — Др. ЖИВАГО	2.50
Г. Фаст — ГОЛЫЙ БОГ	2.50
И. Эренбург — СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	20.00
С. Маршак — ПРОИЗВЕДЕНИЯ	7.50
ИВРИТ — РУССКИЙ СЛОВАРЬ, Около 28.000 слов	7.50
Е. Гинзбург — КРУТОЙ МАРШРУТ (советская писательница описывает 20 лет своей жизни в советском концлагере — на англ. языке)	7.50
И. Бабель — КОНАРМИЯ	1.50
Э. Шехтман — НАКАНУНЕ (идиш)	1.25
Б. Ефимов — ЖЕРТВА КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ	0.75
ПЕСНЬ ЛЮБВИ — Сборник (640 стр. Сюда вклю- чены стихотворения Эренбурга, Уткина, Шех- тера, Алигер, Казаковой, Мандельштама, Мар- киша, Симонова, Маршака и пр.)	2.50

а также тысячи разных других книг и пластинок.
